АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

3

МАЙ — ИЮНЬ

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
№ .....

БИБЛИОТЕКА
Ставропольского
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени 50-летия СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1952

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1952

ДВА ГОДА ДВИЖЕНИЯ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ ПО НОВОМУ ПУТИ

20 июня 1950 г. в газете «Правда», открывшей свободную дискуссию по вопросам языкознания, была напечатана статья И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании». Это событие произвело революцию, коренной переворот в развитии науки о языке. В замечательной работе И. В. Сталина, осветившей ярким светом творческого марксизма сложнейшие вопросы языкознания, был указан единственно правильный путь дальнейшего движения советской лингвистики. С выходом в свет труда И. В. Сталина бесповоротно кончилась полоса господства немарксистской теории акад. Н. Я. Марра, основанной на ошибочных, ненаучных представлениях о языке как надстройке, о классовости языка, о стадиальности в развитии языка и мышления и о взрыве как основной форме качественного преобразования языка, о четырехэлементном анализе как таинственной отмычке к «закономерностям» «единого языкотворческого процесса», о языковом скрещивании как универсальном способе образования новых по своему качеству типов и видов языка. В книге И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» дано гениальное по глубине, ясности и точности определение основных понятий и категорий марксистской теории и истории языка; здесь заложены прочные методологические основы для широкой и свободной разработки советского языкознания на базе творческого марксизма.

Работы И. В. Сталина по вопросам языкознания вдохнули жизнь в советскую науку о языке и вывели ее из состояния кризиса и застоя. Вот уже два года движется советское языкознание по новому пути. С наступлением второй годовщины выхода в свет гениальной сталинской работы, открывшей перед наукой о языке беспредельные горизонты творческих задач и исследований, целесообразно и полезно нам, советским языковедам, оглянуться на пройденную часть пути, трезво оценить свои усилия, достижения и ошибки за это время и дружнее мобилизовать себя для более успешного выполнения великих сталинских предначертаний.

В последних строках сталинской работы «Относительно марксизма в языкознании» кратко, ясно и точно были сформулированы основные задачи деятельности советских языковедов на ближайшее время: «Ликвидация аракчеевского режима в языкознании, отказ от ошибок Н. Я. Марра, внедрение марксизма в языкознание,— таков по-моему путь, на котором можно было бы оздоровить советское языкознание»[1].

Если первый год работы советских языковедов после появления трудов И. В. Сталина явился годом коренной перестройки научно-исследовательской и научно-педагогической работы, годом организации и сосредоточения всех сил для работы по-новому, то от второго года работы наша страна вправе ждать и требовать гораздо большего. Советские языковеды получили возможность, опираясь на сталинское учение о языке, внедряя

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 34.

марксизм в языкознание, проникнуть во внутренние законы развития языковых явлений, увидеть в настоящем свете процесс исторического движения языков, всесторонне изучить и понять те пути, по которым этот процесс идет в нашей стране с ее многочисленными языками, и активно содействовать совершенствованию языков социалистических наций.

Много ли сделано советскими языковедами за этот год для выполнения тех задач, которые поставлены перед ними трудами И. В. Сталина?

Все три задачи, выдвинутые И. В. Сталиным, неразрывно связаны друг с другом. Связь эта — глубокая, внутренняя. Правда, И. В. Сталин отметил, что уже свободная лингвистическая дискуссия 1950 г. выставила на свет божий аракчеевский режим, установленный в органах языкознания «учениками» Н. Я. Марра, и разбила его вдребезги. Однако И. В. Сталин подчеркнул, что для оздоровления советского языкознания, для свободного и творческого его развития необходима полная ликвидация аракчеевского режима и всех его пережитков.

Основными качествами аракчеевского режима в области науки являются отрицание свободы критики, творческих дискуссий, пренебрежительное отношение к самокритике — этому закону развития социалистического общества, беспринципная, не отказывающаяся ни от каких средств морального и организационного давления на «непокорных» охрана ненаучной рутины только потому, что она для отдельной группы ученых выгодна и удобна, связанное с этой беспринципностью замалчивание несообразностей той теории, которая «непогрешимой кастой руководителей» возведена в догму, а также и своих собственных ошибок и промахов, талмудизм и начетничество, а иногда и невежество в вопросах марксизма, антипатриотическое презрение к научной традиции и самодовольное, нескромное высокомерие зазнавшихся выскочек. Задача ликвидации аракчеевского режима и его пережитков требовала идейно-политического воспитания лингвистических кадров и прежде всего бывших «учеников» Н. Я. Марра и их подголосков, требовала широкого развития творческих дискуссий, свободы критики и самокритики в языковедческой среде, требовала глубокой принципиальности и мужества как в борьбе с чужими ошибками и в отказе от своих заблуждений, так и в отстаивании своих научно обоснованных воззрений, требовала новаторского, проникнутого духом творческого марксизма отношения к теоретическим и практическим вопросам языкознания. Несомненно, что за протекшие два года была проделана большая идейно-политическая и научно-воспитательная работа по перевооружению, по переподготовке кадров бывших сторонников «нового учения» о языке, а также по усовершенствованию и научному инструктированию деятелей языкознания на периферии, по выращиванию новой молодой лингвистической смены. Содержательность, научно-теоретическая и практическая целесообразность, повысившийся научный уровень, ясная методологическая направленность и фактическая оснащенность многочисленных языковедческих диссертаций — докторских и кандидатских, защищенных и представленных к защите за последние два года, также убедительно свидетельствуют о возрождении, о подъеме советского языкознания. Нельзя не видеть и того факта, что общественные требования к научному качеству лингвистических работ повысились. Большинство языковедов прониклись сознанием своей огромной ответственности перед народом и важности своей научно-исследовательской и научно-практической деятельности, направленной к достижению тех целей, которые поставлены перед советскими языковедами великим Сталиным.

Растет и уважение к истинной лингвистической науке, сказывающееся в глубоком и добросовестном исследовании языкового материала, в сознании необходимости твердых научных, марксистски обоснованных дока-

зательств той или иной теории, в понимании задач и приемов подлинной советской критики и самокритики. Есть отрадные признаки того, что польза, ценность творческих дискуссий, если они проходят на высоком научном уровне, все больше и больше осознаются широкими кругами лингвистов. Во второй половине 1951 г. и в начале 1952 г. были проведены дискуссии по вопросам происхождения языков и народов (Институтом языкознания АН СССР совместно с институтами Истории, Этнографии и Истории материальной культуры), по вопросу о внутренних законах развития языка, по важнейшим вопросам теоретического и практического языкознания в Молдавской, Казахской и Узбекской ССР, по вопросам изучения коми-языка и близко родственных финно-угорских языков, по вопросам развития языков прибалтийских стран, по вопросу об ошибках в исследовании осетинского языка и фольклора и др. Широкий интерес общественности к этим дискуссиям, многочисленные и содержательные выступления в ходе дискуссий, важные проблемы, выдвигавшиеся их участниками, итоги, выводы и решения, касавшиеся общих и конкретных вопросов науки о языке вообще и истории отдельных языков в частности, и намечавшие верные пути дальнейшей работы в области теоретического и практического языкознания,— все это говорит о начавшемся оздоровлении и даже выздоровлении советского языкознания, как в центре, так и на местах. Но было бы излишним оптимизмом думать, что эта интенсивная научная жизнь во всех языковедческих учреждениях нашей страны идет одинаково стремительным темпом, что пробужденная лингвистическая мысль уже всюду бьет ключом. (Ср. характеристику состояния языковедческой работы в разных национальных республиках и областях в передовой статье № 1 «Вопросов языкознания»).

Тревожные сигналы о неблагополучии, о трудностях изживания антинаучных навыков, приобретенных за время господства теории Н. Я. Марра, о попытках прежних аракчеевцев — вместо глубокой и добросовестной самокритики — укрыться под излюбленную ими сень талмудизма и мнимых разоблачений чужих ошибок, о подмене больших и важных проблем исследования того или иного национального языка в свете сталинского учения о языке узко практическими, иногда очень частными и даже мелкими задачами, нередко с оттенком националистического пуризма, о воспитанных «новым учением» о языке антиисторических замашках в подходе к языку, о невладении методом сравнительно-исторического исследования и т. п.— доходили из различных языковедческих учреждений некоторых национальных республик и областей: из Азербайджана, Узбекистана, Туркмении, Коми-Филиала Академии Наук СССР, из Молдавии, Северной Осетии и др. Здесь сказалось тяжелое наследие аракчеевского режима: наличных кадров мало для решения тех грандиозных задач, которые поставлены перед языкознанием И. В. Сталиным. Поэтому необходимо улучшить подготовку лингвистической смены. Необходимо воспитывать глубокую, непримиримую принципиальность в защите своих взглядов, если они марксистски обобщают реально-исторические процессы развития языка, и способность открыто и честно признать ошибочность своего убеждения, если оно противоречит живой языковой действительности. «Наука непримиримо враждебна догматизму, приверженности к отжившему, не соответствующему уже новой исторической обстановке, практике» [2].

*

Нельзя отрицать значительных достижений советского языкознания в борьбе с ошибками теории Н. Я. Марра, в освобождении от антимарксистских ненаучных положений «нового учения» о языке. Но эти достижения

[2] «Большевик», 1952, № 6, стр. 4.

дались не без усилий и не без напряжения. Особенно болезненным и трудным оказался процесс идеологического перевоспитания для некоторых «учеников» Н. Я. Марра, которым пришлось не только «перестраиваться», но иногда даже учиться сызнова. Принципы конкретно-исторического и сравнительно-исторического изучения языка были чужды тем, кто был привычно настроен на стадиально-типологические рассуждения о языковых явлениях или на абстрактное, оторванное от живой языковой действительности, вульгарно-социологическое теоретизирование по поводу разных, нередко полузнакомых языков. Медленность перестройки, стремление уклониться от самокритического анализа допущенных ошибок и извращений марксистской теории и от какого бы то ни было участия в общей напряженной творческой работе советских языковедов, желание занять позицию стороннего наблюдателя под флагом мнимой необходимости вести только «конкретные» исследования — были характерны для части бывших «учеников» Марра. Все это отмечалось в соответствующих постановлениях Президиума Академии Наук СССР при проверке хода научно-исследовательской работы по языкознанию. Некоторые из бывших представителей «нового учения» о языке, вместо того чтобы критикой собственных теоретических ошибок, их глубоким разоблачением помочь освобождению советского языкознания от ошибок Н. Я. Марра, охотно занимались яростными и не всегда целенаправленными общими нападками на работы Марра и вылавливанием чужих упущений и обмолвок. В этом отношении особенно характерна «деятельность» проф. Г. П. Сердюченко, проф. С. Аманжолова и других.

Широкому и всестороннему развертыванию борьбы с ошибками Н. Я. Марра и его «учеников» первоначально мешало медленное осознание многочисленными сторонниками «нового учения» о языке всего вреда и всего многообразия тех извращений подлинно марксистского подхода к языку, которые содержались в их работах и по общему языкознанию и по конкретному изучению отдельных языков. Ясно выступало стремление путем некоторых уступок, путем отказа от принципа стадиальности, от теории «взрывов», от «классовости языка» сохранить, сберечь чуждые историзму абстрактно-типологические схемы сопоставления языков, «понятийные категории» хотя бы в скрытом виде, навыки семантико-синтаксического анализа с уклоном в «идеологию», привитые работами акад. И. И. Мещанинова. В этом отношении показательны заявления самого акад. И. И. Мещанинова о существе и ценности деятельности Н. Я. Марра и его «учеников»: «Чем мы, в конце концов, занимались? Анализом наличного материала, установлением наличных форм, т. е. тем, что, я бы сказал, требуется для начальных классов средней школы, когда учащемуся нужно знать, сколько отдельных грамматических форм в таком-то падеже, как изменяются падежи и т. д. Для нас этим изучение бы и ограничилось, ограничилось бы потому, что мы, при всем своем убеждении, что мы историчны, глубже в историю идти не могли, так как нас сковали рамки стадиальности... Мы были замкнуты в эту стадию» [3].

Таким образом, путем преднамеренного ограничения и принижения сферы интересов и претензий «нового учения» о языке предлагалось сохранить его скромные «достижения» хотя бы в области статического, описательного изучения современных языков народов Советского Союза, «достижения», не имеющие ничего общего со сталинским учением о языке.

---

[3] Выступление акад. И. И. Мещанинова на Объединенной научной сессии Отделения литературы и языка АН СССР и Академии педагогических наук РСФСР, посвященной трудам И. В. Сталина по языкознанию и вопросам преподавания языков в советской школе, стеногр. отчет, «Изв. Акад. пед. наук РСФСР», вып. 39, М. 1952, стр. 158.

Борьба с ошибочными положениями теории Н. Я. Марра, критика общих ненаучных основ «нового учения» о языке, анализ и показ того вреда, который это учение нанесло нашей науке,— приобретали в течение этого второго года развития советского, сталинского языкознания все более широкий размах, все более глубокий и принципиальный характер. С разной степенью остроты и на разной глубине научно-теоретического осмысления критика ложных основ «нового учения» о языке происходила во всех языковедческих учреждениях, во всех республиках и областях нашей страны. Она нашла отражение в нескольких изданных или подготовленных сборниках (например, по вопросам украинского, казахского, узбекского, латвийского, армянского, молдавского, бурят-монгольского языкознания), во множестве брошюр, журнальных и газетных статей. Наиболее концентрированное и полное выражение критика основных положений теории Н. Я. Марра и главных ошибок марровского характера в области изучения разных языков и групп родственных языков получила в сборнике «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», второй том которого только что вышел в свет.

О том, насколько далеко вперед ушло советское языкознание от основных положений «нового учения» о языке, можно судить по той исторической перспективе, в которой воспринимаются теперь еще такие недавние и вместе с тем уже такие далекие широковещательные декларации Г. П. Сердюченко, С. Д. Кацнельсона, Н. С. Чемоданова, Н. Ф. Яковлева и других эпигонов «учения» Н. Я. Марра. И все же нельзя не видеть, что предстоит еще очень большая и упорная работа по искоренению тех отрицательных научно-общественных явлений в лингвистической среде, которые являются следствием господства ошибочной теории Н. Я. Марра. Сюда относятся: отсутствие у части лингвистов интереса к теории и практике конкретно-исторического исследования языка, отрыв истории языка от истории народа, неуменье применять сравнительно-исторический метод, смешение лексики с грамматикой или как контраст механическое отсечение грамматики от лексики, неясное и путаное понимание задач отдельных лингвистических дисциплин нечеткое представление о принципах построения описательной грамматики, голый эмпиризм в практике лексикологической и лексикографической работы, недооценка важности стилистики национального языка, теоретическая беспомощность в вопросах изучения истории литературного языка и языка художественной литературы.

Само собой разумеется, что лучшим критерием для определения или измерения глубины и силы освобождения советского языкознания от ошибок Марра и от ошибок буржуазно-идеалистических воззрений должно быть высокое идеологическое качество и научно-исследовательская ценность лингвистической продукции за это время.

*

В труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» было дано ясное и точное изложение общей теории марксистского языкознания. Естественно, что советские языковеды прежде всего должны были заняться освоением и изучением основ марксистской теории и истории языка, установленных И. В. Сталиным, и осмыслением с этих научных позиций того языкового материала, который был до этого времени накоплен. Вопросы структуры языка, необходимость конкретизировать понятие основного словарного фонда и углубить понимание отдельных грамматических категорий и грамматического строя в целом — применительно к тому или иному национальному языку, проблема переосмысления исторических

взаимоотношений национального языка и его диалектов, а также отношения современного литературного языка к книжному языку прошлого и его стилям, вопросы словообразования и причины изменений словарного состава языка, проблемы нормализации языка и его общественной регламентации в свете сталинского учения о языке, общие перспективы сравнительно-исторического исследования родственных языков — эти и многие другие вопросы, возникшие в связи с изучением работ И. В. Сталина по языкознанию, всколыхнули советскую языковедческую науку и вызвали в ней творческое оживление и стремительное движение. Но вначале работа пошла не столько вглубь, сколько вширь.

Удовлетворяя запросы и требования советского общества, общенародный интерес к сталинскому учению о языке, советские языковеды провели большую работу по пропаганде основ марксистского языкознания среди научных работников, педагогов, учащихся, в широких кругах советской интеллигенции. Эта работа помогла советским языковедам глубоко, творчески осваивать принципы сталинского учения о языке. Она потребовала самостоятельного применения основ марксистского языкознания к конкретному материалу различных языков, в первую очередь языков народов Советского Союза, и прежде всего русского языка, его истории, его современного состояния. Само собой разумеется, что сюда же входили и вопросы создания учебников по разным национальным языкам и учебных пособий по всем языковедческим дисциплинам в свете сталинских указаний. Острая нужда в учебниках и учебных пособиях, построенных на основе сталинского учения о языке, еще не удовлетворена даже в самых скромных размерах. Нет еще и желательного теоретического размаха, научно оправданной смелости и остроты, идеологической оснащенности и выдержанности в постановке и обсуждении важных проблем марксистского языкознания, направляющих и организующих работу на таких еще малоразработанных участках нашей науки, как семасиология, фонология, взаимоотношение логики и грамматики, история языка и мышления, сравнительно-историческое изучение родственных языков, теория художественной речи, теория перевода и стилистика.

Правда, и в течение минувшего года обсуждался вопрос о слове, понятии и значении, о том, что следует более глубоко и точно различать значения слов и содержание мысли, выражаемой посредством этих слов, разграничивать законы и формы мышления и его содержание. И. В. Сталин указал, что в языке «...подавляющая масса слов и выражений, как и их семантика, являются общими для всех классов общества»[4]. Языковедам стала ясна необходимость всестороннего исследования социально-исторических причин изменения значений слов, а также разных типов и закономерностей этих изменений. Сюда же примыкает задача изучения того процесса, посредством которого на значение слова наслаиваются смысловые оттенки, связанные с содержанием мысли, прикрепляемой к этому слову в определенной общественной среде, поскольку мировоззрение, как система взглядов и идей, иногда накладывает свой отпечаток на некоторые слова и выражения. Но все эти сложные вопросы еще не получили глубокой теоретической и конкретно-исторической разработки с широким привлечением иллюстративного языкового материала.

В результате длительного обсуждения вопросов логики наши философы, подводя итоги дискуссии, пришли к сознанию неотложной необходимости настойчиво и целеустремленно взяться за решение задач огромной важности, стоящих перед советскими логиками, и прежде всего задач, вытекающих из труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

---

[4] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 40.

«Необходимо на конкретном материале разработать вопрос о единстве языка и мышления, логических и грамматических форм, о взаимоотношении логики и грамматики... формальная логика, исследуя свой предмет, поступает с ним так же, как поступает со своим предметом грамматика. При изучении форм и законов мышления она берет общее и отвлекается от единичного, конкретного. Рассматривая понятие, суждение, умозаключение, она формулирует правила, которые касаются не тех или иных конкретных понятий, суждений, умозаключений, но понятий вообще, суждений вообще, умозаключений вообще; следовательно, она отвлекается от конкретного содержания понятий, суждений, умозаключений. Исследование с этой стороны связи между логикой и грамматикой является чрезвычайно благодарной задачей». Не менее важен и вопрос о суждении и его взаимоотношениях с предложением[5]. Многое в постановке и разрешении вопроса о взаимоотношении грамматики и логики может проясниться при внесении в формальную логику тех поправок, о необходимости которых говорил В. И. Ленин. Эти поправки должны идти в направлении полного очищения формальной логики от средневековой схоластики, ликвидации отрыва формальной логики от жизни, от практики. Стремление сблизить логику с языкознанием заводит некоторых логиков очень далеко. Так, проф. П. С. Попов полагает, что логика является продолжением семасиологии, т. е. учения о смысловой стороне слов и выражений [6]. Правда, тут же указывается, что логическая семасиология выходит за пределы языковедческой семасиологии. Но утверждается, что семасиология исторически сложившихся языков является базой логики, «как содержание ощущений является базой мыслительной деятельности, но ее не покрывает и не исчерпывает». Аналогия между языком и ощущениями — крайне рискованная аналогия. Становится тем более непонятным, о семасиологии каких языков идет речь и нет ли тут смешения приема раскрытия логических категорий и операций при помощи материала того или иного языка с внутренним содержанием самой логики как науки. Во всех этих рассуждениях язык берется как общее, внеисторическое и вненациональное понятие, как язык вообще, хотя в качестве иллюстрации того, как языковые показатели оказываются определяющими и обосновывающими важнейшие понятия и категории логики, приводятся факты латинского и современного русского языка. Особенно важными для логики представляются П. С. Попову явления «живых языков». Исходной базой для определения структуры познавательной мысли, по его словам, «являются неизменно конкретные живые языки; они доставляют тот материал, благодаря которому мы можем усмотреть значимость логических аксиом» (стр. 61).

Во всяком случае необходимо признать, что попытки разъяснить взаимоотношение и взаимодействие логики и грамматики, логики и семасиологии (вспомним из прошлого, например, рассуждения о семасиологической основе предикации и предикативности у Серрюса в книге «Логико-грамматический параллелизм») пока еще не дали ничего конкретно нового и поучительного для самого языкознания. И все же нельзя не заметить, что наряду с расширением и развитием деятельности по созданию словарей и грамматик отдельных национальных языков, наряду с развертыванием изысканий по истории и диалектологии разных языков, изучение целого ряда сложных и важных вопросов марксистского языкознания в истекшем году значительно продвинулось вперед.

---

[5] См. «К итогам обсуждения вопросов логики», «Вопросы философии», 1951, № 6, стр. 149.

[6] См. П. С. Попов, Учение И. В. Сталина о единстве языка и мышления и задачи логики, «Вестник Московского университета», 1951, № 9, серия общественных наук, № 4, стр. 56 и след.

Следует особенно подчеркнуть результаты творческих дискуссий по вопросу о внутренних законах развития языка, исследование закономерностей развития языков народов Советского Союза, изучение истории языковедческой науки и некоторое оживление в области истолкования специфики речи литературно-художественных произведений в связи с исследованием стилей современных национальных языков.

*

В разработке вопроса о внутренних законах развития языка за истекший год произошел заметный сдвиг, достигнуты некоторая конкретизация и теоретическое раскрытие понятия внутренних законов развития языка (как общих всем языкам, так и частных, свойственных тому или иному отдельному языку или группе родственных языков); сделаны попытки освещения грамматического строя отдельных языков на основе этого марксистского понятия; показано отличие содержания понятия «внутренних законов развития языка» от «лингвистического закона» в домарксистском языкознании; подчеркнуто соотношение и взаимодействие внутренних законов развития языка и правил функционирования, употребления языка как «системы»; выдвинута задача исследования закономерностей развития всех сторон языка в их взаимосвязанности и взаимообусловленности; поставлен вопрос о важности изучения тенденций развития языка, обусловленных его функцией как средства общенародного общения и историческим обогащением форм общения. В результате дискуссий определилось, в частности, понимание внутренних законов развития языка как динамических законов взаимосвязи изменений структуры языка во всех ее звеньях. Эти законы исторически изменчивы. Охватывая грамматический строй, основной словарный фонд и связанную с ним подвижную часть словарного состава, а также звуковую систему языка, они определяют общее направление изменений качества того или иного национального языка, обуславливают периодизацию истории языка. Понятно, что изучение развития языков и внутренних законов этого развития должно проводиться в неразрывной связи с историей соответствующего народа. Некоторые из этих законов развития оказываются общими у группы родственных языков, особенно на первых этапах их дифференциации, но и тут очень важны наблюдения над специфическими отличиями их действия в истории отдельных языков. На основе этих прояснившихся принципов сделаны общие очерки внутренних законов развития грамматического строя русского, немецкого, английского и других языков. Все это, конечно, еще только начало решения важной задачи — построения историй развития отдельных языков и групп родственных языков на широкой марксистской базе, на основе всестороннего изучения связи языков и законов их развития с историей народов.

Уже обозначились и некоторые опасности, подстерегающие лингвистов на пути к решению этой задачи. Прежде всего очень легко впасть в историзм чисто внешний. Насколько такая опасность реальна, свидетельствуют некоторые поспешные попытки немедленно, не отягощая себя исследованием фактов, построить «периодизацию» истории языка (русского, украинского, белорусского, узбекского, казахского, болгарского и др.). Ревнители такой периодизации жаждут, в сущности, только одного: полочек и рубрик, номенклатуры и заголовков. Они забывают, что установить действительную периодизацию истории языка можно только после тщательного изучения конкретных изменений разных сторон языка, в результате исследования, завершающегося открытием внутренних законов развития

этого языка. Понимание этого и было, в частности, положительным результатом дискуссии по периодизации узбекского языка, состоявшейся в феврале этого года в Ташкенте. Нам нужно проделать, строго говоря, совершенно новую работу по выяснению того, как именно язык связан с историей народов, в чем искать эту связь и как ее оценивать. Прежнее домарксистское языкознание надежных путей для этого нам не показывает.

Дала себя знать и другая, не менее серьезная опасность, лежащая на пути историко-лингвистического исследования: снова впасть в вульгарный социологизм — тот самый, в который многие из нас впадали, наивно полагая, что «открытие» классовости языка — это верх марксизма в языкознании. Эта ошибка объяснялась в свое время многими причинами и, среди них, научной неразработанностью самого положения об историчности языка и о действительном характере его связи с историей народа. Руководящие сталинские указания в этой области нам даны, надо только уметь их правильно понять и применить на деле.

Необходимо в этой связи глубоко вникнуть в указание И. В. Сталина на то, что отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку и что эти группы и классы стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения. При изучении исторических закономерностей развития словарного состава языка, при изучении идеологической борьбы по вопросу о нормах литературного языка это положение сталинского учения приобретает особенную, решающую силу. Не в бровь, а в глаз попадает оно некоторым деятелям в наших братских республиках, пытавшихся засорять современные литературные языки элементами старой арабо-персидской лексики (Узбекистан). Система основных положений марксистской науки о языке, изложенная в трудах И. В. Сталина, служит исчерпывающим и верным методологическим руководством в работе над изучением законов развития языков мира.

*

Общая историческая перспектива и общие исторические условия развития языков народов СССР, осуществляющих небывалое в мире строительство социалистического общества и переход к коммунизму, выражаются в наличии некоторых общих тенденций развития этих языков. Изучение этих закономерностей в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию у нас несколько продвинулось в 1951 и 1952 гг. Вопросы развития языков социалистических наций имеют очень большое значение для советского языкознания, и теоретическое и практическое. Для многих языков с этим развитием связан переход от бесписьменного существования к многообразию стилевых типов и функций литературного языка как формы быстро расцветающей национальной культуры. Для других это развитие знаменует огромное обогащение словарного состава, усовершенствование и шлифовку грамматики, тонкую дифференциацию средств стилистики национального языка. Относящиеся сюда процессы так разнообразны и исторически значительны, что изучение их представляет для советского языкознания исключительный интерес. Этим изучением закладывается твердая база для установления закономерностей развития языков социалистических наций.

На основе этого изучения раскрываются своеобразия перехода от языков племенных к языкам народностей и к национальным языкам — в условиях социалистического развития советского общества, воплощающего в жизнь принципы ленинско-сталинской национальной политики. Мелкие племена и народности, которые были обречены вместе со своими языками в условиях капитализма на гибель и вымирание, в Советскую

эпоху или развивают свою письменность, или консолидируются с родственными народами, приобщаясь к их национальному языку и культуре, или (как, например, шорцы, гагаузы) сохраняют свой родной язык для бытового общения, используя в функции литературного великий русский язык. Во многих случаях процесс образования социалистической нации из отдельных этнических племенных групп протекал, минуя этапы развития их в качестве народностей и буржуазных наций. Особенно многообразными и разносторонними представляются процессы развития в сфере национально-литературных языков, обслуживающих расцветающую социалистическую культуру, прессу, театр, школьное преподавание, художественную литературу соответствующих народов Советского Союза. В изучении этих процессов по отношению к разным национальным языкам (например, русскому, украинскому, грузинскому, армянскому, казахскому и др.) достигнуты в последнее время некоторые результаты.

С чрезвычайной силой и остротой выдвинулся вопрос об образовании общего лексического фонда социалистической культуры в языках народов СССР. Этот вопрос возник в результате тех резких изменений в ходе мировой истории, которые произошли под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции и последующего мощного — культурного, политического и экономического развития народов Советского Союза, а также стран народной демократии. Общий могучий подъем культуры, техники и экономики многочисленных народов Советского Союза, находившихся до социалистического переворота под классовым и национальным гнетом, не мог не отразиться на развитии их языков, стилистики и словарного состава этих языков. У многих до этого времени бесписьменных народов этот процесс начинался или сопровождался созданием письменности, литературного языка. Широкое и свободное, полнокровное развитие языков социалистических наций протекает при содействии русского языка, языка великого русского народа.

По отношению к отдельным национальным языкам народов Советского Союза осознана задача — на основе сталинского учения о языке установить формы и принципы освоения ими русской общественно-политической и научной терминологии и отвлеченной лексики, широким потоком вливающейся в словарный состав этих языков. Известно, что переводчики русских общественно-политических, публицистических и научных произведений на другие языки социалистических наций нередко сохраняют в тексте перевода русские слова и основы даже в тех случаях, когда есть возможность найти в своем родном национальном языке подходящие выражения для передачи соответствующих понятий.

Крайне необходимы теоретические обобщения в области той поистине грандиозной работы по созданию национальной терминологии, которая развернулась во всех республиках и автономных областях Советского Союза. Эти обобщения должны охватить и развитие интернациональной терминологической лексики, особенно социалистический вклад в нее, сделанный великим русским языком. Усилившаяся работа по созданию терминологических словарей, по кодификации терминологии в разных национальных языках приближает нас к решению этих больших и важных задач. С вопросом об усвоении русской общественно-политической и научно-технической лексики тесно связан и вопрос о внутренних лексических ресурсах того или иного национального языка, об их использовании для передачи отвлеченных понятий или строго очерченного содержания, присущего терминам. Синонимия заимствованных из русского и своих национальных слов во многих национальных языках социалистических наций связана с разграничением стилей разговорной речи и художественной литературы, с одной стороны, и стилей научной и общественно-пуб-

лицистической речи, с другой. Поступают сигналы, что язык переводов (например, в коми-языке) отдаляется от народной разговорной речи. Возросший интерес языковедов к реально-историческим условиям развития национального языка, более глубокое понимание языковой структуры и законов ее изменений привели к постановке целого ряда очень важных практических вопросов, относящихся к судьбам разных языков народов Советского Союза. Так, например, возник и горячо обсуждается у марийцев вопрос о возможности перехода к единому общенациональному марийскому языку. Требует всестороннего изучения вопрос о постепенном сближении двух литературных языков одного и того же народа, например, мордовского (поднятый в статье А. Е. Мординова и Г. Д. Санжеева).

В Советскую эпоху уже происходили изменения диалектной базы в развитии некоторых литературных языков. Так, до Великой Октябрьской социалистической революции алтайцы имели созданную миссионерами церковную письменность и литературный язык узкого применения на базе телеутского диалекта. В первые же годы после революции база была заменена другой: в основу литературного алтайского языка лег более крупный собственно алтайский диалект, с более широкими перспективами развития. В настоящее время в лингвистической среде обсуждается вопрос о целесообразности перевода на иную диалектную базу письменности таких языков, как эвенский и эвенкийский.

Выяснение роли диалектов в развитии современных младописьменных языков тесно связано с изучением соотношений ведущего диалекта, который лег в основу соответствующего литературного языка, и других диалектных ответвлений этого же языка. Только на основе такого рода исследований может быть правильно решен вопрос об использовании диалектных элементов для обогащения письменного языка, хотя бы в рамках языка художественной литературы (например, в отношении коми-языка). К этому вопросу близок и вопрос об обогащении литературного языка продуктами устного народного творчества, его изобразительными средствами, идиомами, фразеологическими выражениями. Исследование тенденций и закономерностей развития языков социалистических наций не может пройти мимо процессов концентрации местных диалектов при образовании национальных языков (например, хакасского) или процессов нивелировки, растворения диалектов вплоть до полного слияния их (как, например, в алтайском языке).

И. В. Сталин подверг сокрушительной критике марровскую теорию языкового скрещения как универсального средства образования новых по своему качеству языков.

Необходимо было положить конец распространению у нас этой ложной теории.

Изучение конкретных процессов взаимодействия, скрещивания языков имеет и большое практическое, общественно-политическое значение. Оно помогает, например, уяснить взаимоотношения структур таких языков, как узбекский и таджикский. Новейшие исследования (В. С. Расторгуевой, А. К. Боровкова и др.) показывают, что многовековое соседство двух братских народов не могло не найти отражения в развитии языков этих народов, но взаимодействие обоих языков не привело к «смешению» их, к образованию гибридов, «скрещенных языков».

Таким образом, наша страна с ее огромным количеством разных языков дает возможность наблюдать и изучать очень разнообразный и по своему строю и по степени своего развития языковой материал, причем наблюдать и изучать его в действии, в кипучей исторической жизни народов — творцов и носителей этих языков. Нужно только уметь эту жизнь видеть, ее понимать, в ней участвовать.

Для углубления наших обобщений о закономерностях развития языков социалистических наций необходимо еще интенсивнее изучать историю языков народов Советского Союза. В каждой союзной республике, во всех национальных автономных областях есть свои научные организации по изучению своих языков, есть свои высшие учебные заведения, где изучается родной язык. Условия для развития такого изучения у нас — еще невиданные в истории. При наличии же объединяющей нас всех научной теории — этого решающего условия успеха — естественно ожидать и требовать несравненно более значительных результатов, чем те, которые до сих пор достигнуты советскими языковедами.

Конечно, как бы много языков ни было представлено в семье народов Советского Союза, как бы ни были они разнообразны, советские языковеды не ограничиваются только ими. У нас уже давно существует прочная традиция изучения различных европейских языков и языков народов Азии. К сожалению, очень слабо представлено у нас изучение языков народов малайского мира, языков Африки. По ряду языков мы еще очень серьезно отстаем, и пока еще ничего не сделано для ликвидации этого отставания. Расширение кругозора нашей науки в этом направлении совершенно необходимо.

*

Расширение базы языковедческой работы, естественно, связано с овладением всеми достижениями предшествующей лингвистической науки.

История языкознания должна быть для нас живым источником развития наших представлений о языке, о типах языка, о специальных приемах изучения языка, о борьбе материалистических и идеалистических теорий в разработке основ языкознания. История языкознания должна быть важным звеном нашей общей языковедческой подготовки, она должна связать наше собственное изучение языков с общим процессом развития изучения языка. Чтобы развивать дальше науку о языке, необходимо серьезно и глубоко знать ее историю.

Марр и его «ученики» воображали, что они строят свое «новое учение» о языке на пустом месте. Они отрицали пользу обращения к научному наследству. Для них история науки о языке (в том числе и нашей отечественной) была тяжкой цепью сплошных извращений и заблуждений. У классиков марксизма-ленинизма они искали лишь цитат, посредством ложного толкования которых пытались подкрепить свою антимарксистскую теорию. И. В. Сталин указал на необходимость воспользоваться для развития марксистского языкознания всем ценным и поучительным, что содержится в предшествующей истории науки о языке. И. В. Сталин, говоря о высокомерном и кичливом нигилизме Марра и марровцев в отношении к лингвистическому наследству, отметил: «Маркс и Энгельс были куда скромнее: они считали, что их диалектический материализм является продуктом развития наук, в том числе философии, за предыдущий период»[7]. Таким образом, перед советскими языковедами была поставлена задача — творчески освоить и использовать в теории и практике марксистского языкознания все факты, обобщения и приемы, добытые и открытые предшествующим развитием лингвистической науки. Для этого нужно было самостоятельно и глубоко исторично с позиций сталинского учения о языке, с позиций творческого марксизма изучить и воспроизвести историю языкознания, иначе говоря: создать марксистскую историю лингвистической науки. Нельзя было для этого брать факты и материалы из вторых рук, нельзя было полагаться на чужие оценки.

---

[7] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 34.

Ведь по отношению к пониманию, восприятию и оценке прошлых деятелей языкознания вполне применим афоризм В. И. Ленина об Аристотеле подлинном, античном и Аристотеле схоластическом — о том, что схоластика убила в Аристотеле живое и увековечила мертвое. Так и буржуазная историография ставила в заслугу многим деятелям языкознания совсем не то, что составляло подлинную ценность их научных достижений и открытий. Советские языковеды за последние годы сумели восстановить и увековечить живое в лингвистических трудах М. В. Ломоносова (особенно см. подготовленный к печати VII том Сочинений М. В. Ломоносова, издание Академии Наук СССР, и комментарии к нему), А. Х. Востокова, И. И. Срезневского. Они стали шире и глубже понимать значение взглядов В. Г. Белинского на вопросы языка и стиля, на развитие русского литературного языка, значение философско-лингвистических воззрений и конкретных языковедческих работ Н. Г. Чернышевского в истории нашего отечественного языкознания. Были сделаны попытки пересмотреть с позиций марксистской теории и истории языка лингвистические труды и теоретические воззрения А. А. Потебни, А. М. Пешковского, А. А. Шахматова, Л. В. Щербы и других отечественных языковедов. Извлечены из-под спуда запрещенные к выходу в свет учениками Н. Я. Марра труды А. М. Селищева («Старославянский язык») и работа проф. Л. П. Якубинского «История древнерусского языка». Подготовлена монография (М. В. Канкава) о Дале как лексикографе. Силами институтов Языкознания, Востоковедения и Славяноведения Академии Наук СССР подготавливается общий очерк истории отечественного языкознания. Ведется однородная работа и в языковедческих учреждениях других академий. Институт языка Академии Наук Армянской ССР выпускает работу Г. О. Сантадзе «Основные этапы истории арменистики».

Но нельзя ограничиться изучением истории развития науки о языке лишь в нашей стране. Мы должны стать наследниками всех передовых, еще не потерявших значения теоретических и конкретно-исторических достижений всей мировой науки, которая не исчерпывается научной мыслью Европы. До сих пор история языкознания состояла в изложении того, что думали о языке Бопп, Гумбольдт, Шлейхер и т. д. Она мало интересовалась, например, тем, что думал о языке и его диалектах Ян Сюн (I в. до н. э.), что думал о языке и его отражении в письменности Сюй Шэнь (I в. н. э.), как представлял себе фонетическую сторону языка Шень Юэ (V—VI вв.) или Гу Янь-у (XVII в.) и т. п.

Конечно, в этом повинны прежде всего востоковеды. Они не сумели до сих пор показать, как развивалась наука о языке в Китае и Японии, какое значение она представляет для общей истории языкознания. Никому из китаеведов и японоведов, да и арабистов, не приходило в голову, что история науки о языке может быть связана не только с именами Боппа, Гумбольдта и т. д. Никто не отрицает великих заслуг в развитии науки о языке этих ученых и целой плеяды других ученых Европы. Но сейчас было бы непростительно полагать, что ими эта наука и ограничивается или всецело определяется. Самым широким образом нужно ввести в общую науку о языке труды ученых Индии, арабских стран, Средней Азии, Китая, Японии. Надо брать при этом исследователей-языковедов, работавших в древнюю пору и Средние века в этих странах: именно там мы найдем самостоятельность, найдем свежие и новые для нас наблюдения, ценнейший материал.

От истории развития знания о языке неотделима история лингвистической терминологии, а также история народных воззрений на язык, на языковые явления. Народ — творец и носитель языка — сам по-своему оценивает разные явления и категории своего языка, выражая свое понимание

их в соответствующих названиях. Эти народные термины и слова — характеристики языковых явлений — представляют собой ценнейший материал для истории изучения познавательной работы народного мышления, не только запечатленного в языке, но и направленного на самый язык.

*

В тесной связи с изучением общественных функций языка на основе сталинского понимания языка как средства общения и как орудия развития и борьбы — находится оживление интереса к вопросу о роли языка как «первоэлемента» художественной литературы. Деятелей литературы влекло к этой проблеме естественное стремление теоретически и практически уяснить себе во всех деталях, с одной стороны, процессы, развивающиеся в языках социалистических наций, и воздействие на них художественной литературы, а с другой стороны, возможные способы и принципы художественного использования общенародного языка и его стилей в произведениях социалистического реализма. Общее направление развития стиля социалистического реализма в этом отношении было охарактеризовано в полном соответствии с ленинским и сталинским пониманием социального значения языка А. М. Горьким: «Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры. Чем острее это орудие, чем более точно направлено — тем оно победоносней»[8]. В статье «О социалистическом реализме» Горький писал: «Подлинная красота языка, действующая как сила, создается точностью, ясностью, звучностью слов, которые оформляют картины, характеры, идеи книг. Для писателя-«художника» необходимо широкое знакомство со всем запасом слов богатейшего нашего словаря, и необходимо уменье выбирать из него наиболее точные, ясные, сильные слова»[9]. В художественной литературе получают конкретное воплощение общие принципы нормализации общенародного языка. Тут определяются нередко и пути его дальнейшего развития. Роль художественной литературы в развитии языков социалистических наций огромна.

Любопытно, что и в этом вопросе о значении художественной литературы в развитии языков социалистических наций «ученики» Н. Я. Марра занимали позицию, прямо противоположную точке зрения передовой советской общественности.

Таким образом, советская лингвистика обязана была сразу же приступить с позиций марксистской теории языка к изучению специфики применения общенародного языка в художественной литературе для воплощения замысла писателя. Эта же задача с иной стороны интересует литературоведа. Естественно поэтому, что вопросы о влиянии художественной литературы на развитие общенародного, национального языка, о роли писателей в развитии литературного языка, о стилистическом многообразии художественной литературы и устной народной поэзии, об общенародном и индивидуальном в языке писателя, о сущности индивидуально-художественного стиля и связи его с мировоззрением писателя — все эти и многие другие вопросы, связанные с изучением речевой специфики художественной литературы и ее жанров, остро встали перед советскими языковедами, литературоведами и писателями. Нельзя сказать, чтобы здесь уже были достигнуты большие успехи. Но самая новизна постановки этих вопросов в свете сталинского учения о языке и огромный общественный интерес к ним в высшей степени знаменательны. Для языковедов особенно важно

---

[8] М. Горький, О литературе, М., 1937, статья «О языке», стр. 147.
[9] Там же, статья «О социалистическом реализме», стр. 344.

изучение соотношения и взаимодействия общенародного разговорного языка и литературной речи в разные периоды истории языка и народа. В истории русского языка от исследования этого взаимодействия зависит решение вопроса о возникновении древнерусского (древневосточнославянского) литературного языка и письменности. Необходимо отметить также произведенные за два года попытки, пусть и не во всем убедительные, недостаточно последовательные и часто противоречивые, более конкретно описать стилевое многообразие разных национально-литературных языков (например, русского, украинского, английского)[10]. Создание стилистики национального, общенародного языка расширяет базу для построения описательных грамматик и лексикологий и вместе с тем служит опорой для изучения своеобразий литературно-художественного применения общенародного языка. В стилистике национального языка должны быть описаны и раскрыты функциональные различия форм речи в зависимости от условий, ситуации, цели, задачи, содержания языкового общения. Искусство же мастера художественного слова состоит в том, чтобы находить, по выражению Льва Толстого, «единственно нужное размещение единственно нужных слов». Стилистика национального языка имеет много точек соприкосновения со стилистикой литературно-художественной речи. Углубленная работа над изучением стилей национально-литературных языков, уже начавшаяся, приведет к более четкому и ясному пониманию функциональных своеобразий речи литературно-художественных произведений. Нельзя не признать слишком прямолинейным и упрощенно схематичным определение «стиля художественной речи» как простой разновидности книжного стиля литературного языка, соотносительной с научным и публицистическим его стилями[11].

Роль художественной литературы (и, следовательно, «стиля художественной речи»), конечно, неодинакова в разные периоды развития литературного языка. Но в эпоху становления национального языка и последующего его развития художественная литература является лабораторией, в которой происходит отбор и «отработка» средств национально-литературного выражения и в которой определяется национально-языковая норма. Так было в истории русского языка, и тот же процесс, хотя и с своеобразными национально-историческими видоизменениями, мы наблюдаем в развитии многих других литературных языков Советского Союза. Вместе с тем, если стилистика национального языка является могучим подспорьем при изучении специфики литературно-художественной речи и ее жанров, то и, наоборот, стилистическое изучение речи литературно-художественных произведений (или, как принято говорить, «языка писателя») содействует разработке и углублению основных понятий и категорий стилистики национального языка, а также его семантики.

Изучение специфики речи художественной литературы в свете сталинского учения о языке у нас еще только развивается. Организация творческих дискуссий по этому вопросу могла бы помочь быстрейшему уяснению основных задач и принципов лингвистического исследования в этой области. В этой связи можно было достигнуть и более ясного и научного, т. е. марксистски оправданного понимания существа речевого стиля писателя—

[10] См. например, статью доц. Н. Н. Амосовой «К проблеме языковых стилей в английском языке в связи с учением И. В. Сталина об общенародном характере языка», «Вестник Ленинградского университета», 1951, № 5. См. также автореферат докторской диссертации И. К. Белодеда «Вопросы развития языка украинской советской художественной прозы (преимущественно послевоенного периода, 1945—1950)», Киев, 1951. Сюда же отчасти примыкают популярные «Очерки по стилистике русского языка» А. Н. Гвоздева, 1952.

[11] См. проф. А. Н. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка, М., 1952, стр. 14.

в его неразрывном единстве с идейно-художественным содержанием творчества писателя. Еще Белинский видел в слоге (или стиле) «живую органическую соответственность формы с содержанием.., уменье выразить мысль тем словом, тем оборотом, какие требуются сущностию самой мысли»[12]. Взаимодействие языковедения и литературоведения как основных филологических дисциплин, скрепленное трудами И. В. Сталина по вопросам языкознания, должно привести к большим плодотворным результатам в области исследования индивидуально-художественного стиля писателя, стиля литературного направления, стилистики художественной речи вообще. Эти результаты, в свою очередь, отразились бы и на изучении специфики стилей научной и публицистической речи и дали бы много материала для освещения важных общетеоретических проблем, например, таких: «язык как средство воплощения мысли», «язык как средство выражения и закрепления мировоззрений», «язык как средство общественного воздействия и убеждения».

*

20 июня, годовщина выхода в свет классического произведения творческого марксизма — работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»,— праздник советской лингвистической науки. Вместе с тем этот день для советских языковедов — день подведения итогов своей работы по выполнению сталинских указаний. Итоги есть, но они очень скромны и далеко не таковы, какими должны бы быть и каких вправе ждать от советских языковедов наша страна. Все советские языковеды должны приложить все свои силы к тому, чтобы достигнуть, наконец, более ощутимых результатов в развитии марксистского языкознания и добиться успехов, достойных того большого внимания, той всемерной помощи и тех неустанных забот, которыми наша наука обязана советскому правительству, большевистской партии, великому ученому мира, гениальному вождю народов И. В. Сталину.

---

[12] В. Г. Белинский, Собр. соч. в трех томах, т. II, стр. 148.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1952

Н. А. БАСКАКОВ

РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ И ПИСЬМЕННОСТИ НАРОДОВ СССР
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ)

I

До Великой Октябрьской социалистической революции уровень развития тюркских языков и культуры их носителей — народов, находившихся в составе бывшей Российской империи, был весьма пестрым. Среди народов, говоривших на тюркских языках, одни — уже сформировались в буржуазные нации, каждая со своим уже развившимся национальным литературным языком; другие — не достигли еще национальной ступени развития, хотя имели свою письменность и литературный язык, наконец, третьи — представляли собой либо только что создавшиеся народности, не имевшие пока письменного языка, либо не консолидировавшиеся еще в народность племенные группы, с племенными языками и наречиями.

К первой группе из тюркских народов могут быть отнесены, например, татары, национальный литературный язык которых с письменностью на арабском алфавите обслуживал отчасти и соседние народы, например, башкиров, астраханских ногайцев и др.

К этой же группе тюркских языков следует отнести язык азербайджанский. Нормы азербайджанского национального литературного языка были выработаны на основе общенародного азербайджанского языка в борьбе против панисламизма и пантюркизма реакционной части азербайджанской буржуазии и феодально-клерикальных кругов, которые стремились навязать своему народу «общетурецкий язык», общий для всех тюркских народов от Китая до Средиземного моря.

Из среднеазиатских языков к этой группе могли быть отнесены узбекский язык и отчасти казахский. Узбекский и казахский письменные языки в свою очередь оказывали некоторое влияние на формирование соседних письменных литературных языков народов: туркменов, уйгуров, с одной стороны, и киргизов и каракалпаков — с другой.

Вторую группу составляли тюркские народности, языки которых пока еще не развились в национальные и были либо бесписьменными, либо с письменностью, слабо развитой. К этим народностям относились чуваши, кумыки, ногайцы, каракалпаки, киргизы, якуты.

Следует, однако, отметить, что уровень национального самосознания, национальной культуры и степень формирования общенародных языков были различны для перечисленных выше народов. Так, языки чувашский, кумыкский и якутский являлись более развитыми языками по отношению к другим языкам этой группы тюркских народностей, а казахский язык в значительной мере уже приобрел черты национального языка. Вместе с тем, все эти народы не имели еще тех необходимых и вполне установившихся четырех признаков, которые, по определению И. В. Сталина, являются характерными для наций.

Наконец, в состав последней группы тюркских народов входили алтайцы, хакасы, тувинцы (тогда в составе феодальной Монголии), чулымцы, кюэрикцы, камасинцы, карагасы (тофа), шорцы и др., до Великой Октябрьской социалистической революции разобщенные на отдельные группы народов и племена и по существу обреченные на гибель и исчезновение. Так, например, алтайцы в недавнем прошлом состояли из двух этнических групп, которые в свою очередь дробились на более мелкие племенные подразделения (алтай кижи, телеуты, теленгиты, толесы, тиргеши, туба, кумандинцы, чалканцы и проч.).

Эти раздробленные мелкие замкнутые племена не имели крупных экономических центров и вели по сути дела натуральное хозяйство. Они еще не консолидировались в народности и не имели соответствующих общих языков, а характеризовались множеством племенных языков и наречий, обособленных и значительно отличавшихся между собой особенностями словарного состава и отчасти грамматического строя, хотя и общих по своему происхождению. Эти племенные языки и наречия не имели своей письменности, если не считать издания некоторых церковных книг на азбуке, разработанной миссионерами.

Такую же пеструю группу племен и родов составляли также и современные хакасы, в состав которых вошли следующие родоплеменные соединения: койбалы, сагайцы, качинцы, бельтирцы, шорцы, кызыльцы и проч. Языки алтайцев, хакасов и тувинцев, находящихся на начальной ступени национального образования, до сих пор сохраняют диалектные особенности языков племен, вошедших в состав этих народов.

В отношении периодизации процесса развития тюркских языков до Великой Октябрьской социалистической революции следует сказать, что, несмотря на имевшуюся пестроту уровней развития этих языков, намечаются следующие два общих для большинства народов периода: 1) период формирования большинства современных тюркских народов в самостоятельные народности с общенародным языком, охватывающий в основном XIV—XIX вв., и 2) период зарождения наций и ряда национальных языков, относящийся ко второй половине XIX в., вплоть до 1917 года.

Первый период характеризуется постепенным сложением народностей на основе слияния родственных родоплеменных групп и постепенной выработкой общих норм языков народностей в ходе нивелировки диалектов — бывших племенных языков. В этот период формируется большинство современных тюркских народностей: узбеки, казахи, киргизы, туркмены, каракалпаки, уйгуры, татары, башкиры, чуваши, кумыки, азербайджанцы, якуты и др. Исключение составляют лишь сибирские тюркские племена и некоторые малочисленные племена в других районах современной территории Советского Союза, которые не имели соответствующих условий для объединения в народности. Для этого периода характерно интенсивное развитие устного народного творчества и, в особенности, героического эпоса и значительный разрыв между общенародным разговорным языком и литературными письменными языками, которые были не у всех народов и которыми пользовались верхние слои феодального общества.

Второй период является периодом завершения развития народностей и образования наций, появления литературных языков как высшей формы общенародного языка и зарождения национальных языков, отличающихся от языков народностей значительно бо́льшим объемом и более универсальными общественными функциями на основе закрепления их в литературе. В этот период у большинства тюркоязычных народов происходит обостренная борьба между двумя антагонистическими лагерями: реакционно настроенные группы господствующего класса стремятся сохранить нормы старых письменных языков, насыщенных арабизмами и фарсизмами, а

с другой стороны, передовая часть народа, прогрессивные демократические слои, борются за сближение литературных языков с общенародными языками, за очищение литературных языков от арабской, персидской и турецкой лексики, за сближение с культурой и языком великого русского народа, против идей пантюркизма и панисламизма.

Именно эти прогрессивные устремления характеризовали собой борьбу Каюма Насыри, а затем Г. Тукая, Ш. Камала, Г. Камала и других крупнейших татарских поэтов и писателей за создание татарского национального литературного языка.

То же следует сказать и об основоположниках азербайджанского национального литературного языка—М. Ф. Ахундове, Дж. Мамедкулизаде, Г. Зардеби, А. Агвердиеве и др. «Исламизм,—писал М. Ф. Ахундов,— не принес нашему отечеству ничего, кроме вреда. Арабы не только подорвали наше могущество и славу, опустошили и разграбили наше отечество, но и навязали нам свой алфавит, который затрудняет доступ к грамотности и усвоение которого требует долгих лет труда» (из письма Мирзе Юсуф-хану). Прогрессивная роль М. Ф. Ахундова заключается в том, что он в своей борьбе за литературный азербайджанский язык стремился, с одной стороны, очистить его от множества арабских и персидских слов, а с другой — обогатить язык лексикой из русского языка и тем самым приблизить азербайджанский язык к русскому языку и азербайджанскую культуру к русской культуре.

Если М. Ф. Ахундов был создателем азербайджанского языка литературных художественных произведений, то Гасанбек Зардеби может считаться творцом языка азербайджанской публицистики и прессы. Язык его научных и публицистических статей отличался чрезвычайной близостью к народному разговорному языку. Он, так же как и М. Ф. Ахундов, стремился к максимальному приближению литературного языка к широким народным массам в отличие от реакционных азербайджанских журналистов того времени, язык которых, благодаря чрезвычайно большому количеству арабизмов и фарсизмов, носил характер социального жаргона и был совершенно недоступен народу.

Такую же роль в истории казахов и казахского литературного языка сыграли крупнейшие казахские просветители конца XIX в. Абай Кунанбаев, Ибрай Алтынсарин и др. Однако закрепление казахского национального языка в литературе следует отнести к более позднему периоду.

Итак, к Великой Октябрьской социалистической революции тюркские народы и языки России по уровню своего развития представляли собой довольно пеструю картину. Только весьма немногие из тюркских языков имели свою письменность, оставаясь в большинстве своем либо с некоторыми зачатками письменности, либо, что характерно для большинства, бесписьменными языками.

Те немногие языки, достигшие уровня самостоятельных литературных национальных языков, каковыми были татарский, азербайджанский, узбекский и др., до недалекого прошлого основывались, как правило, на нормах старых письменных (книжных) языков, характеризующихся архаической лексикой, насыщенной арабо-иранскими заимствованиями и некоторыми архаическими чертами грамматического строя. Становление национальных языков у большинства тюркских народов России в дореволюционное время еще не закончилось. Феодально-клерикальные круги и наиболее реакционная часть буржуазии (татарской, азербайджанской, узбекской) пропагандировали идеи пантюркизма и панисламизма, стремились подменить свой национальный язык старыми литературными языками, характеризующимися насыщенностью в лексике и даже грамматике элементами турецкого и персидского языков. Против этого, за чистоту

национального языка, за внедрение в литературный язык норм общенародного разговорного языка, за сближение с культурой и языком русского народа вели борьбу прогрессивные демократические круги.

Графика большинства старых письменных языков базировалась на традиционном арабском алфавите, весьма слабо отражающем звуковую систему тюркских языков и вообще неприспособленном для них. Исключение составляли только чувашский литературный язык и зачатки письменности некоторых сибирских тюркских народов, пользовавшихся русской графикой.

II

Великая Октябрьская социалистическая революция открывает новую эпоху в развитии народов СССР и их языков. Освобождение Великим Октябрем народов и огромные сдвиги в экономическом, политическом и культурном их развитии характеризуются также и значительным развитием языков этих народов, созданием множества новых литературных языков, разработкой письменности для языков, не имевших своей письменности, обогащением словарного состава языков и известным совершенствованием их грамматического строя.

Однако все эти сдвиги в развитии языков народов СССР, происшедшие в эпоху после Октября, следует рассматривать не как образование каких-то новых языков с новым основным словарным фондом и новым грамматическим строем, а как совершенствование существующих языков, расширение их функций и превращение языков племен и народностей в развитые национальные языки с богатой терминологией и лексикой.

Вместе со значительным обогащением словарного состава этих языков происходит и известное перераспределение лексики между основным словарным фондом и словарным составом. Словарный состав представляет собой как бы первый план движущегося в своем развитии языка, вместе с которым приходит в движение и изменяется, но более медленно, и основной словарный фонд и еще более медленно грамматический строй языка.

Новые социалистические условия развития экономики и культуры, резкое повышение грамотности и благотворное влияние русского языка на развитие других национальных языков Советского Союза — все эти факторы способствовали ускорению развития языков, значение и непрерывное расширение и усложнение функций которых, в связи со школьным преподаванием, развитием прессы, научной и общественно-политической литературы, нарастали все более ускоренными темпами.

В результате создания национальных республик и областей, наряду с изменением диалектной основы литературных языков, очищением их от элементов жаргона господствовавших классов, еще бо́льшим их приближением к нормам общенародных языков в ходе консолидации народностей в социалистические нации, появляются и развиваются национальные языки. Народности, возрожденные Великим Октябрем, получившие право национального самоопределения, вырастают в самостоятельные нации, а их языки — в национальные языки, на основе которых развиваются новые национальные литературы, школьное преподавание, пресса, театр, государственное делопроизводство. Непрерывный рост промышленности, сельского хозяйства, культуры, науки и техники требует от языка нового пополнения и развития его словарного состава, терминологии, усовершенствования графики, орфографии, а в связи с развитием разных стилей — и требованием большей гибкости языка — и дальнейшего развития грамматического строя.

Ленинско-сталинская национальная политика способствовала развитию национального самосознания не только более или менее крупных народов,

порабощенных в бывшей Российской империи, но и мелких племен и народностей, которые были обречены в условиях капитализма на вымирание и гибель. С помощью великого русского народа эти небольшие в количественном отношении этнические группы, наряду с экономическим развитием на базе социалистических методов производства, подняли и развили также и свою социалистическую по содержанию и национальную по форме культуру и добились не только сплошной грамотности, но и значительных успехов в развитии своей литературы, науки и искусства.

К этой группе тюркских народов, которые к эпохе Октября еще не сформировались в самостоятельные народности и представляли собой неконсолидировавшиеся, разрозненные группы племен, относились, например, ногайцы, хакасы, алтайцы, шорцы и другие народы.

Наиболее крупные из этих этнических групп, например, хакасы и алтайцы в процессе развития Советского государства образовали самостоятельные автономные области и благодаря ленинско-сталинской национальной политике получили возможность самостоятельного развития в равноправные социалистические нации, минуя этапы развития их в качестве буржуазных наций.

Ярким примером такой возрожденной народности, успешно развивающей ныне свою национальную культуру, являются хакасы, объединенные в свою национальную Хакасскую автономную область, входящую в качестве самостоятельной административной единицы в Красноярский край.

Благодаря недавнему объединению хакасского народа в единую народность, развивающуюся в социалистическую нацию, современный хакасский язык, соответственно племенным группировкам, вошедшим в него, состоит из нескольких диалектов, исторически восходящих к различным племенным языкам. До объединения хакасов в единую народность не было не только литературного, но и вообще единого разговорного языка. Существовали лишь соответствующие племенным группировкам отдельные наречия: сагайское, бельтирское, качинское, койбальское и кызыльское, которые ныне хотя и сохранили отчасти свои особенности, но постепенно, под влиянием литературного языка, нивелируются, сливаются с нормами литературного языка. Следовательно, современный хакасский общенародный язык, приобретающий значение национального языка, являясь результатом консолидации, объединения хакасских племен в единый коллектив, становится теперь единым языком основного населения Хакасской автономной области. В его основе лежат не все племенные диалекты, объединяемые им, а только один из них, а именно сагайско-качинский, исторически еще ранее объединивший по существу два диалекта, при доминирующей роли сагайского диалекта. Параллельно с установлением диалектной базы литературного языка непосредственно после образования Хакасской автономной области началась разработка хакасского алфавита, хакасской письменности, которая после использования, сначала старого миссионерского алфавита на русской основе (1922—1928), затем латинизированного (1928—1938), окончательно установилась на общей с русским алфавитом графике, дополненной несколькими буквами для специфических хакасских звуков.

Аналогичный процесс постепенной консолидации разрозненных племенных групп в единую народность и, затем, социалистическую нацию и формирования единого общенародного национального языка происходил в эпоху после Великой Октябрьской социалистической революции и в современной Горно-Алтайской автономной области, в Тувинской автономной области и в некоторых других республиках и областях.

Так современные алтайцы, объединившиеся уже в единую народность, в состав которой, как и в состав хакасской народности, вошло несколько

племенных групп, успешно завершают процесс своего развития в самостоятельную и полноправную социалистическую нацию.

До Великой Октябрьской социалистической революции алтайцы имели письменность и литературный язык, созданный миссионерами, которые использовали его для своих целей. После революции старый алтайский литературный язык, в основе которого лежал незначительный по распространению телеутский диалект, оказался далеким от общенародного алтайского языка, а потому база этого литературного языка была вскоре изменена и в его основу был положен другой более массовый собственно-алтайский диалект, наиболее полно отражающий закономерности всего алтайского языка.

Однако такой характер изменения самой основы литературного языка возможен только в тех случаях, когда старый литературный язык являлся языком отдельного племени, которое в процессе консолидации вошло в более обширную общность родственных племен и народов, более крупных по своему составу.

Общие с процессами развития хакасского и алтайского языков черты имели также и процессы становления других тюркских языков, стоящих на общем с ними уровне, и в частности формирование тувинского языка.

Таким образом, образование национальных тюркских языков социалистических наций Советского Союза, при различиях исходного уровня развития каждого конкретного народа, в общем проходило в одинаковых исторических условиях подъема социалистической экономики и культуры всех народов СССР.

Отсюда, конечно, не следует делать вывода о наличии только общих закономерностей в формировании всех национальных языков, так как каждый язык, как известно, развивается по своим внутренним законам, не имеющим непосредственной зависимости от экономических и политических условий.

Поэтому более подробное и исчерпывающее изучение и тщательный анализ закономерностей в развитии языков социалистических наций должны быть сделаны дифференцированно по отношению к каждому конкретному языку и каждому историческому периоду его развития. При этом необходимо учитывать и те общие особенности языков, которые складываются в зависимости от территориальной близости данных языков к другим литературным языкам, например, некоторые общие черты тюркских языков Поволжья, на которые влиял татарский язык, общие черты тюркских языков Кавказа в связи с воздействием на их развитие азербайджанского языка в период их дореволюционного, бесписьменного состояния.

Вместе с тем общая историческая перспектива развития литературных языков народов СССР в эпоху социализма в условиях советской государственности и социалистического строительства позволяет определить и некоторые общие тенденции в развитии этих языков, каждый из которых, конечно, в результате этого развития получает также и характерные специфические особенности.

Имея в виду эти общие исторические условия развития языков социалистических наций в границах Союза Советских Социалистических Республик, можно установить известную последовательность и периодизацию в их развитии, исходя из основных, исторически значимых, периодов национального развития народов СССР в эпоху после Великой Октябрьской социалистической революции. Основными периодами в развитии народов СССР и их языков в послеоктябрьскую эпоху могут считаться два: 1) период формирования национальных автономий и их литературных языков — от начала Октября до развития социалистического строительства, т. е. от 1917 до 1928 года, и 2) период развернутого социалистического

строительства и роста национальной по форме и социалистической по содержанию культуры народов СССР — с 1928 г. по настоящее время.

Таким образом, ленинско-сталинская национальная политика и образование национальных республик и областей создали благоприятные условия для развития национальных литературных языков, которые, совершенствуясь и шлифуясь, не изменили, однако, своей основы, отличающейся исключительной стабильностью и устойчивостью. О характере изменения языков в период после Великой Октябрьской социалистической революции можно судить по высказыванию И. В. Сталина относительно изменения русского языка в тот же период: «Что изменилось за этот период в русском языке? Изменился в известной мере словарный состав русского языка, изменился в том смысле, что пополнился значительным количеством новых слов и выражений, возникших в связи с возникновением нового социалистического производства, появлением нового государства, новой социалистической культуры, новой общественности, морали, наконец, в связи с ростом техники и науки; изменился смысл ряда слов и выражений, получивших новое смысловое значение; выпало из словаря некоторое количество устаревших слов. Что же касается основного словарного фонда и грамматического строя русского языка, составляющих основу языка, то они после ликвидации капиталистического базиса не только не были ликвидированы и заменены новым основным словарным фондом и новым грамматическим строем языка, а, наоборот, сохранились в целости и остались без каких-либо серьезных изменений,— сохранились именно как основа современного русского языка»[1].

Такой же характер носили изменения за этот период и в языках других народов и, в частности, в тюркских языках, которые, однако, являясь менее развитыми языками, чем русский, соответственно имели и более существенные, а иногда довольно значительные изменения, которые тем не менее не затрагивали существо языка, его основу.

Акад. В. В. Виноградов, подчеркивая принципиальные различия между внутренними законами развития языка и изменениями в языке, вызванными общественными условиями, пишет: «К общественным условиям развития языка относятся изменения его социальной основы, общественной организации его носителей, обусловленные развитием общества. Язык племени, язык народности и национальный язык различаются по объему и многообразию своего общественного применения, по своей организующей и объединяющей силе в отношении диалектов и, следовательно, отчасти и по элементам своего качества. Самые возможности развития языка племени, его способность стать языком народности, нации обусловлены экономическими и культурно-историческими условиями развития племени. Поэтому-то язык необходимо изучать в неразрывной связи с историей общества, со всем комплексом характерных для той или иной эпохи социальных и экономических отношений»[2].

Общественные условия, возникшие в эпоху после Великой Октябрьской социалистической революции, вызвали относительно глубокие изменения во всех языках народов СССР, главным образом: а) в отношении расширения значимости литературных языков, как основных языков национальных республик и областей, развития письменности, совершенствования графики и новых соотношений, возникших между общенародным литературным языком, с одной стороны, и территориальными диалектами данного языка — с другой; б) в отношении необычайного роста словарного

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1951, стр. 6—7.

[2] В. В. Виноградов, Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и развитие советской науки о языке, М., 1951 г., стр. 11.

состава национальных языков и в) в отношении некоторых сдвигов в развитии фонетической структуры и грамматического строя, заключающихся в обогащении звукового состава языков и некоторых изменений грамматического строя, главным образом в области синтаксиса, который обогащается новыми конструкциями предложения.

Все эти изменения должны быть подвергнуты глубокому и всестороннему изучению дифференцированно по отношению к каждому конкретному языку и последовательно по основным периодам развития языков в послеоктябрьскую эпоху.

III

Касаясь основных и общих тенденций развития литературных письменных языков, мы должны прежде всего рассмотреть общие вопросы становления литературных языков и, в частности, вопрос о соотношении литературного языка и диалектов, тех соотношений, которые сильно изменились вместе с необычайным ростом значения литературных языков в послеоктябрьскую эпоху.

Расширение общественных функций общенародных языков, связанное с расширением сети средних школ, высших учебных заведений, ростом прессы, художественной, научной и общественно-политической литературы, развитием театра, радиовещания на этих языках и проч.,—способствует необычайному обогащению языков как за счет их внутренних ресурсов, за счет диалектов и говоров, так и за счет заимствования лексики из других соседних языков и особенно великого русского языка. Эти быстрые по темпу процессы обогащения литературных языков наиболее выпукло видны в новых литературных языках, возникших у некоторых народов в послеоктябрьскую эпоху. В связи с новыми задачами и потребностями развивающихся литературных языков либо изменяется диалектная основа языка, например, алтайского, либо происходит процесс концентрации диалектов, все богатства которых используются для обогащения литературного языка, например, хакасского. Процесс концентрации диалектов и их нивелировка и перемалывание при ведущей роли одного из них достигает иногда своего полного завершения, полного слияния, конвергенции диалектов, как это мы можем констатировать, например, в отношении сагайского и качинского диалектов хакасского языка, в значительной степени потерявших свои различия, или телеутского, теленгитского и собственно-алтайского диалектов алтайского языка. В значительной степени перемоловшимися оказались также говоры казахского языка.

Глубокие изменения произошли также в языках, имевших до Октябрьской революции давно уже сложившуюся письменность и старые литературные традиции. Ярким примером в этом отношении являлся узбекский литературный язык, который вплоть до Октября имел архаические черты, связывающие его со староузбекским литературным языком, сформировавшимся еще в XV в. Только в эпоху социализма основа литературного языка подверглась коренному изменению в направлении сближения норм литературного языка с нормами живого, общенародного разговорного языка. При этом на первых этапах своего послереволюционного развития узбекский литературный язык ориентировался на сингармонистические кишлачные говоры, и только в начале тридцатых годов его диалектной основой становятся ташкентско-ферганские городские говоры, наиболее полно отражающие общие закономерности развития всего узбекского языка.

Борьба за диалектную основу национального литературного языка была связана с политической борьбой. Так, например, в Узбекистан

буржуазно-националистические элементы, стремясь увести узбекский язык от общего потока развития языков социалистических наций, пытались «создать» искусственный литературный язык на основе старого книжного языка с ориентацией на использование арабо-фарсизмов, непонятных народу. Этими книжными, непонятными для народа, арабизмами и фарсизмами иногда пестрит, к сожалению, и современная узбекская поэзия. Были также попытки «создать» литературный язык на основе междиалектной смеси путем создания искусственного сочетания особенностей грамматического строя и словарного состава всех диалектов узбекского языка. Примером такого искусственного внедрения в узбекский литературный язык грамматических форм, мало понятных или не известных большинству узбеков, является форма причастия будущего времени на *-ажак*, взятая из хорезмского диалекта узбекского языка.

Литературные языки на первых этапах своего развития ревниво оберегались националистами от массово внедрявшихся в них русских и международных слов и терминов, которые искусственно элиминировались и заменялись в одних языках чуждыми для широкой массы арабскими и персидскими словами, а в других — искусственно созданными «национальными», но также чуждыми и непонятными народу словами и терминами.

Ожесточенная борьба велась и в отношении разработки письменности как для возникавших тогда новых литературных языков, так и для языков, имевших старую письменную традицию. Буржуазные националисты всеми силами цеплялись за старый, совершенно неприспособленный для тюркских языков арабский алфавит. Сторонники арабского алфавита стремились тогда сохранить общие принципы старой традиционной арабской письменности для всех тюркских языков, имевших в основе графики литературного языка арабский алфавит. Но вскоре, в связи с общей тенденцией сближения литературных письменных языков с живыми разговорными общенародными языками и необходимостью отражения в письме этих национальных особенностей языка, они были вынуждены под давлением народных масс встать на путь «реформы» арабского письма и этими полумерами сохранить его. Появилось множество различных вариантов реформированного арабского алфавита, приспособленных для сингармонистических языков (например, казахский вариант с его универсальным символом «дайакшы», регулировавшим вокализм всего слова) и для языков, характеризующихся изменениями и нарушениями законов сингармонизма (например, варианты для татарского, узбекского, азербайджанского языков) и проч.

Новые задачи литературных языков, возникшие в связи с растущей экономикой и культурой, обеспечили вскоре победу и над устаревшими способами письма и все тюркские языки перешли в большинстве своем сначала на латинскую, а затем на русскую графическую основу.

Основные и исключительные по своим масштабам изменения в языках народов СССР произошли в их словарном составе. Указывая на то, что «язык отражает изменения в производстве сразу и непосредственно, не дожидаясь изменений в базисе»[3],—товарищ И. В. Сталин подчеркивает, что «словарный состав языка, как наиболее чувствительный к изменениям, находится в состоянии почти непрерывного изменения, при этом языку, в отличие от надстройки, не приходится дожидаться ликвидации базиса, он вносит изменения в свой словарный состав до ликвидации базиса и безотносительно к состоянию базиса.

Однако словарный состав языка изменяется не как надстройка, не путем отмены старого и постройки нового, а путем пополнения существующего

[3] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 11.

словаря новыми словами, возникшими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п. При этом, несмотря на то, что из словарного состава языка выпадает обычно некоторое количество устаревших слов, к нему прибавляется гораздо большее количество новых слов» [4].

Лексику языка, таким образом, необходимо рассматривать в процессе ее постепенного изменения в соответствии со сдвигами и изменениями в истории народа, носителя данного языка, следовательно, в этом плане приобретает особое значение правильно построенная периодизация истории развития лексики каждого конкретного языка. Самый же процесс развития лексики заключается в изменении смысла слов, постепенном отмирании и выпадении некоторых устаревших слов и пополнении словаря гораздо бо́льшим количеством новых слов. Это пополнение словаря идет как за счет ресурсов родного языка, так и за счет заимствования слов из русского языка, обладающего более богатым словарным составом. Следует также подчеркнуть, что, согласно указаниям И. В. Сталина, наибольшему развитию подвергается та часть словарного состава, которая связана с производством и общественными отношениями, и менее подвержена изменению лексика, связанная, например, с отношениями человека к самой природе.

После 1917 г. все языки народов СССР проходят общий путь своего развития, сохраняя свои специфические черты. Они образуют также и некоторые общие закономерности в развитии своего словарного состава. Прежде всего следует отметить, что в отношении характера изменения лексики, отмирания и выпадания некоторых слов и пополнения новыми словами сохраняются некоторые местные особенности для некоторых групп тюркских языков. Так, выработанные в течение длительного времени общие явления в лексике, например, в языках тюркских народов Сибири, характеризующихся общими чертами своего исторического развития и особенностями своего быта, а также общими источниками заимствования лексики (монгольские, тунгусский, финноугорские языки, а также китайский, санскритский и другие языки), сохраняются и теперь. То же самое следует сказать о тюркских языках Поволжья, Кавказа, Средней Азии, имеющих свои особенности и источники заимствования.

Вместе с тем, общий социалистический характер хозяйства у всех народов СССР и общая социалистическая по содержанию культура содействуют образованию в словарном составе ряда языков народов СССР значительного по объему общего слоя, к которому относится, главным образом, общественно-политическая, научная и профессиональная терминология, т. е. та часть лексики, которая относится к послеоктябрьскому периоду.

Эти общие закономерности определяют и специфические особенности основных процессов изменения лексики — отмирания старых слов и пополнения словаря новыми словами.

Характеризуя процессы развития словарного состава русского языка в эпоху социализма, И. В. Сталин указывает на следующие его изменения: во-первых, словарный состав русского языка «пополнился значительным количеством новых слов и выражений», во-вторых, «изменился смысл ряда слов и выражений, получивших новое смысловое значение», и, в-третьих, «выпало из словаря некоторое количество устаревших слов» [5].

Те же процессы выпадения старых слов и пополнения новыми словами, но в значительно больших масштабах, происходили после Октября и в языках ранее отсталых народов СССР, в более короткий исторический

[4] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24—25.
[5] Там же, стр. 6.

срок пополнявшихся той лексикой, которая накапливалась в течение ряда эпох в русском языке.

Так, в тюркских языках Сибири, в связи с ростом нового социалистического способа производства и новой социалистической культуры, постепенно отмирает лексика, связанная со старыми общественно-экономическими формациями, старой идеологией и культурой. Например, в алтайском языке из активного словаря современного поколения постепенно выпадает терминология, связанная с примитивным натуральным хозяйством, старым бытом, религиозными представлениями. Выпадают такие термины, как алт. *абыл* «мотыга», *андазын* «вид примитивной сохи»; *јайзан* монг. «зайсан — феодальный титул — старшина»; *албан* «дань, подать», *селбик* «подать в пользу зайсана», *сӱне*, *сӱр*, *ӱзӱт*, *кут* «душа» (в различных модификациях и превращениях по старым шаманистическим поверьям алтайцев), *кӧрмӧс* «дух умершего» и т. п.

В языках народов, стоявших до революции на относительно более высокой ступени развития хозяйства, общественных отношений и культуры, отдельные слова, обозначающие старые понятия, выпадают и замещаются новыми словами, содержащими соответственно близкие, но новые понятия, например, узб. *дорулфунун* в старом значении «высшая школа», букв. «врата наук», замещается новым словом *университет* в новом значении; или каракалп.— *мустақыллық* выпадает из словаря и замещается новым словом *автономия*; *аударыспақ*, «переворот, революция» вытесняется словом *революция* и т. п. В том же каракалпакском языке переходят в архаизмы и историзмы такие прежде заимствованные из русского языка термины, как *болыс* «волостной старшина», *прыйстап* «пристав» и т. п.

Следует, однако, отметить, что отмирание и выпадение из словарного состава устаревших слов и выражений происходит не внезапно, а путем их постепенного вытеснения сначала из активной части лексики в пассивную и из продуктивной в малопродуктивную и, затем, в разряд редкоупотребляющихся слов — архаизмов, которые, в конце концов, вовсе выпадают из словарного состава. Ср., например, переход в разряд исторической лексики таких слов, как *комбед*, *продналог*, *ликбез* и т. п. в русском языке, равно как и их эквивалентов в языках других народов СССР.

Более широким по своему объему и сложным по разнообразию приемов является процесс пополнения словарного состава языков народов СССР.

Основными источниками пополнения словарного состава языков народов СССР являются: а) ресурсы своего родного языка и б) русская лексика и терминология.

Наиболее обширным и богатым источником обогащения словарного состава конкретных языков является основной словарный фонд данного языка с его корневым ядром. Возможности словообразования каждого языка являются неисчерпаемыми. «Причины появления новых слов заключаются в изменениях общественной жизни, в развитии производства и других областей человеческой деятельности. Но способы образования этих слов, если они создаются из материальных ресурсов данного языка, определяются уже внутренними законами развития языка» [6].

К способам образования новых слов из ресурсов родного языка следует отнести выражение новых понятий посредством: 1) калькирования, 2) переосмысления старых слов путем сужения или расширения значений, 3) сложных слов и сочетаний слов, 4) производных слов и 5) сокращенных слов.

Наиболее продуктивными из перечисленных способов является переосмысление старых слов и приспособление их к обозначению новых возникающих в языке понятий.

---

[6] В. В. Виноградов, Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и развитие советской науки о языке, М., 1951, стр. 15.

Применяя для обозначения нового понятия то или иное имеющееся уже готовое слово, язык осваивает это понятие, внося в данное слово новое значение, более широкое или более узкое.

Примером сужения значений могут служить алт. *кызалаҥ* ‖ *кысталаҥ* «кризис» (прежнее значение — «стеснение, притеснение, затруднительное положение»); *мöрöй* «соревнование» (прежнее значение — «цель, приз в состязании») и проч.; казах. *бай* «богатый» [7] (в прежнем значении: 1) «богач, эксплуататор»; 2) с аффиксом принадлежности, например, *байым* «мой муж»; 3) «богатый»).

В качестве примера на расширение значений могут быть приведены алт. *согуш* «бой» (а также «столкновение, драка»); *тебу* «темп» (а также «удар, лягание»), *ичкериле*-«наступать» (а также «идти вперед»); *агару* «священный» (а также «святой») каракалп. *сайлау* «выборы» (а также «отбор, подбор, выбирание»); *орынбасар* «смена» (например, *пионерлер — комсомолдынг орынбасары* «пионеры, смена комсомола», а также «замещающий, заместитель») и проч.; туркм. *кувват* «мощность» (а также «сила, мощь»), *горанма* «оборона» (а также «ограждение, ограда»); *мадда* «вещество» (а также «материя, материал») и проч.

Весьма продуктивным является также способ калькирования, например, в большинстве тюркских языков *бешйыллыҵ*, или *бесжыллыҵ* «пятилетка» (слово состоит из сочетания *беш* или *бес* «пять», *йыл* или *жыл* «год» и аффикса отвлеченного понятия *-лыҵ*); ср. туркм. *үчбурчлук* «треугольник» (из *үч* «три» + *бурч* «угол» + аффикс-*лык*); *халкара* «международный» (из *халк* «народ», *ара* «промежуток, между»); тат. *кучмэ кызыл байрак* «переходное красное знамя», каракалп. *жамиетлик жумыс* «общественная работа»; *жоҵары оҵу орны* «высшее учебное заведение»; *ози оҵытҵыш* «самоучитель» и т. п.

Для обогащения словарного состава широко используется также способ словосложения и словосочетания, способ парных слов и реже — способ сложно-сокращенных слов. К словам и терминам этой группы относятся:

а) словосочетания, состоящие из двух или нескольких слов и выражающие одно понятие: алт. *ишкүчиле јаткан* «трудящийся» (букв. «живущий своей рабочей силой»), *төрөл үчүн јуу* «отечественная война» (букв. «война за родину»); *мактулу доско* «доска почета» (букв. «доска с почетом»); каракалп. *хауада ушу* «воздухоплавание» (букв. «летание по воздуху»); *су айрытпасы* «водораздел» (букв. «разделитель воды или рек»); тат. *үйлап табучы* «изобретатель», *үз йорешле комбайн* «самоходный комбайн»; туркм. *өнүмчилик капиталы* «производственный капитал», *дил билими* «языкознание» и т. п.

б) парные слова: алт. *эп-сүме* «метод» (из *эп* «ловкость», *сүме* «выдумка»), *амыр-энчү* «мир»; *аш-курсак* «продовольствие» и т. п.;

в) словосложения из полных или сокращенных слов, например, алт. *колчабыш* «аплодисменты» (букв. «рукоплескание»); *јурт-хозяйство* «сельское хозяйство»; *политишчи* «политработник»; тат. *күпстанокчы* «многостаночник»; *райбашкарма* «райисполком» и др.; туркм. *Туркмендөвлетнешир* «Туркменгосиздат» и проч.

Не менее продуктивным способом является аффиксация или использование служебных и вспомогательных слов. При этом исходными основами зачастую оказываются также и заимствованные слова, например, алт. *ремонтто-* «ремонтировать» (*ремонт* + аффикс образования глагола от имени *-то*<*-та*<*-ла*); *колхозчы* «колхозник» (*колхоз* + аффикс профессии *-чы*); а также *мобилизовать эдерге* «мобиливизовать» (изинфинитива

---

[7] Х. Махмудов, Заметки о преподавании русского языка в казахской аудитории, Вестник Академии Наук Казахской СССР, № 9 (78), 1951, стр. 108.

русского глагола и вспомогательного глагола *эт*-«делать») и т.д.; каракалп. *колониялық* «колониальный» (*колония* + аффикс прилагательного *-лық*, *-лик*); *конвейерли* «конвейерный» (*конвейер* + аффикс обладания *-лы*,-*-ли*), а также *командировка ет*-«командировать» (где *ет*— служебный вспомогательный глагол); туркм. *ленинчи* «ленинец», *партиялы* «партиец», *агентлик* «агентство», *паспортлашдырма* «паспортизация», *анализлеме* «анализирование» и проч. [8].

В первый период развития национальных языков с 1917 примерно по 1928 год, для выражения новых понятий в некоторых языках характерны буржуазно-националистические попытки насаждения арабо-иранской терминологии старых письменных (книжных) языков, которая в дальнейшем, как правило, была заменена общими для всех языков СССР русскими и интернациональными терминами.

Особенно ярко эти тенденции выразились в языках Средней Азии, ср., например, следующие существовавшие прежде искусственные термины: узб. *инқилоб* «революция», *жумҳурият* «республика», *фирқа* «партия» и т. п.; туркм. *дарылылым* «академия», *сермаядар* «капиталист», *зерре* «молекула» и проч.; каракалп. *вазир* «министр», *джамиетшилик* «социализм» и т. п.

Вместе с тем следует отметить, что многие арабо-иранские слова в тех же языках прочно вошли не только в словарный состав, но и в основной словарный фонд языков и успешно используются в современном языке наравне с незаимствованными словами.

Арабо-иранские слова и термины в той или иной мере представлены во всех тюркских языках, кроме тюркских языков Сибири, носители которых исторически не входили в орбиту влияния ислама и культуры народов Ирана и Аравии. В последних, вместо арабо-иранских заимствований имеется много монгольских слов, менее характерных для тюркских языков Поволжья, Кавказа и Средней Азии. Следует отметить, что народные разговорные языки содержали значительно меньшее количество арабо-иранских слов, чем соответствующие письменные (книжные) языки прошлого.

Характерной чертой арабо-иранских заимствований в тюркских языках является то, что они представлены главным образом именами существительными и реже прилагательными. Что же касается остальных именных частей речи и арабских и персидских глаголов, то они, как правило, не усваивались тюркскими языками, если не считать так называемых составных глаголов, состоящих из имени и вспомогательного глагола, где именная часть может быть выражена и заимствованным словом.

Подавляющее большинство арабских и иранских заимствований, сохранившихся в современных языках, относится по своему значению главным образом к понятиям, связанным с религией и наукой, а также составляет некоторую часть общественно-политической и другой лексики.

Внутренние словообразовательные возможности основного словарного фонда каждого языка исключительно велики. Однако общность исторических условий, как отмечалось уже выше, была причиной внедрения в современные национальные литературные языки народов СССР множества русских слов и терминов.

Влияние русского языка на развитие языков народов СССР началось еще в дооктябрьскую эпоху, хотя тогда русские заимствования относились главным образом либо к бытовой лексике, либо к терминологии,

---

[8] М. Д. Аннагурдов, Туркмен дилинин терминологиясы ве оны онатландырмак везипелери, Ашгабат, 1951, стр. 12—13.

связанной с земледелием, торговыми сношениями, административным управлением и отчасти культурой.

К заимствованиям этого периода относятся такие слова как: каракалп. *кенгсе* «канцелярия», *бадырақ* «батрак», *ширкеу* «церковь», *парахот* «пароход», *мас* «карточная масть», *самоврын* «самовар» и др.; алт. *серип* «серп», *салам* «солома», *сӱсек* «сусек», *симиттен* «сметана», *сакон* «закон», *пунт* или *мынта* «фунт» и др.; туркм. *бедре* «ведро», *прыстав* «пристав», *сут* или *сот* «суд» и др.

Подавляющее большинство русских и интернациональных слов, заимствованных через русский язык, вошло в тюркские языки в послеоктябрьскую эпоху.

Первый период развития национальных республик и областей характеризуется пуристическими тенденциями изъятия русских и интернациональных слов, которые до 1928 г., как правило, или искусственно переводились на родной язык, или заменялись арабо-иранскими терминами, например, в каракалпакском языке: *аударыспақ* «революция» (букв. «опрокидывание, переворачивание»), *силтеушилик* «инструктаж» (букв. «направление»), *шайтан арба* «велосипед» (букв. «чортов экипаж, телега»), *от арба* «паровоз, поезд» (букв. «огненная телега») и т. п.

В период развернутого социалистического строительства национальных республик огромные сдвиги в развитии экономики и культуры, переход на новую, сначала на латинскую, а затем на русскую графику, рост грамотности, укрепление и развитие литературы народов СССР в значительной степени отразились и на развитии словарного состава языков народов СССР. Несмотря на противодействия со стороны буржуазно-националистически настроенных элементов, в языки стали проникать русские и интернациональные слова, вытесняя искусственно введенные и не освоенные массами арабо-иранские слова и термины.

Развитию словарного состава языков народов СССР особенно способствовал перевод письменности на русскую графику, который еще более усилил прилив русской лексики. Русские и интернациональные термины, как правило, стали осваиваться в русской орфографической форме, что в значительной мере способствовало также и более легкому усвоению русского языка.

Непрерывный подъем экономики, культуры, науки и литературы способствовал еще большему обогащению лексики и терминологии всех отраслей производства и культуры. Приток русской и интернациональной лексики и главным образом общественно-политической и научной терминологии с каждым годом увеличивается, и в настоящее время ее доля превышает иногда терминологический запас коренных слов.

Заимствованная через русский язык лексика и терминология охватывает все основные разделы лексики и все специальные отрасли терминологии языков народов СССР. Она образует общий для всех языков Советского Союза лексический фонд, выработанный одними и теми же общественными условиями развития этих языков в послеоктябрьский период.

К этому общему для всех народов СССР фонду лексики и терминологии относятся политико-экономические, научно-технические и культурно-бытовые термины, например: *революция*, *пролетариат*, *республика*, *партия*, *коммунизм*, *социализм*, *демократия*, *колхоз*, *фабрика*, *комбайн*, *трактор*, *философия*, *математика*, *химия*, *биология*, *атом*, *ампер*, *вольт*, *культура*, *журнал*, *театр*, *музей*, *спорт*, *телефон*, *радио* и т. п.

Кроме интернациональных по своему оформлению и значению слов, в составе заимствованной через русский язык лексики имеется и такой разряд слов, который является специфичным и общим по значению только с русской терминологией, например, такие слова, как *промышленность*,

государство, вуз, завод, искусство, творчество, гудок, мороженое и т. п.

Заимствованные из русского языка слова, так же как и использованные для выражения новых понятий коренные слова, могут сужать или расширять свое значение, ср. каракалп. *болыс* (из русск. «волость») в значении «волостной старшина»; *мәмент* (из русск. «момент») в значении «время»; якутск. *бакуой* (из русск. «покой») в значении «досуг, свободное время»; *биэчэр* (из русск. «вечер») в значении «сборище, вечеринка», *курруубай* (из русск. «грубый») в значении «сварливый» и т. п. [9].

Иногда русские слова заимствуются в значении, не свойственном им в русском языке, например, каракалп. *перво́й* (из русск. «первый») в значении «очень хороший, лучший» или якутск. *кирилиэс* (из русск. «крыльцо») в значении «лестница»; *мөһөөх* (из русск. «мешок») в значении «сто рублей» *биэтэс* (из русск. «ветошь») в значении «подкладка одежды» и т. п.

В грамматическом отношении подавляющее большинство заимствованных через русский язык слов относится к именам существительным и реже к прилагательным. Других частей речи, за редким исключением, не встречается среди заимствованных слов. Показательно, что, например, в якутском языке, заимствованные из русского некоторые глагольные формы воспринимаются как имена, ср. *мэһэй* (из русск. «мешай») в значении «помеха»; *бодьуус* (из русск. «возись») в значении «возня, хлопоты», *көдьүүс* (из русск. «годись») в значении «годность, пригодность, польза», и др.

Иногда русские знаменательные слова используются в языках народов СССР только в служебном значении, ср., например, якутск. *муора* (из русск. «море») в значении «очень много»; *киһи муора элбех* «народу очень много»; *хаар муора түстэ* «снегу выпало очень много» и т. п.

Однако грамматическое однообразие заимствованных основ слов, т. е. преимущественно именное их значение нейтрализуется в языке средствами словообразования.

Благодаря обширному арсеналу словообразовательных средств языка многие из заимствованных слов, поступая «в распоряжение грамматики», образуют множество производных форм, распределяющихся по своему грамматическому значению по различным частям речи. Наиболее продуктивными аффиксами словообразования от основ заимствованных слов в тюркских языках являются:

1) аффикс образования глагола от имени-*ла/-ле*, в сочетании с которыми заимствованное слово приобретает значение основы глагола, ср. каракалп. *колхоз* «колхоз», *колхозла*-«делать по-колхозному», *колхозлас*-«коллективизироваться», *колхозластыр*-«коллективизировать», *колхозласу* «коллективизация», *колхозласушы* «коллективизирующий», *колхозласқан* «коллективизировавшийся» и т. д.

2) аффикс обладания -*лы/-ли* образует форму, соответствующую русскому прилагательному, ср. каракалп. *тракторлы* «имеющий трактор, с трактором»;

3) аффикс именного отрицания, отсутствия данного предмета -*сыз/-сиз*, ср. каракалп. *тракторсыз* «без трактора»;

4) аффикс, образующий в современном языке относительные прилагательные:-*лық/-лик*, ср. каракалп. *демократиялық* «демократический», *колхозлық* «колхозный»;

5) аффикс, образующий в современном языке уподобительные прилагательные: -*дай/-дей*, ср. каракалп. *мотордай* «как мотор»;

6) аффикс, образующий в современном языке наречия: -*ша/-ше*, ср. каракалп. *демократша* «по-демократически»;

---

[9] См. Л. Н. Харитонов, Современный якутский язык, Якутск, 1948.

7) аффикс *-шы/-ши*, образующий определительную форму имени существительного в значении названия профессии, ср. каракалп. *трактор-шы* «тракторист».

Все заимствованные слова словарного состава каждого языка имеют общую с коренными словами систему словообразования и словоизменения, образуя общие для всех тюркских языков две основные функциональные формы грамматического словообразования: а) субстантивные формы и б) аттрибутивные формы (реализующиеся в двух своих модификациях определительной и обстоятельственной), а также общие для всех тюркских языков две основные лексико-грамматические формы лексического словообразования: а) невербализованные и б) вербализованные формы, например, в каракалпакском языке:

Невербализованные формы:

1) субстантивные: *колхоз*, *демократ*;

2) аттрибутивные: а) определительные: *колхозшы* «относящийся к колхозу, колхозник», *колхозлы* «имеющий колхоз, обладающий колхозами, с колхозами», *колхозсыз* «без колхоза, не имеющий колхозов», *колхозлық* «колхозный», *демократлық* «демократический» и б) обстоятельственные: *колхозша* «по-колхозному», *демократша* «демократически».

Вербализованные формы:

1) субстантивные (имена действия): *колхозласу* «коллективизация», *демократласу* «демократизация» и др.

2) аттрибутивные: а) определительные (причастия): *колхозласқан* «коллективизировавшийся», *демократласқан* «демократизировавшийся», и б) обстоятельственные (деепричастия): *колхозласып* «коллективизировавшись», *демократласып* «демократизировавшись» и др.

Таким образом, все заимствованные слова входят в систему языка на общих основаниях и имеют общую с коренными словами систему словообразования и словоизменения, т. е. подчиняются внутренним законам развития языка.

В отношении орфографии освоенные через русский язык слова в различные периоды их заимствования оформлялись различно. В первые годы после революции заимствованные через русский язык слова обычно оформлялись соответственно их произносительной форме с учетом фонетических возможностей данного национального языка, ср., например, старые заимствования в алтайском языке: *салкобай* «целковый, рубль», *остолмо//столмо* «столб», *пык* «пух», *бögрöп* «погреб», *остол* «стол» и т. п.; в каракалпакском языке: а) старые заимствования: *порум* «форма», *ыскылат* «склад» и т. п. и б) новые заимствования в первый период развития литературного языка, *кәллийктип* «коллектив», *кәмувнес* «коммунист», *ләпкөз* «ликбез», *багон* «вагон», *перма* «ферма» и т. п.; в туркменском языке: а) старые заимствования: *эпишге* «окошко», *ассансыя* «станция», *магун* «вагон» и т. п. и б) новые заимствования первого периода — *тылыпун* «телефон», *капыратыл* «кооператив», *онбирсал* «универсальный» и т. п.[10]

Наибольшим изменениям заимствованные слова подвергались в языках, имевших недостаточное количество дифференцированных согласных фонем. К этим языкам относятся такие языки, как хакасский, тувинский, якутский. Ср., например, оформление заимствованных через русский язык слов и терминов в якутском языке: *мөһөөх*, русск. «мешок», где губной вокализм слова объясняется одним из законов сингармонизма — обратным влиянием губного гласного *о*, а удвоенный *өө* во втором слоге указывает на ударение; замещение *ш>h* объясняется отсутствием согласного *ш* в якутском языке того времени, который обычно замещался *с*, но *с* в интер-

[10] М. Д. Аннагурдов, цит. соч., стр. 8.

вокальной позиции по фонетическим законам переходит в *h* и, таким образом, русское слово «мешок» дало в якутском *мөһөөх*; *куруубай* или *хуруубай*, русск. «грубый», фонетически объясняется: а) отсутствием звонкого *г* в начале якутских слов; б) невозможностью сочетания в начале слов в одном слоге двух согласных *гр* и переходом этой группы в слог, разреженный гласным *ху* или *ку*; в) обозначением долгим гласным ударения и т. д.

Однако позднее, когда русские слова стали заимствоваться в более значительных масштабах, когда традиции письменности у бывших бесписьменных народов в значительной степени окрепли, когда вместе с массой новых слов и терминов в национальные языки стали проникать и новые звуки, когда выросло значение русского языка как второго родного языка для всех народов Советского Союза — орфография заимствованных слов в национальных языках сближается с русскими орфографическими нормами. Вместе с тем в правописании заимствованных слов и особенно в отношении оформления границ основы и аффиксов, а также в отношении словообразовательных средств учитывались и специфические особенности данного национального языка, имеющего свои особенности и свои внутренние законы развития. За время после Октябрьской революции языки народов СССР не только значительно обогатили свой словарный состав, но в какой то степени расширили и свой основной словарный фонд, в котором под влиянием необычайного обогащения лексики, произошла известная перегруппировка слов. В отдельных деталях изменился, конечно, и грамматический строй этих языков, сохраняя во всем существенном свою структуру. Имели место и определенные фонетические изменения.

Так, в связи с обогащением словарного состава и заимствованием большого количества слов через русский язык фонетическая система тюркских языков обогатилась новыми гласными и согласными звуками. Некоторые тюркские языки, например, казахский, каракалпакский, ногайский и др., вокализм которых характеризуется отсутствием нормальных узких гласных полного образования, соответствующих русским гласным *и* и *у*, усвоили эти звуки вместе с заимствованной русской лексикой. Татарский и башкирский языки заимствовали вместе с русскими словами гласные звуки, соответствующие русским *е* и *о*, которых не было до того в их фонетической системе.

Еще в большей степени изменился состав согласных. Большинство тюркских языков усвоило новые для них согласные звуки *ф*, *в*, *ц*, *щ*. Казахский, каракалпакский и некоторые другие тюркские языки заимствовали те же согласные звуки и, кроме того, отсутствовавший в этих языках согласный *ч*, хакасский язык — *ф*, *в*, *ц*, *щ*, *ш*, *ж*, а якутский — *ф*, *в*, *ц*, *щ*, *ш*, *ж*, *з*.

Вместе с изменением состава звуков современных тюркских языков постепенно изменяются также и присущие этим языкам фонетические закономерности. Языки, сохранившие последовательный сингармонизм слова, теряют его в отношении заимствованных слов. Влияние передних и задних гласных на соседние гласные и согласные в заимствованных словах ограничивается в некоторых языках, например, в киргизском, пределами одного слога. Изменяются для заимствованных слов также и закономерности, относящиеся к ассимиляции согласных, и т. д,. В тюркских языках, где система слогов была ограничена только шестью типами слогов (*а-*, *ба-*, *аб-*, *баб-*, *барб-*, *арб-*) [11], появляются новые типы слогов: *бра-*, *браб-*, *брарб-* и проч. Структура слога и изменение фонетических закономерностей в заимствованных словах влекут за собой и измене-

[11] Здесь типы слогов показаны схематично, условными обозначениями, которые соответствуют *а*—гласному, *б*—шумному согласному и *р*—сонорному согласному

ние места экспираторного ударения, которое в современных языках в заимствованных словах имеет подвижный характер, в то время как прежде ударение было строго фиксированным.

Значительно медленнее, но изменяется и грамматический строй языков. Как указывает И. В. Сталин: «Он, конечно, претерпевает с течением времени изменения, он совершенствуется, улучшает и уточняет свои правила, обогащается новыми правилами, но основы грамматического строя сохраняются в течение очень долгого времени, так как они, как показывает история, могут с успехом обслуживать общество в течение ряда эпох»[12].

Современные языки народов СССР, подвергнувшиеся значительному изменению своего словарного состава и развивающиеся, совершенствующиеся, как языки литературные, естественно усовершенствовали за это время свой грамматический строй, уточнили правила изменения слов и реализовали свои внутренние возможности в отношении обогащения своего синтаксиса и т. д.

В современных тюркских языках заметна, например, тенденция развития и выделения во вполне самостоятельную часть речи имени прилагательного, которое до последнего времени оставалось весьма слабо дифференцированным с наречием, с одной стороны, и именем существительным — с другой. Имя прилагательное в современных языках приобрело уже самостоятельное место в системе частей речи и развило свою систему словообразования. Аффиксы именного словообразования: *-лы/-ли* (с вариантами), *-лыҡ/-лик* (с вариантами), *-сыз/-сиз*, *-ғы/-ги* и некоторые другие, имевшие прежде несколько иное значение, приобрели теперь также и значение аффиксов, образующих имена прилагательные. Некоторыми языками, например, алтайским, хакасским, заимствованы русские аффиксы образования прилагательных, причем усвоена только одна форма с нейтральным в отношении грамматического рода и числа окончанием: в алтайском языке форма мужского рода *-ный*, *-ский*, которая употребляется и при определяемом, стоящем в женском роде (ср. *социальный наукалар* «социальные науки», *коммунистический партия* «коммунистическая партия» и т. п.); в хакасском языке — особая форма на *-най*, *-скай*, также нейтральная в отношении рода и числа (ср. *Азскызскай район* «Азскызский район», *Верховнай Совет* «Верховный Совет» и т. п.).

В связи с развитием конструкций сложных предложений увеличивается количество различных служебных слов и, в частности, союзов, которых в старом языке было значительно меньше. Изменяется отчасти порядок слов в предложении, особенно это явление заметно в разговорном языке. В отдельных конкретных случаях становится более универсальным управление некоторых глаголов падежами, так в современных тюркских языках глагол *мин-* «оседлать кого-либо, садиться на что-либо» управляет теперь и направительным и винительным падежами, глагол *пайдалан-* «пользоваться, использовать» — и исходным и винительным падежами и т. д.

Видоизменяются постепенно грамматические связи в некоторых конструкциях предложения, ср., например, изменение формы логического субъекта в таких конструкциях, как *биз ауылға баруымыс керек* «мы должны идти в деревню» (вместо прежней формы *биздинг ауылға баруымыз керек*) — в каракалпакском и других языках и т. п.

Языки народов СССР в эпоху после Великой Октябрьской социалистической революции прошли большой путь развития (некоторые из них от языков неконсолидировавшихся племенных групп и народностей

---

[12] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 25—26.

к языкам социалистических наций), и этот длительный в других условиях путь пройден народами СССР в небывало короткое время. Естественны поэтому и значительные сдвиги в этих языках в смысле обогащения их словарного состава и совершенствования и шлифовки их грамматического строя. Однако все эти изменения ни в какой мере не нарушают складывающуюся веками основу языка.

IV

Развитие, совершенствование и обогащение языков народов СССР в эпоху развития и становления социалистических наций коренным образом отличается от тех же процессов образования литературных языков до Великой Октябрьской социалистической революции.

Развитие национальных по форме и социалистических по содержанию культур народов СССР, расширение сети школ, организация национальных театров и других культурных учреждений, небывалый рост литературы, составление учебников, переводы научной и общественно-политической литературы — все это вызвало необходимость организованной плановой разработки вопросов литературных языков, которая строится на научной основе, на тщательном изучении каждого конкретного языка, с учетом внутренних законов его развития.

Плановая и организованная разработка вопросов литературных языков касалась главным образом практических вопросов нормализации вновь развивающихся литературных языков, установления их диалектной основы и грамматических норм, усовершенствования графики и орфографии, регулирования огромного количества новых необходимых терминов.

Однако в разработке вопросов национальных литературных письменных языков было допущено немало ошибок.

Марровское так называемое «новое учение» о языке нанесло большой вред изучению национальных языков и разработке теоретических и практических вопросов языкознания. Антиисторизм этого «учения» мешал изучению основных вопросов истории, диалектологии, лексики, грамматического строя конкретных языков и процессов их развития в связи с конкретной историей данного народа. Все языки в этом отношении рассматривались изолированно, вне их родственных связей. Сравнительно-исторический метод был изгнан из практики исследовательской работы, которая поэтому стояла на низком теоретическом уровне. Много ошибок было допущено в связи с этим и в разрешении вопросов практического языкознания.

И. В. Сталин не только вскрыл антимарксистскую сущность «нового учения» о языке, но указал и на порочность практики его последователей, на неправильные их установки в отношении изучения национальных языков.

Положения И. В. Сталина позволяют нам окончательно покончить с той путаницей, которая царила прежде в этих областях знания, и организовать дальнейшую работу на марксистских началах. И. В. Сталин дал исчерпывающие указания о том, что взаимоотношения между нациями и их языками до и после победы социализма различны. Если в условиях капитализма при скрещивании языков происходит борьба между языками за господство одного из языков, то в нашей стране, после победы социализма, языки получили возможность свободного развития.

В новых социалистических условиях изменилось и отношение всех народов СССР к русскому языку, который признан всеми ими вторым родным языком. Русский язык как один из наиболее передовых языков мира стал основным источником обогащения и развития других национальных языков Советского Союза. Из него заимствуется вся основная научная и обще-

ственно-политическая терминология. Русский язык занял теперь важное место и в школе.

Основополагающие труды И. В. Сталина поставили перед советским языкознанием новые задачи и в отношении практических вопросов дальнейшей разработки национальных литературных языков и в том числе в первую очередь языков народов СССР.

Одним из основных вопросов нормализации литературных национальных языков является вопрос о правильном выборе диалектной основы языка — основного диалекта, грамматический строй и основной словарный фонд которого становится базой для развивающегося литературного национального языка.

Национальные республики и области в основном правильно разрешили этот вопрос, хотя в отдельных случаях и имеют еще место ошибочные в этом отношении выводы, а следовательно, и практическая их реализация.

Как правило, языки народов СССР, впервые получившие письменность и возможность развития своего литературного языка, несмотря иногда на пестрые диалектные различия, имеют своей базой единый диалект, наиболее полно отражающий общие закономерности в развитии всего общенародного языка. Однако некоторые языки в силу исторических причин были поставлены в особые условия развития на основе не одного, а двух или нескольких диалектов. К таким языкам относятся, например, современные литературные языки коми-зырянский и коми-пермяцкий, эрзя и мокша мордовские или горный и луговой марийские, которые до сих пор разобщены в своем развитии, а следовательно, и не имеют единых национальных литературных языков. Среди тюркских языков до недавнего прошлого в таком же положении находился чувашский язык, консолидация диалектов которого завершилась еще в прошлом столетии в виде двух основных диалектов или наречий: анатри, или низовое наречие, и вирйал, или верховое наречие, которые ныне объединены единым литературным национальным языком, с низовым наречием в основе, но с использованием лексических богатств и другого диалекта.

Отдельные из тюркских языков (узбекский, туркменский и некоторые другие) до сих пор имеют некоторый разрыв между нормами литературного и разговорного языка. Диалектная основа этих языков остается неясной. Так, например, современный литературный узбекский язык, в основе которого лежат так называемые «городские несингармонистические говоры», оказался в некоторой мере обособленным по отношению ко многим диалектам общенародного языка. Эта обособленность литературного языка объясняется также его засоренностью множеством чуждых арабо-иранских и староузбекских лексических элементов, не понятных народу. Ярким показателем неполного разрешения вопроса об отношении узбекского литературного языка к территориальным диалектам и классовым жаргонам является то, что современные поэты и писатели нередко снабжают свои произведения толковыми словариками, объясняющими значение некоторых слов литературного языка. Такие же явления, но в меньшей степени, характерны и для таких языков, как татарский и туркменский, что объясняется пристрастием некоторых писателей к образцам старой литературы.

Имеются среди тюркских языков и такие языки, диалектные особенности которых не являются резкими и выражены в языке слабо. Примером может служить казахский язык, говоры которого не имеют резких расхождений, хотя и имеют свои особенности как в фонетической структуре, так и в лексике и грамматике. Некоторые казахские языковеды пытались на основе этих местных особенностей казахского языка построить классификацию казахских говоров, опирающуюся на старое деление казахского

народа на три жуза, или три орды,— Старшую или Большую, Среднюю и Младшую или Малую,— однако данные казахского языка не подтверждают этой схемы деления казахских говоров на три жузовских диалекта. Во всяком случае, для того чтобы решить вопрос о наличии диалектов в казахском языке — диалектов, характеризующихся совокупностью местных фонетических, лексических и грамматических особенностей, которые составляли бы известную систему и распространялись бы на определенную территорию, необходимо прежде всего собрать соответствующий материал. Этот материал позволил бы установить, составляют ли те местные особенности казахского языка, например, в районах, смежных с узбеками, киргизами, туркменами и т. д., определенную систему фонетических, лексических и грамматических признаков, позволяющую говорить о наличии диалектов или говоров, или они образуют только пограничные, переходные мелкие явления, характерные для небольших территорий.

Перед языковедами национальных республик стоит большая и ответственная задача — определить отношение литературного языка к диалектам и говорам, установить диалектную основу каждого национального языка и в соответствии с этим основным диалектом нормализировать литературный язык, т. е. определить его лексические, грамматические, орфоэпические и орфографические нормы, используя при этом все богатства всего общенародного языка. При определении норм литературных языков со старыми традициями необходимо одновременно вести борьбу за очищение литературного языка от исторически отложившихся элементов старых классовых жаргонов, против буржуазно-националистических попыток навязать литературному национальному языку нормы, чуждые общенародному разговорному языку. Эти тенденции, как известно, выражались либо в навязывании искусственных образований типа *аударыспақ* «революция» (букв. «опрокидывание»), либо в использовании в широких масштабах арабо-иранской лексики. Позже, с принятием латинского алфавита для тех же буржуазно-националистических элементов характерны были тенденции «ограждения» языка от стихийно проникающих в общенародный разговорный язык русских и через русский язык интернациональных терминов и заимствования «европеизированных» форм, например, *социалистик* «социалистический», *популяр* «популярный» — в татарском и некоторых других языках.

При установлении норм литературного языка нельзя допускать большого разрыва между литературным языком и общенародным разговорным языком. Необходимо избегать чрезмерного увлечения в заимствовании новых слов в тех случаях, когда они могут быть выражены средствами своего языка, но вместе с тем нельзя также ограждать национальный язык искусственными барьерами, не допускающими внедрение в письменный литературный язык русских слов, широко используемых в общенародном разговорном языке, а также специальной терминологии, которая усваивается в школе вместе с усвоением русского языка.

Русский язык как средство общения народов СССР занимает в этом отношении особое место. Являясь одним из крупнейших и наиболее развитых языков мира, русский язык сыграл и играет ныне огромную роль средства приобщения народов СССР к великой русской культуре. Поэтому совершенно естественна тяга народов СССР к его изучению и освоению, а вместе с тем и к привлечению его лексических богатств для обогащения лексики родных языков.

Такое сближение языков народов СССР с великим русским языком является также одним из ярких показателей сближения национальных по форме и социалистических по содержанию культур всех народов СССР и сплочения всех народов вокруг великого русского народа.

При разработке норм национальных литературных языков народов СССР необходимо руководствоваться следующими основными положениями, вытекающими из основополагающих указаний И. В. Сталина.

Каждый из национальных литературных языков народов СССР должен опираться на массовый, наиболее богатый в отношении развития основного словарного фонда, словарного состава и грамматического строя диалект, наиболее полно отражающий общие закономерности в развитии всего языка. Вместе с тем нельзя допускать, чтобы литературный язык был оторван от общенародного языка и не был понятен представителям других диалектов и говоров. Литературный язык должен быть очищен от засоряющих его элементов классовых жаргонов письменных (книжных) языков прошлого, а также от искусственных заимствований, не понятных народу (многие арабо-иранские слова и термины, «европеизированные» формы словообразования и т. п.).

При разработке, совершенствовании и шлифовке норм литературного языка необходимо исходить прежде всего из специфики данного конкретного языка, из внутренних закономерностей его развития, из лексических и грамматических его ресурсов. Вместе с тем необходимо также бороться и с буржуазно-националистическими тенденциями — избегать заимствований из соседних, более развитых языков и, в первую очередь, из русского языка, избегать сближения с русским языком.

Важнейшим вопросом дальнейшей нормализации литературных языков народов СССР является установление правильных и научно обоснованных принципов разработки общественно-политической и научно-технической терминологии. Известно, что развитие и обогащение языков выражается прежде всего в пополнении их новой лексикой. Пополнение это, как и все другие процессы нормализации литературных языков, должно регулироваться. Для каждого конкретного языка принципы регулирования терминологии должны быть разработаны отдельно, хотя, вместе с тем, могут быть в этом направлении и некоторые общие положения.

Одним из коренных вопросов разработки и нормализации терминологии во всех языках народов СССР является вопрос установления источников терминологии и правильного их использования. Основным источником терминологии должен быть прежде всего словарный состав данных конкретных языков и их диалектов. Словарный состав языка образует сложную семантическую систему лексических связей, и каждое новое понятие, сближаясь по одному из своих основных признаков с другими понятиями, находит и свое словесное оформление. Однако новый термин, созданный либо путем семантического сужения или расширения старого слова, либо путем аффиксации, либо посредством синтаксических сочетаний двух или нескольких слов, либо каким-нибудь искусственным словосложением,— не всегда остается в языке и входит в лексическую систему его словарного состава. Обогащение словарного состава идет также и путем заимствования слов из других языков. Языки народов СССР в течение всей послеоктябрьской эпохи широко использовали и используют богатейшую терминологию русского языка, из которого они заимствуют также и интернациональные термины.

Эта традиция должна остаться и в будущем. Необходимо рационально использовать оба указанных средства пополнения терминологии. Однако как в отношении собственных средств каждого конкретного языка, так и в отношении русского языка — основного источника заимствования терминов — должны быть установлены известные взаимные границы. Терминология языков народов СССР не должна перегружаться заимствованными словами в тех случаях, когда новый термин может быть легко создан своими словообразовательными средствами, и в то же время должна

вестись решительная борьба с непонятными широким массам народа, искусственными переводами на родной язык терминов, известных уже массам в их русском оформлении.

Что касается незнакомых и чуждых общенародному разговорному языку искусственно принятых на первых этапах развития национальных литературных языков арабо-иранских слов и терминов, то их употребление нельзя признать целесообразным. Вместе с тем не следует увлекаться чрезмерной «чисткой» языка от арабо-иранской лексики там, где она органически вошла в словарный состав и основной словарный фонд данных конкретных языков.

Таковы главные принципы разработки терминологии в современных языках народов СССР, которые в основных чертах и реализуются ныне в большинстве республик и областей.

Одним из важнейших достижений в области культуры народов СССР, возрожденных Великой Октябрьской социалистической революцией, является разработка алфавитов и письменности для языков этих народов на основе русской графики.

Арабский алфавит, которым пользовались некоторые народы, и позже латинизированный алфавит не могли в полной мере обеспечить развитие национальных языков бывших отсталых народов России.

Переход большинства языков на русскую графику содействовал не только развитию всех языков Советского Союза, но и оказал значительную помощь в успешном освоении национальностями Советского Союза русского языка и русской культуры, обеспечив тем самым единую и общую основу грамотности на двух языках — родном и русском.

Разработка алфавитов и письменности на основе русской графики осуществлялась большинством национальных республик и областей с учетом взаимного обмена опытом и рекомендаций местных и центральных научно-исследовательских учреждений. Благодаря этому современные алфавиты на основе русской графики вполне отражают фонематический состав языков, способствуют успешному усвоению родных языков в школе и в значительной мере помогают национальностям Советского Союза усваивать русский язык.

Такое исключительное значение русского алфавита требует и особого внимания при его использовании. Задача одновременного обучения грамоте на национальном и на русском языках может быть успешно решена лишь при условии максимальной унификации значений букв. В алфавитах на русской основе для каждого конкретного национального языка по возможности не должно быть противопоставлений общих для него и для русского языка знаков или букв, которые используются только для звуков национального языка,— другим, также общим, которые используются только для заимствованных слов. Это положение, конечно, не касается специфических знаков, отсутствующих в русской азбуке, которые могут использоваться только для коренных слов данного языка.

Алфавиты как системы условных знаков-букв, отражающие по возможности все фонемы данного языка, должны быть, с одной стороны, максимально просты, а, с другой стороны,— дифференцированно отражать на письме все семантически различимые слова.

С этой точки зрения существующие алфавиты на русской основе требуют еще значительных исправлений и уточнений, что и является одной из ближайших задач наших научно-исследовательских учреждений.

Дальнейшее усовершенствование алфавита должно пойти, во-первых, по линии установления минимального количества значений для каждого знака, а, во-вторых, в целях облегчения усвоения родного и русского языков в школе — по линии согласования и унификации значений каж-

дого знака алфавита конкретного языка с русским алфавитом. Для этого в первую очередь могут быть поставлены на обсуждение следующие вопросы, связанные с обозначением гласных звуков:

а) о разграничении обозначения звуков *а* и *ə* в узбекском алфавите;

б) о разграничении в обозначении звуков *е* татарского и *е* русского в заимствованных словах в татарском алфавите;

в) о разграничении отражения в письме, с одной стороны, гласного типа *и*, а с другой — дифтонгов *ый* и *ий* в казахском и каракалпакском языках;

г) о возможности и даже необходимости сближения в обозначении гласных звуков, близких между собой по артикуляции, например, звуков *і* и *и*, с одной стороны, и звуков *у* и *ұ*, с другой — в казахском алфавите.

Более удачно разработаны современные тюркские алфавиты для обозначения согласных звуков, хотя и здесь имеются еще некоторые недостатки. Для их искоренения необходимо обратить внимание на дальнейшую разработку вопросов алфавита, главным образом, в следующих основных направлениях.

Во-первых, избегать, по возможности, обозначения одного и того же звука разными буквами как внутри одного алфавита (ср. например, обозначение *ў* (*w*) в татарском и башкирском алфавите, где этот согласный имеет три эквивалента: *в*, *у*, ү, так и в различных алфавитах (ср., например, обозначение согласного *дж* шестью способами: *дж*, *дь*, *җ*, *ж*, *ҹ*, *ʒ*).

Во-вторых, избегать, по возможности, введения в алфавит лишних букв, которые могут быть заменены условными орфографическими приемами. Ср., например, излишние знаки *қ* и *ғ* (и соответствующие графические их варианты *k*, *къ*, *гъ*) в языках, сохранивших законы сингармонизма, например, кумыкском, ногайском, казахском, каракалпакском, башкирском, где дифференциация в произношении *к* и *қ*, *г* и *ғ* достигается наличием либо задних, либо передних гласных в слове: ср., например, в каракалпакском языке: *кол* (*қол*) «рука» и *көл* (*көл*) «озеро» или *согуў* (*соғу*) «драка» и *сөгүў* (*сөгу*) «брань» и т. п. Обозначение этих пар согласных *к* и *қ*, *г* и *ғ*, которые, так же как и звуки *л* и *ль* в большинстве тюркских языков, за исключением узбекского, уйгурского и некоторых других, не являются смыслоразличающими звуками — связано еще с традициями использования арабского алфавита, где эти звуки для арабского языка обозначались различными знаками.

Такое сокращение лишних знаков, (например, *қ* и *ғ*), как показала практика в Татарии, Киргизии, Туркмении и на Алтае, способствует упрощению правил правописания, а следовательно, и сокращению орфографических ошибок у учащихся в школах по родному языку.

В-третьих, избегать по возможности многозначности отдельных букв алфавита, обозначающих далекие между собой значения. Например, буква *у* в казахском и каракалпакском алфавитах обозначает такие различные звуки, как гласный *у* (а в каракалпакском, кроме того, и передний *ӯ*), согласный *ў* (*w*) и дифтонги *уў*, *ӯў*.

В-четвертых, необходимо максимально сблизить графику и орфографию национальных алфавитов с графикой и орфографией русского языка, устраняя имеющиеся здесь противоречия.

Таковы итоги разработки алфавитов для тюркоязычных республик, основные недостатки этих алфавитов и основные пути и задачи дальнейшей их разработки и совершенствования.

Одной из крупнейших практических задач в области разработки национальных литературных языков Советского Союза является также задача дальнейшего уточнения существующих норм орфографии.

При уточнении правил орфографии, их упрощении и приближении

к существующим нормам разговорного литературного языка необходимо исходить из специфических закономерностей каждого конкретного языка. Совсем недавно представители так называемого «нового учения» о языке квалифицировали характерные для всех тюркских языков законы сингармонизма, как законы реакционные, мешающие якобы развитию этих языков и уточнению норм произношения и правописания, тогда как эта особенность тюркских языков в значительной степени помогает установить весьма точные и ясные правила орфоэпии и орфографии.

Нормы орфографии многих современных тюркских языков игнорируют отражение в письме всех наличных в слове фонем, допускают пропуск в письме узких гласных (каракалпакский, хакасский и некоторые другие языки) или непоследовательное отражение, а иногда и полный пропуск в письме долгих гласных (туркменский, алтайский и др.).

Одним из основных недостатков современных правил орфографии для большинства тюркских языков является отсутствие четких правил слитного и раздельного написания слов. Характер и специфика тюркских языков, как языков агглютинативных, требуют в этом отношении, как нам представляется, максимального использования принципа раздельного написания и только в виде исключения для сложных слов, фонетически слившихся между собой, принципа слитного их написания.

Сложным является также вопрос о правописании аффиксов и отражении в письме фонетических явлений, возникающих на границах между основой и формантами. Именно здесь наблюдаются различные закономерности ассимиляции и диссимиляции гласных и согласных, в отношении которых должны быть установлены и соответствующие правила правописания. Наибольшую трудность вызывают в данном случае заимствованные слова с необычным для многих тюркских языков сочетанием гласных и согласных звуков. Подчиняясь законам данного языка, они получают подчас формы правописания, не совпадающие с произношением.

При уточнении правил орфографии необходимо учитывать лексику и терминологию, заимствованную через русский язык, а также и те новые звуки, обогатившие фонетическую структуру языков народов СССР. Заимствование новых звуков расширяет рамки и возможности орфографического оформления слов и позволяет установить общие орфографические правила для заимствованных слов. Вопрос о принципах оформления русских заимствованных слов в соответствии с существующими специфическими особенностями конкретных языков был поставлен недавно в статьях А. Е. Мординова и Г. Д. Санжеева [13].

В этих статьях устанавливается общий принцип подчинения заимствованных слов фонетическим нормам национальных языков при одновременном сохранении их первоначального начертания в пределах этих норм и с учетом введенных в алфавиты дополнительных букв для вновь заимствованных через русский язык звуков, а также указывается на необходимость оставления старых русских заимствований в их уже полностью приспособленных к нормам языка формах и максимального приближения к русскому оригиналу вновь заимствованных русских слов в период после Великой Октябрьской социалистической революции.

В оформлении заимствованных через русский язык слов в большинстве языков народов СССР установились уже известные традиции, по которым старые заимствования оформляются в соответствии с их произношением

---

[13] См. А. Е. Мординов, О развитии языков социалистических наций в СССР, Сборник «Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», М.— Л., 1951, стр. 151, а также А. Мординов, Г. Санжеев, Некоторые вопросы развития младописьменных языков народов СССР, «Большевик», № 8, 1951 г., стр. 38.

по фонетическим нормам каждого национального языка, термины же, заимствованные после Великой Октябрьской социалистической революции в этих языках оформляются с учетом тенденции к сближению орфографического облика всех заимствованных в этот период слов и, в особенности, специальных терминов и собственных имен с их русскими начертаниями.

Нарушение этих установившихся традиций в правописании заимствованных слов было бы связано с ломкой существующей орфографии и привело бы к отрыву языков народов СССР от соответствующих разговорных народных языков. Вместе с тем существует и другая опасность — отрыв языков народов СССР от русского языка,— если бы национальные орфографии были разработаны без учета заимствования вместе со словами и новых заимствованных фонем из русского языка. Такой отрыв вредно бы отозвался прежде всего на усвоении русского языка в нерусской школе.

Однако для оформления заимствованных слов нельзя установить общих и универсальных правил для всех языков. Существующие внутренние законы развития языков, с одной стороны, и многолетние традиции усвоения русских слов — с другой, диктуют установление различных правил оформления заимствованных слов в каждом конкретном языке.

Между тем, при установлении орфографических правил для языков, пользующихся алфавитом на русской основе, необходимо, чтобы эти правила исходили из закономерностей фонетической структуры и грамматического строя национальных языков и вместе с тем не имели бы резких расхождений с существующими условностями русской орфографии. Установление такой орфографии в значительной мере поможет избежать тех трудностей преподавания русского языка в национальной школе, которые возникали и могут возникать в том случае, если единая для этих языков графика будет использована в орфографии без установления соответствующих принципов.

Поэтому все вопросы орфографии коренных и заимствованных слов должны решаться конкретно, исходя из общих принципов и учета как фонетических и лексико-грамматических норм конкретных языков, так и потребностей и требований методики преподавания родного и русского языков в нерусской школе.

*

Кроме разработки основных и первоочередных практических вопросов национальных литературных языков, каковыми являются установление принципов нормализации языков, определение их диалектной базы и правильных взаимоотношений литературного языка с другими диалектами, вопросы разработки терминологии, алфавитов и орфографии, перед лингвистами Советского Союза стоят также задачи установления орфоэпических норм для большинства национальных языков народов СССР, вопросы стилистики и совершенствования техники перевода. Выполнение всех этих задач обеспечено теми программными и методологическими указаниями, которые даны в гениальных трудах И. В. Сталина.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1952

Н. И. КОНРАД

О КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1

Два года назад, 9 мая 1950 г., в газете «Правда» началась дискуссия по вопросам языкознания. В ходе этой дискуссии ее участники, разбирая положение Н. Я. Марра о так называемых «лингвистических стадиях», приводили марровскую схему распределения языков по «периодам их возникновения», полная несостоятельность которой была затем вскрыта И. В. Сталиным. В этой схеме китайский язык отнесен к «языкам системы первичного периода» [1].

Согласно всему смыслу этой схемы, понятие «периода» (у Н. Я. Марра их четыре: первичный, вторичный, третичный, четвертичный) относится одновременно и к истории — эпохе возникновения какого-либо языка, и к его состоянию, достигнутому им в своем развитии уровню; иначе говоря, отнесение какого-либо языка к тому или иному периоду призвано давать ответ одновременно на два вопроса: когда этот язык возник и какой ступени развития он достиг. Отнесение китайского языка к языкам «системы первичного периода» означает, следовательно, во-первых, что он, этот китайский язык, принадлежит к числу древнейших языков мира, во-вторых, что его строй и сейчас принадлежит к типу, свойственному языкам «первичного», т. е. начального, периода развития языков вообще.

В свое время Н. Я. Марру пришлось, конечно, объяснить, как получается, что язык, имеющий долгую историю, вообще может серьезно не меняться, может все время оставаться, по выражению Н. Я. Марра, в рамках той системы, в которой он возник. Н. Я. Марр дает такое объяснение, исходя из ошибочного положения об единстве глоттогонического процесса: язык, зародившийся в одной системе, может перейти в другую; в этом случае к другой системе его приводят те изменения, которые он претерпевает в общем глоттогоническом процессе; такой переход для языков системы первичного периода, например, для китайского, означал бы включение его в систему языков вторичного периода, представителями которой Н. Я. Марр считал языки угро-финские, тюркские, монгольские. Дальнейшее развитие мирового языкотворческого процесса,— процесса, в котором участвовал бы и китайский язык,— привело бы китайский язык в систему языков третичного периода, представителями которой Н. Я. Марр считал «пережившие яфетические языки» и языки хамитические». Так как в схеме дано только четыре периода, дело могло бы закончиться — по крайней мере, для нашего времени — тем, что китайский

[1] См. Н. Я. Марр, Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком, Избр. работы, т. II, стр. 405.

язык перешел бы в систему языков четвертичного периода, т. е. присоединился бы к языкам семитическим и индоевропейским.

Однако, по Н. Я. Марру, китайский язык ничего этого не проделал, а остался в рамках системы первичного периода. Почему же так произошло? Ответ на такой вопрос следует искать в другом ошибочном положении Н. Я. Марра — в положении об отрыве какого-нибудь языка от общего развития той системы, к которой он сначала принадлежал; она, эта система, шла вперед, а один из языков этой системы остался позади и тем самым выпал из общего движения системы.

Объяснение, почему так случается, мы находим в третьем ошибочном положении: о возможности «отпадения некоторых народов от общего мирового движения»; а если какой-нибудь народ отпал от этого движения, тем самым выпал из общего языкотворческого процесса и язык этого народа. Китайский язык остался в состоянии, характерном для языков «системы первичного периода» именно потому, что он оторвался от общего развития своей изначальной системы, и оторвался он потому, что китайский народ «отпал» от «общего мирового движения».

Допустим на минуту, что китайский народ когда-то действительно «отпал от общего мирового движения». Этим самым Китай превратился бы в отсталую страну. Однако к тому времени, когда Н. Я. Марр писал статью «Как трудно быть лингвистом-теоретиком», — а это было в 1927 г., — китайский народ уже свергнул в 1911 г. маньчжурскую династию и с ней монархию, уже вел с 1919 г. революционную борьбу за свое освобождение, борьбу, направленную против своей внутренней реакции и против западноевропейского и американского империализма. Размах этой борьбы, ее значение еще в 1925 г. определил И. В. Сталин: «Силы революционного движения в Китае неимоверны. Они еще не сказались как следует. Они еще скажутся в будущем» [2]. И, как мы видели собственными глазами, эти слова оправдались целиком: революция в Китае победила и ее победа вывела китайский народ в первый ряд передовых народов всего мира.

Конечно, Н. Я. Марр, несомненно знавший оценку сил китайской революции, данную И. В. Сталиным, понимал, что китайский народ не только вообще участвует в «обще-мировом движении», но и участвует в нем самым активным образом. Н. Я. Марр оставил китайский язык в системе первичного периода потому, что находился во власти созданной им теории, согласно которой народ, однажды отпавший от общего мирового движения, может снова присоединиться к нему, но язык этого народа как бы застывает в том состоянии, в котором он находился в момент своего отрыва.

Таким образом, и получается, что как бы ни был вовлечен китайский народ — хотя бы в современную нам эпоху — в «общее мировое движение», как бы ни приблизился китайский язык к «средиземноморскому центру языкотворчества», тому центру, который Н. Я. Марр считал как бы источником всего поступательного движения языков, это ни к чему привести не могло: он, этот язык, осужден оставаться в том же состоянии, в каком был, когда он оторвался от общего развития всей системы.

Примем на минуту все эти положения Н. Я. Марра и сделаем из них естественно вытекающие выводы.

Допустим, что язык какого-нибудь народа в наше время пребывает в окаменелом состоянии, т. е. является таким же, каким он был в период своего сложения. Н. Я. Марр считает, что это не препятствует данному народу проходить «новый исторический путь своего высокого культурного развития» [3]. Это значит, что даже этот окаменевший в своем первоначаль-

---

[2] И. В. Сталин, Соч., т. 7, стр. 293.
[3] Н. Я. Марр, Избр. раб., т. II, стр. 135.

ном состоянии язык вполне способен обслуживать все новые и самые сложные потребности общественной жизни и культуры. Отсюда следует, что строй языка не имеет значения для способности языков обслуживать нужды культуры, что язык даже со строем, характерным для языков первичного периода, может удовлетворять всем требованиям, предъявляемым к языку самой высокой культуры. Таков первый вывод, который по необходимости вытекает из положений Н. Я. Марра.

Но схема четырех периодов у Н. Я. Марра несомненно основана на представлении о стадиальном развитии языков, в котором каждый период образует новую, более высокую ступень этого развития, чем предыдущий. Это явствует хотя бы из того, что Н. Я. Марр характеризует появление индоевропейских языков как языков системы четвертичного периода, более сложной, вызванной при этом, по его мнению, переворотом в общественности в зависимости от новых форм производства. Этим самым Н. Я. Марр утверждает, что если поднимается на более высокую ступень общественное развитие, поднимается на более высокую ступень и язык. А такое развитие языка выражается в переходе его в новую систему. Таков второй вывод, естественно вытекающий из общих положений Н. Я. Марра.

Но если язык любой системы, даже «окаменевший» на стадии первичного периода, может служить своему народу, когда он проходит, по выражению Н. Я. Марра, «новый исторический путь своего высокого культурного развития», — как это примирить с положением о том, что «переворот в общественности в зависимости от новых форм производства», т. е. переход на новую, более высокую ступень общественного развития, влечет за собой и переход языка на новую, более высокую ступень развития. Противоречие очевидное.

В основе его, как нам кажется, лежит столкновение между предвзятой идеей о стадиальном развитии языков и наблюдением реальных фактов. Н. Я. Марр, с одной стороны, хотел обязательно видеть, что языки в едином языкотворческом процессе проходят различные стадии, поднимаясь с одной ступени развития, более низкой, на другую, более высокую, и что эти переходы соответствуют «переворотам в общественности в зависимости от новых форм производства»; с другой стороны, он не мог не видеть, что и языки, «окаменевшие» в состоянии, характерном, как он думал, для низших стадий, тем не менее превосходно обслуживают свои народы в строительстве такой же культуры, как и у народов — носителей языков высших, по Н. Я. Марру, стадий. Этот факт, ясный для самого Н. Я. Марра, должен был бы, казалось, поколебать его положение о стадиальном развитии языков в смысле перехода их от низших стадий к высшим. Этого, однако, не получилось. А именно этот факт и является решающим для установления правильной точки зрения на роль строя языка какого-либо народа в деле создания народом культуры.

Противоречие это особенно ясно проявляется именно на примере китайского языка. Н. Я. Марр причислил китайский язык к системе языков первичного периода. Он должен был, конечно, чем-то обосновать такое причисление. Таким обоснованием для него послужило бывшее у него представление о китайском языке как о моносиллабическом, полисемантическом, аморфном. Иначе говоря, он полагал, что слова китайского языка односложны, что каждое слово вмещает в себя массу значений, что эти слова не имеют никаких грамматических форм.

Такие языки, т. е. языки аморфно-синтетического типа (как и агглютинативные), являются для Н. Я. Марра «пережиточными от разных эпох глоттогонии, эпохи творчества языковых видов, реликтовыми видами» [4].

---

[4] Н. Я. Марр, Избр. раб., т. I, стр. 89—90.

Но вместе с тем оказывается, что этот наиболее примитивный для Н. Я. Марра тип языка, как и следующий за ним, по Н. Я. Марру, по лестнице усложнения, агглютинативный тип, способен наилучшим образом удовлетворять потребности народа столь же высокой культуры, как и культуры народов с языками флективного типа. Это удостоверяется наблюдаемыми нами реальными историческими фактами. Сам Н. Я. Марр допускал это.

Однако, допуская это, он не замечал, что эти факты и само допущение их входят в непримиримое противоречие с положением о пережиточных, «реликтовых видах» языков. Согласовать эти два положения нельзя: если язык примитивен, он не может обслужить запросы народа с высокоразвитой культурой; если же язык обслуживает такие запросы, он не примитивен, каким бы он по своему строю ни был. Поэтому, если китайский язык служил и служит превосходным орудием действительно высокой культуры, то, конечно, совершенно очевидно, что он отнюдь не примитивен

Реальная история китайского языка и его современное состояние не только явственно вскрывают это коренное противоречие в положениях Н. Я. Марра, но и опрокидывают всю придуманную им схему — во всех ее основных элементах.

2

Остановимся прежде всего на вопросе об отрыве китайского языка от общего мирового языкотворческого процесса, как об основной причине его принадлежности к системе языков первичного периода. По Н.Я. Марру, это должно быть связано с обязательным отпадением народа от «общего мирового движения».

Однако история свидетельствует иное. Начиная с эпохи Чжоуского царства (с конца 2-го тысячелетия до н. э.), от которой сохранились вполне надежные исторические данные, жизнь китайцев проходит в непрерывном взаимодействии с соседними кочевыми племенами, круг которых в дальнейшем неуклонно расширялся. Мы находим среди них племена, которые по нынешним этнографическим обозначениям относят к тунгусскому этническому корню, к монгольскому, к тюркскому, к тибетскому; находим и племена, заселявшие тогда Индо-Китай. Это означает, что китайский язык развивался в окружении языков маньчжуро-тунгусской, монгольской, тюркской, тибетской групп.

Не был изолирован китайский язык и от языков Индии. Буддизм, начавший проникать в Китай в первом столетии до н. э., принес с собой в дальнейшем знание санскрита. В начале V века н. э. был закончен перевод на китайский язык всего буддийского канона. Китайские буддийские монахи знали и живые языки Индии: китайские паломники бывали там, появлялись индийские буддисты и в Китае. Таким образом, о какой-либо оторванности китайского языка от других языков — и притом самых различных — говорить нельзя. При этом, если в лице языка тибетского и языков населения Индо-Китая китайский язык сталкивался с языками, называемыми у нас аморфно-синтетическими, т. е. с языками «своей системы», то в лице языков маньчжуро-тунгусских и тюркских он имел перед собой языки агглютинативного типа, а в лице санскрита он соприкасался и с языками флективного типа. Таким образом, нет оснований считать китайский язык как-то оторвавшимся от общей истории языков, да еще видеть в этом его отставание. Таково первое конкретно-историческое доказательство беспочвенности положения Н. Я. Марра об отрыве языков.

На основе концепции Н. Я. Марра мы не получаем также объяснения того, почему маньчжуро-тунгусские, монгольские и тюркские языки оказываются более развитыми языками вторичного периода, несмотря на то,

что племена, их носители, были кочевыми и даже охотничьими в то время, когда у китайского народа была уже многовековая эпоха оседлой жизни, эпоха большой культуры, когда у него уже давно сложилось государство. А если не жизнь, не общественное развитие, не культура движет развитием языка, то что же? Так ведь думал и сам Н. Я. Марр. Тогда как же могло у него получиться, что языки монгольской, тунгусской и тюркской групп оказались языками системы вторичного периода, т. е., по его толкованию, более развитыми, чем китайский? Несостоятельность стадиальной схемы Н. Я. Марра становится ясной при первом же соприкосновении с конкретной историей народов и их языков.

Наконец, последнее.

История китайского языка нам известна более, чем за три тысячи лет. Датированные памятники непрерывной цепью идут с VII в. до н. э. Эти памятники — самые разнообразные; они отражают все стороны культурной жизни китайского народа. Среди них — огромная философская литература, особенно отчетливо передающая размах и силу теоретической мысли. Если бы она, эта литература, была более известна у нас, мы увидели бы, что развитие теоретической мысли в древнем и средневековом Китае ни в какой мере не уступает прославленным проявлениям этой мысли в древней Греции, в средневековой Европе, в мусульманском мире Средних веков. И в новейшее время, в нашу эпоху теоретическая мысль в области обществознания нашла в Китае свое новое и высокое выражение в трудах Сунь Ят-сэна и Мао Цзэ-дуна. Как мы хорошо знаем, труды Мао Цзэ-дуна по своему содержанию принадлежат к числу наиболее передовых проявлений общественной мысли нашего времени.

Все это свидетельствует о том, что китайский язык уже с древних времен был полноценным средством выражения сложной человеческой мысли, что сейчас он по мощи своих средств стоит в ряду самых развитых языков мира. Достаточно сказать, что на китайский язык переведены труды В. И. Ленина и И. В. Сталина, переведены при этом так же без затруднений, как переведены они, например, на язык немецкий или французский. Достаточно сказать, что и любая работа, скажем, по ядерной физике, может быть написана на китайском языке так же легко, как она пишется на любом другом из культурных языков мира. Это обстоятельство с новой стороны показывает, что схема распределения языков по периодам их возникновения с вытекающим отсюда следствием — разноценностью их по степени их развития — вообще беспочвенна.

3

Что собой представляет китайский язык? С самого же начала добавим: современный китайский язык. В дальнейшем мы будем говорить только о нем.

Но в наше время сказать только «современный китайский язык» еще недостаточно. Учение И. В. Сталина о языке требует от нас точности. В данном случае эта точность заключается в определении: что такое тот современный китайский язык, о котором будет идти речь,— язык племени, народности, нации? Ответим сразу же: речь будет о китайском национальном языке в точном, историческом смысле этого понятия.

Следует сказать, что вопрос о китайском национальном языке не столь ясен и прост. Возможны сомнения в том, можно ли вообще говорить в наше время о национальном языке в Китае в том смысле, в каком понимает национальный язык марксистское языкознание. Национальный язык — принадлежность нации. Но можно ли говорить о нации в Китае? Нация есть историческая категория, складывающаяся в эпоху подымающегося

капитализма. Но с середины XIX в. Китай, бывший тогда в своей основе феодальной страной, превратился в полуколонию западноевропейского и американского капитализма. Это обстоятельство задержало распад феодализма и замедлило рост национального капитализма, в значительной мере направив его развитие по компрадорскому, т. е. самому хищническому для своей страны, пути. Насколько слабым было буржуазное развитие Китая, свидетельствует тот факт, что даже в 1919 г. развернувшееся тогда широкое национально-освободительное движение выступило с лозунгом борьбы не только с иностранным империализмом, но и с собственным феодализмом. Такое положение, естественно, задерживало развитие нации в Китае, а тем самым и приобретение китайским языком характера языка нации. И дело здесь не в том, что продолжали существовать многочисленные диалекты; диалекты в какой-то мере сохраняются и тогда, когда национальный язык уже полностью образовался и даже долгое время существует. Дело и не в том, что продолжал существовать старый письменный литературный язык; такого рода старые письменные литературные языки в странах Востока на некоторое время удерживаются даже тогда, когда в этих странах уже не только полностью сформировался, но и господствует новый литературный язык, т. е. литературная норма национального языка. Главное состояло в том, что как будто бы отсутствовало основное условие для развития национального языка: утверждение и рост нации как определенной исторической категории, связанной с установлением в стране капитализма.

И тем не менее факт налицо: конкретная историческая действительность в современном нам Китае свидетельствует, что китайский язык развивается именно как национальный. В чем же дело? Ответ на этот вопрос может быть таков.

Как бы ни был замедлен в Китае рост элементов капитализма, все же эти элементы развивались, и притом уже с давних пор. Процветающий класс ремесленников и торговцев мы находим в Китае еще во времена Танской империи (VII—X вв.). Особо широкое развитие ремесло и торговля получили в период монгольского владычества (XIII—XIV вв.). С этого времени этот класс медленно, но неуклонно рос. В период маньчжурской (циньской) династии, т. е. в XVII—XIX вв., буржуазия в Китае уже играла серьезную роль и в экономической, и в политической, и в культурной жизни страны. Режим этой династии вместе с самой династией был свергнут революцией 1911 г., бывшей одним из проявлений того пробуждения Азии, которое произошло под влиянием русской революции 1905 г. Свержение монархии и установление республики было делом всего китайского народа, но одновременно свидетельствовало и о возросших силах буржуазии. Эта буржуазия в те годы спешно вооружалась и необходимым для нее идеологическим оружием, с которым она могла бы вступить в бой с конфуцианством, представлявшим официальную идеологию циньского феодализма. Мао Цзэ-дун в одной из своих работ точно указал, что́ тогда составляло это идеологическое оружие китайской буржуазии: «В те годы то, что именовалось школой, новой наукой, западной наукой, в основном представляло буржуазное естествознание и буржуазное обществоведение: эволюционная теория Дарвина, классическая политическая экономия Адама Смита, формальная логика Милля, литература французского просвещения — общественная теория Монтескье и естествознание. Именно это все и составило господствующие идеи так называемой новой науки» [5]. Мао Цзэ-дун добавляет при этом, что для Китая того времени, все еще оставав-

[5] Мао Цзэ-дун, Движение 4 Мая, сб. «К тридцатилетию „4 Мая“», Синьхуа шудянь, 1949, стр. 4.

шегося в основном феодальным, это просвещение, эти идеи имели тогда революционное значение. Таким образом, наличие в Китае в начале XX в. буржуазии, и притом буржуазии не ранней, живущей в условиях полного господства феодализма и уживающейся с ним, а буржуазии новой, стремящейся к захвату политической власти и вооружающейся для этого идеями, характерными для буржуазии, когда она включается в общенародную антифеодальную борьбу, наличие такой буржуазии не подлежит сомнению.

И тем не менее при всех этих обстоятельствах говорить о наступлении в Китае после революции 1911 г. буржуазно-капиталистической эры все же нельзя. Сельское хозяйство огромной страны продолжало оставаться феодальным; в значительной мере оставалось организованным в феодальные формы и широко развитое в Китае ремесленное производство. Капиталистическая промышленность развивалась только в немногих крупных городах, причем она либо целиком находилась в иностранных руках, либо в большей или меньшей степени зависела от иностранного капитала. Великая страна находилась под двойным гнетом: собственного реакционного феодализма и чужестранного империализма. Буржуазия была, у ней были даже образованные, просвещенные кадры своей интеллигенции, в значительной своей части бывшие носителями и распространителями передовых для своего класса идей, но в целом эта буржуазия была слаба, не имела достаточного опыта в политической борьбе и не была склонна к решительным выступлениям.

История показала, что задержавшийся феодальный гнет, в условиях которого принуждены были жить и трудиться сотни миллионов крестьян, гнет империализма, тяжело ощущаемый всем народом, в том числе и самой национальной буржуазией, сделали то, что против этих двух врагов своей родины поднялась вся масса китайского народа. Первым признаком этого и явилось упомянутое выше «движение 4 Мая» 1919 г. Как сказал про него Мао Цзэ-дун, оно было антиимпериалистическим и антифеодальным одновременно, но его историческое значение заключалось именно в том, что «оно было антиимпериалистическим полностью, без компромиссов, было антифеодальным полностью, без компромиссов» [6].

Было, однако, одно особое историческое обстоятельство, оказавшее решающее влияние и на само возникновение этого движения, и на его размах, и на его столь острую антифеодальную и антиимпериалистическую направленность. «Движение 4 Мая» началось в мае 1919 г. Всего немногим более чем за год до этого произошла Великая Октябрьская социалистическая революция в России. Китайский народ увидел это, увидел в дальнейшем, что вслед за революцией в России вспыхнуло революционное движение и в других странах. Все это самым решительным образом повлияло и на Китай.

Мао Цзэ-дун пишет об этом так:

«В то время капитализм в Китае уже пошел вперед, революционная интеллигенция Китая увидела, что три империалистические державы, Россия, Германия и Австро-Венгрия, уже распались, а две другие империалистические державы, Англия и Франция, получили рану, что в России пролетариат уже построил социалистическое государство, а пролетариат Германии, Австрии (Венгрии) и Италии находится в революционном состоянии. Благодаря этому и родились новые надежды на национальное освобождение Китая» [7].

Что произошло в Китае после этого, мы все наблюдали собственными

---

[6] Мао Цзэ-дун, Указ. раб., стр. 1.
[7] Там же, стр. 1—2.

глазами. Тридцать лет продолжалась эта широко развернувшаяся со времени «движения 4 Мая» 1919 г. революционная борьба китайского народа. Пройдя в своем развитии несколько этапов, она закончилась полным разгромом внутренней реакции в лице гоминдановского режима и одновременно разгромом американского империализма, всячески поддерживавшего этот режим. 1 октября 1949 г. в Китае была провозглашена Народная республика. Тем самым «буржуазная демократия уступила дорогу народной демократии, находящейся под руководством рабочего класса, а буржуазная республика уступила дорогу Народной республике»,— говорит об исходе этой борьбы Мао Цзэ-дун [8].

Но подъем революционного движения после 1919 г. и такой исход его могли получиться лишь потому, что во главе борьбы стали другие силы, отнюдь не национальная буржуазия, что оно стало одушевляться другими идеями, отнюдь не буржуазными. «После 4 Мая,— пишет Мао Цзэ-дун,— в Китае уже зародились новые культурные силы. Это были культурные идеи коммунизма, которыми руководствовались китайские коммунисты, т. е. коммунистическое мировоззрение и учение о социальной революции»[9]. Во главе освободительной борьбы стал рабочий класс со своей коммунистической партией. Поэтому и получилось, что «до 4 Мая новая культура в Китае по своему характеру была стародемократической и составляла часть мировой буржуазно-демократической культурной революции; после 4 Мая новая культура в Китае по своему характеру стала новодемократической и составляет часть мировой пролетарско-социалистической культурной революции. До 4 Мая движение за новую культуру в Китае, культурная революция в Китае была делом буржуазии, после 4 Мая... дело культурной революции не могло не лечь на плечи пролетариата»,— пишет Мао Цзэ-дун [10]. В целом победоносный исход борьбы означал, по его словам, что в Китае была «создана возможность достижения социализма и коммунизма через Народную республику, возможность уничтожения классов и достижения мирового коммунизма» [11].

Победа революции в Китае принесла стране полную независимость от иностранного империализма, она сделала китайский народ подлинным сувереном, действительным хозяином своей земли; ликвидируя помещичье землевладение, она принесла свободу и землю самому многочисленному в стране классу — крестьянству; уничтожив крупную компрадорскую буржуазию, она сняла с плеч китайского народа гнет наиболее хищнической формы капитализма и дала возможность — на условиях известных ограничений и при контроле народного правительства — плодотворно для хозяйства страны развиваться национальной буржуазии, национальному капиталу; она создала политический союз рабочего класса и крестьянства — этой основы всей жизни страны, поставив во главе этого союза рабочий класс с его коммунистической партией.

Нетрудно увидеть все историческое своеобразие этого длительного процесса. Китай, бывший до самой революции 1911 г. феодальной империей, Китай, остававшийся полуфеодальным даже после этой революции, в 1949 г. стал Народной республикой. Буржуазно-капиталистического этапа в его чистой и законченной форме в Китае не было.

Нация создается на буржуазно-капиталистическом этапе исторического развития народа. Этого этапа в Китае в полной и законченной мере не было. Но мы видим в китайском народе именно нацию, в формировании которой исключительно большую роль сыграла великая национально-освободитель-

---

[8] Мао Цзэ-дун, О диктатуре новой демократии, стр. 6.
[9] Мао Цзэ-дун, Движение 4 Мая, стр. 5.
[10] Там же, стр. 7.
[11] Мао Цзэ-дун, О диктатуре новой демократии, стр. 6.

ная борьба китайского народа. Эта борьба была очень длительной. Мао Цзэ-дун прямо сказал: она продолжалась целое столетие. Началась она в 1850 г. десятилетней великой крестьянской войной, которую называют Тайпинским восстанием. В 1900 г. разразилось новое народное восстание, известное под наименованием «боксерского». Далее шла революция 1911 г. Для всех этих движений характерно именно то, что все они ставили перед собой национальные цели: достижение полной национальной независимости и открытие путей свободного развития экономической, политической и культурной деятельности всего народа. Эти национальные цели борьбы и способствовали сплочению основной массы китайского народа.

Но эти восстания были лишь предварительными этапами той национально-освободительной борьбы, которая начала развертываться в Китае с 1919 г. Именно тогда начался самый главный и вместе с тем завершающий этап этой столетней борьбы, прошедший уже под руководством коммунистической партии. С образованием коммунистической партии китайский народ получил своего подлинного руководителя. Все время проверяя себя, свои ряды, свое идейное оружие, эта партия повела борьбу с окончательно превратившейся в реакционную силу партией гоминдана, с созданным ею режимом и с иностранными захватчиками. Но для того, чтобы эта борьба принесла успех, нужно было окончательно сплотить основную массу китайского народа. Коммунистическая партия Китая стала работать для этого со всей решительностью, с настоящим политическим искусством и вместе с тем с огромным тактом. Полный успех был результатом этой работы: китайский народ был объединен. А это и дало ему освобождение.

Таким образом, превращение китайской народности в нацию было, несомненно, подготовлено длительным процессом развития в стране капитализма. Но капитализм в Китае не развился настолько, чтобы на его почве это превращение могло завершиться. Создать единство страны и народа в Китае буржуазии было не по силам. Экономически наиболее сильный ее слой — компрадорская буржуазия — не мог этого сделать потому, что, выступая агентом иностранных захватчиков по выкачиванию из страны ее богатств и сама обогащаясь на этом, она была врагом своего народа. Национальная буржуазия была слишком слаба и неспособна к крупным историческим действиям. Единство создал союз китайского рабочего класса и крестьян, руководимый рабочим классом и его коммунистической партией. Этот союз привлек к себе и все передовые элементы буржуазии. Сам же этот союз выковался в национально-освободительной борьбе народа. В ней зародилась и созрела та консолидация интересов, которая и привела к единству. Завершение процесса образования нации в Китае произошло в народно-освободительной борьбе общенационального значения. Поэтому нет ничего неожиданного и в том, что мы видим в китайском народе нацию, в китайском языке — язык нации.

4

Что же все-таки дает нам право говорить о китайском языке как национальном? Национальный язык это прежде всего тот общий язык, которым пользуется вся нация. Есть ли такой общий язык в Китае? Ведь так широко распространено представление, что в этой стране кантонец, например, не понимает пекинца, житель Нанкина жителя Шанхая и т. п. Всегда говорят о наличии в Китае местных диалектов, различие между многими из которых настолько велико, что оно исключает взаимное понимание. Столь сильное различие побуждает некоторых даже говорить не

о разных диалектах китайского языка, а о разных языках, принадлежащих, правда, к одной и той же семье, но все же особых.

Такой взгляд на современный китайский язык как на известную сумму различных, хотя и родственных, языков развивали: у нас — Е. Д. Поливанов, выпустивший в 1930 г., совместно с А. И. Ивановым, «Грамматику современного китайского языка», первую нашу — в принадлежащей Е. Д. Поливанову части — научную грамматику китайского языка [12], а на западе — шведский ученый Б. Карлгрен в его книге «Китайский язык», изданной в Стокгольме в 1945 г. и переизданной в Нью-Йорке в 1949 году[13].

Оба эти автора подчеркивают невозможность «перекрестного языкового общения» между представителями различных китайских диалектов и считают применимым к этим диалектам понятие отдельных языков. Рассматривая эти диалекты как результат распадения постулируемого ими китайского праязыка, они считают возможным процесс дифференциации этих языков приравнять к процессу образования новых европейских языков, подчеркивая, что различия между диалектами китайского языка якобы порой даже больше, чем, скажем, различия между итальянским и испанским языками.

Но если один диалект китайского языка отличается от другого так же, как итальянский от испанского, и даже больше, если речь пекинца отличается от речи кантонца так же, как речь немца от речи голландца, то что же это может означать иное, как не признание китайских диалектов по сути дела разными языками одной и той же языковой семьи?

Коротко рассмотрим этот вопрос.

Китай — страна с очень большим количеством местных, близких друг другу, диалектов, которые обычно объединяются в группы. Разные исследователи находят разное количество этих групп — от двенадцати до трех. Наиболее частым и, пожалуй, наиболее принятым делением является деление на четыре группы. Эти группы, кроме одной, именуются соответственно старой географической номенклатуре охватываемых ими районов: группа северных диалектов, охватывающих северный и в значительной мере центральный Китай; группа диалектов Минь, охватывающая лежащую на побережье против о. Тайвань провинцию Фуцзянь и южнее — часть Гуандунской провинции; группа диалектов У — района провинции Чжэцзян и части провинции Цзянсу и Аньхой; группа диалектов Юэ — района провинции Гуандун, части провинции Гуаньси и о. Хайнань. По численности населения, охватываемого этими группами, на первом месте стоит северная группа, к которой по языку принадлежит большинство китайского народа, за ней следует группа диалектов У, охватывающая около 40 миллионов человек, далее — группа диалектов Юэ — свыше 30 миллионов и, наконец, группа Минь — приблизительно с таким же количеством говорящих. Представителями диалектной системы каждой из этих групп являются: в северной — пекинский диалект; в группе Минь — фучжоуский, т. е. говор г. Фучжоу, столицы провинции Фуцзянь; в группе У — шанхайский; в группе Юэ — кантонский.

Следует, однако, сказать, что пекинский, фучжоуский, шанхайский и кантонский диалекты в ближайшем смысле являются говорами городов Пекина, Фучжоу, Шанхая и Кантона. Во всех перечисленных группах существуют и другие городские говоры. Не они представляют в данном случае для нас интерес. Наибольшую важность имеют те койнэ, общие диалекты, которые образовались в пределах каждой из этих групп. Имен-

---

[12] А. И. Иванов и Е. Д. Поливанов, Грамматика современного китайского языка, М., 1930.

[13] «The Chinese language», an essay on its nature and history by Bernhard Karlgren, New York.

но эти локальные койнэ и являются для упомянутых лингвистов кандидатами в отдельные языки китайской группы, образовавшейся якобы из диалектов, на которые за время своего длительного существования распался первоначально единый китайский язык. Получились, таким образом, как бы четыре «языка» — северный, миньский, юэ'ский и у'ский, которые будто бы можно назвать новыми китайскими языками.

С этими языками Китай, согласно Поливанову, и «вступил в новейшую фазу своей истории». Причиной этого послужили, по его мнению, «типичные для азиатских стран экономические формы — с преобладанием натурального хозяйства и определенными и устойчивыми путями товарообмена, создавшими устойчивое же районирование территории и населения». Эти экономические формы «никогда на всем протяжении китайской истории не могли быть твердой почвой для экономического и языкового объединения Китая, т. е. для создания единого разговорного языка (или диалекта)»[14]. В таком положении мы застаем, как думал Поливанов, Китай и сейчас.

В этом рассуждении причудливо перемешаны правильные наблюдения и соображения с неправильными выводами. Это стало нам ясным после замечаний И. В. Сталина о пути развития языков. Этот путь — от языка родового к языку племени, от языка племени к языку народности, от языка народности к языку нации. По мере формирования языка народности и национального языка моменты интеграции в языке приобретают все больший удельный вес и внутри языков идет все большая концентрация диалектов. Диалекты, конечно, появляются и имеют, несомненно, местный характер, но их появление означает не разрушение общего единства языка, а лишь его усложнение.

Правда, бывают случаи, когда диалекты развиваются в отдельные самостоятельные языки, но это, как указывает И. В. Сталин, возможно лишь при одном условии: при условии государственного распада народности, не успевшей стать нацией. Напомним эти слова И. В. Сталина: «Бывают и обратные процессы, когда единый язык народности, не ставшей еще нацией в силу отсутствия необходимых экономических условий развития, терпит крах вследствие государственного распада этой народности, а местные диалекты, не успевшие еще перемолоться в едином языке, — оживают и дают начало образованию отдельных самостоятельных языков»[15]. И. В. Сталин считает, что именно такой ход исторического процесса, возможно, и обусловил распад прежде единого монгольского языка на несколько ныне существующих отдельных языков.

Ничего похожего на историю монгольской народности в этом отношении не было в истории Китая. История китайского народа демонстрирует процесс не распада народности, а все большего и большего укрепления ее целостности. Если не уходить далеко в глубь тысячелетий, эта целостность в полной мере видна уже в период Ханьской империи, образовавшейся в III в. до н. э. Об этой целостности, о чувстве этой целостности, которым был проникнут китайский народ, красноречиво свидетельствует тот факт, что именно с Ханьской эпохой связано само название китайцев, принятое ими самими наименование себя как народности. Это наименование — «ханьжэнь», т. е. «ханьские люди», «ханьцы». И это единство никогда не нарушалось.

Могут сказать, что были же случаи государственного распада Китая, которые могли повлиять на единство китайской народности. Так, напри-

---

[14] Е. Д. Поливанов, Указ. раб., стр. 28.

[15] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951 г., стр. 44.

мер, в IV—VI вв. северной половиной Китая владели иноземные завоеватели — гунны, тибетцы, прочнее других и дольше других — сяньбийцы. Северная половина страны и в дальнейшем не раз оказывалась в руках завоевателей — киданей, чжурчженей. Но история этих завоеваний свидетельствует нам не о распаде китайской народности, а наоборот — о ее силе, ее целостности. Мы хорошо знаем, что от гуннов, сяньбийцев, киданей, чжурчженей не осталось и следа: они полностью растворились в китайской народности. Такая же участь постигла тех завоевателей, которым удавалось на время подчинить себе даже весь Китай. Это удалось сделать в XIII—XIV вв. монголам, в XVII—XIX вв. маньчжурам. Но монголы в Китае сохранились лишь в районе своего сплошного расселения, маньчжуры же полностью ассимилировались с китайским населением.

Таким образом, история со всей ясностью свидетельствует и о древности сформирования китайской народности и об исключительной целостности ее. Ни о каком распаде народности здесь не может быть и речи. Реальная картина диалектов и их взаимоотношения целиком подтверждают это общее положение.

Если мы обратимся к описанию четырех указанных главных диалектов или диалектных групп китайского языка, то сразу же заметим, что различия между ними идут главным образом по линии фонетики и касаются основных характерных особенностей слога, а именно его звукового состава и его голосовой мелодии, так называемого «тона». Так, для диалектов северной группы, например, пекинского, характерны отсутствие в слоге начальных b, d, g, dz[16], dź, возможность на конце слога только либо гласного, либо согласных n и ng, наличие четырех тонов; для диалектов группы Юэ, например, для кантонского, характерно отсутствие в слоге начальных b, d, g, возможность на конце слога m, p, t, k, наличие девяти тонов. По этим же линиям идут особенности и других диалектов. Во всех прочих отношениях особых расхождений между диалектами не отмечается. Некоторое исключение составляет лексика: в каждом диалекте существует известное число «своих» слов.

Но разве одних только фонетических различий достаточно для объявления диалектов особыми языками — хотя бы и в пределах одной лингвистической семьи? При всей явственной принадлежности языков немецкого и голландского к общей группе германских языков, все же и тот и другой язык являются самостоятельными не только потому, что между ними есть различия в фонетической системе, но и потому, что есть различия и в грамматике. Между диалектами же китайского языка различий ни в области морфологии, ни в области синтаксиса не отмечается. Что же дает право считать их чем-то большим, чем диалекты одного языка?

Но помимо этого существует одно явление, которое делает еще менее возможной оценку упомянутых диалектов как отдельных языков,— это отсутствие резких границ между ними. Приведем лишь один пример.

Помимо приведенного выше деления диалектов китайского языка на четыре группы, существует другое довольно распространенное деление на три группы: северную, центральную и южную. Территориально северная группа этого тройного деления совпадает с северной группой четверного деления; центральная группа совпадает с группой У; что же касается южной группы, то она слагается из диалектов группы Минь и группы Юэ.

Каждая группа имеет свои общие особенности, на основании которых и сведены воедино различные отдельные наречия и говоры этой группы.

---

[16] В силу некоторых особенностей произношения p, t, g, которые стоят в начале слога, в русской практической транскрипции принято писать все же б, д, г.

Эти особенности являются вместе с тем и признаками локального койнэ, т. е. общего диалекта данной группы. Если же взять отдельные диалекты этой группы, то окажется, что каждый из них обладает своими особенностями. Так, например, если мы возьмем центральную группу, то как в шанхайском говоре, входящем в ее состав, так и в общей системе центральных диалектов, так и в локальном койнэ этой группы, наблюдается восемь тонов, но в говоре города Нинбо, относящемся к этой же системе, двух последних тонов (так называемых верхнего и нижнего «входящего» тона) нет, а этим самым говор Нинбо сближается с системой северных диалектов, для которых как раз и характерно отсутствие этого «входящего» тона. Нет «входящего» тона и в говоре города Вэньчжоу, в целом принадлежащего к этой же системе центральных диалектов. Наличие «входящего» тона в других наречиях и говорах этой системы сближает их с системой южных диалектов, в частности, с кантонским говором. Ki и kü в начале слога в центральной группе наблюдается только в южных ее районах, в северных же на их месте стоят chi и chü. Но начальное ki и kü являются характерным признаком южных диалектов, а chi и chü, северных. Таким образом, изучая отдельные наречия и говоры центральной группы, мы видим, что на севере эти наречия сближаются с группой северных диалектов, на юге — с группой южных диалектов. Поэтому, если, скажем, пекинец стал бы проходить всю эту центральную полосу с севера на юг, он не почувствовал бы резко ощутимой границы между своим диалектом и системой центральных диалектов; он, так сказать, входил бы в эту систему постепенно. Такая взаимопроницаемость соседних диалектов и составляет характерную черту общекитайской диалектной системы. А эта взаимопроницаемость создает условия для взаимного понимания, для перекрестного общения. В каждой диалектной зоне есть диалекты, сближающие ее с элементами соседних зон. Конечно, если взять крайние звенья всей цепи, например, говор Пекина, с одной стороны, и говор Кантона — с другой, то расхождения тут окажутся действительно очень ощутимыми и взаимное понимание — при условии, если пекинец будет говорить точно на своем говоре, а кантонец на своем,— будет затруднительно. Но это обстоятельство не делает пекинский и кантонский говоры разными языками. Ведь не делает же весьма ощутимое различие между берлинским наречием и баварским эти два наречия особыми языками; это все же только диалекты одного немецкого языка.

Что происходит с диалектами в Китае в наше время?

И. В. Сталин, говоря о судьбах диалектов в общем процессе развития единого языка, употребил выразительное и колоритное слово: «перемолоться». Этим словом он охарактеризовал процесс вливания диалектов в единый общий язык. Именно о таком процессе интенсивного перемалывания диалектов в едином языке и можно говорить в приложении к языковой действительности, наблюдаемой в Китае в последние десятилетия.

Конечно, перемалывание диалектов в едином языке началось в Китае давно. Оно началось еще тогда, когда в Китае не могло быть речи о нации, когда китайский язык был языком народности. Как мы упоминали раньше, в последнюю фазу феодализма в Китае, в эпоху Циньской империи, т. е. в XVII—XIX вв., уже создались общие условия для постепенного развития китайской народности в нацию. Эти условия стали еще более широкими после революции 1911 г. Но, как было отмечено выше, лишь после «движения 4 Мая» 1919 г. процесс консолидации китайского народа, а следовательно, и процесс образования нации, можно считать законченным. Тем самым упрочены и позиции китайского языка как языка национального. Нам представляется, что именно эта развернувшаяся после 1919 г. на-

ционально-освободительная борьба и создала условия для интенсивного перемалывания диалектов в едином языке, поскольку она всколыхнула огромные народные массы. В этой борьбе бок о бок участвовали представители самых различных районов Китая, следовательно, носители самых различных диалектов. В Народно-освободительной армии рядом сражались пекинец и кантонец, уроженец Амоя и житель дальней провинции Ганьсу. Этот все увеличивающийся в численности состав Народно-освободительной армии превратил ее в своего рода гигантскую мельницу, в которой действительно как бы перемалывались различные диалекты. Следует во всей полноте учитывать, что эта армия была не только армией: она была вместе с тем и гигантской школой политической и культурной учебы. Коммунистическая партия Китая, руководившая этой армией, создала в ней огромный культурно-просветительный и политико-воспитательный аппарат. Армия воевала и вместе с тем училась. И это совместное политическое воспитание, эта совместная учеба, наконец, совместное усвоение грамотности — далеко не последнее в этой учебе, если учитывать неграмотность крестьянских масс, составлявших наибольшую часть армии,— все это во много раз повышало значение этой армии как гигантской мельницы, перемалывавшей диалекты. Нам хорошо известно, что в этой армии существовали многочисленные бригады самодеятельности, театральные коллективы. Эти бригады и коллективы, во время похода задерживаясь в каком-либо месте, тут же создавали пьесы на самую злободневную для этого места тему, смотреть которые шли не только бойцы, но и местное население, местное крестьянство, т. е. носители различных местных диалектов. Еще далеко не оценена роль этих бесчисленных коллективов и бригад, своей повседневной работой сплачивавших и бойцов и местное население не только на почве идей, воодушевлявших революционную борьбу китайского народа, но и на почве единого языка.

То, что происходило в армии, по-своему воспроизводилось в районах, уже освобожденных, в местах, где утверждалась народная власть. Там немедленно принимались за ликвидацию неграмотности, за политическое просвещение. Эта работа, также принимавшая все бóльшие масштабы, со своей стороны укрепляла почву для перемалывания диалектов в едином языке нации.

И. В. Сталин сказал не просто о перемалывании диалектов, но о перемалывании их в едином языке. Наличие общего языка является необходимой основой такой переработки диалектов. Это — центральная мысль сталинского учения о конечных судьбах диалектов. Был ли, есть ли в Китае такой общий язык?

И был и есть. Его видели уже те синологи, которые склонны признавать диалекты китайского языка особыми языками. А еще раньше этих синологов его практически узнали европейцы, попавшие в Китай и начавшие сношения с ними. Первыми из этих европейцев были португальцы, добравшиеся до Китая еще в XVI в. Они нашли в нем язык, при помощи которого они легче всего могли общаться с населением. Они узнали, что китайцы называют этот общий язык «гуаньхуа», «чиновническим языком»; поскольку же они сами называли китайских чиновников «мандаринами», они и стали называть этот язык «мандаринским». Под таким названием он и вошел в европейскую синологию.

Позднее выяснилось, что мандаринский язык не един, что в нем есть три разновидности — пекинская, нанкинская и западная, иначе северномандаринское (пекинское) наречие, южномандаринское (нанкинское) и западномандаринское (северо-западный Китай — от Ханькоу до провинции Ганьсу).

Почти в каждой работе по китайскому языку можно встретить более

или менее обстоятельное описание различий между этими тремя разновидностями гуаньхуа. Различия эти в основном следующие.

В пекинском гуаньхуа — четыре тона, причем среди них нет «входящего»; на конце слога возможны только два согласных — n и ng; в начале слога, там, где в других гуаньхуа слышны h и k, в пекинском мы находим либо s, либо ts, либо ch.

В нанкинском гуаньхуа — пять тонов, в том числе и «входящий»; на конце слога после a и i—в нем стоит ng, там, где в других гуаньхуа стоит n.

В западном гуаньхуа — четыре тона, причем во всех случаях, где в других гуаньхуа наличествует так называемый «уходящий» тон, в западномандаринском появляется «входящий» тон; на конце слога после i всегда n, а не ng; там, где в других гуаньхуа перед i стоят h или k, в западном гуаньхуа стоят s или ts, как в пекинском.

Из этого перечисления важнейших различий между тремя видами гуаньхуа можно вывести два заключения: во-первых, что различия между отдельными видами гуаньхуа идут по той же линии, что и различия между диалектами, т. е. по линии фонетики; во-вторых, что эти различия в некоторой части совпадают с признаками тех диалектных систем, на территории которых тот или иной гуаньхуа действует, но в значительной части не совпадают с ними. Так, например, нанкинский гуаньхуа распространен на территории центральной группы диалектов, но для гуаньхуа этой территории всюду характерны пять тонов и наличие на конце слога после a и i согласного ng; для всей же системы диалектов этой территории характерна именно пестрота признаков: число тонов в разных местах колеблется между пятью и восемью; начальный k перед i и ü в одних местах удерживается, в других заменяется ch и т. д. Таким образом, в нанкинском гуаньхуа нельзя видеть какой-то новый диалект общей системы диалектов этого района; вся совокупность признаков и — главное — однообразие на всей территории этой диалектной системы делают этот гуаньхуа явлением наддиалектным. Еще более ясно выраженный наддиалектный характер носит пекинский гуаньхуа, или северномандаринский, который в одном и том же облике проходит по обширнейшей территории всего северного Китая, т. е. во всех провинциях к северу от р. Янцзы, а также по обширным территориям на западе и на юге — в провинциях Сычуань, Гуйчжоу, части Гуанси и даже в самой южной, пограничной с Бирмой, провинции Китая — Юньнань. Иначе говоря, этот северномандаринский гуаньхуа охватывает огромную территорию с самыми разнообразными диалектами. Поэтому, когда европейцы, познакомившись с языковой действительностью Китая, сочли гуаньхуа, и в первую очередь именно пекинский гуаньхуа, общим языком Китая, они были правы.

Знал этот пекинский, или северный, гуаньхуа и Поливанов и вполне оценивал его общекитайское значение. Однако он внес в его характеристику одну черту, которая сделала его оценку неверной: он считал, что пекинский говор, легший в основу северного гуаньхуа, был языком столичной интеллигенции и бюрократии, а это означало, что основной общекитайский язык был, как он говорит, «социально-групповым диалектом».

Мы теперь знаем, что «люди, отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку. Они стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения. Особенно отличаются в этом отношении верхушечные слои имущих классов, оторвавшиеся от народа и ненавидящие его: дворянская аристократия, верхние слои буржуазии. Создаются „классовые“ диалекты, жаргоны, салонные „языки“» [17].

---

[17] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 13.

Конечно, на гуаньхуа говорила пекинская столичная интеллигенция и чиновничество; можно было сказать просто чиновничество, потому что в феодальном Китае до самой революции 1911 г. подавляющее большинство интеллигенции было именно чиновничьей. Это чиновничество, в своей массе состоявшее из представителей слоя мелких помещиков, зачастую владевших лишь небольшим клочком земли, обслуживало огромный, разветвленный аппарат управления. Оно формировалось при этом из уроженцев самых различных частей страны — от Пекина до Юньнани, от Шанхая до Чэнду. По своему составу оно было, можно сказать, всекитайским. Уроженцы разных районов у себя дома были носителями своих местных диалектов, но прохождение единой и длительной системы образования, чиновнической подготовки, с завершающими эту подготовку государственными экзаменами в Пекине, прививало им пекинский говор, который и заслонял собой их родной диалект. Этот говор они разносили затем во все концы обширной страны — и как язык их собственного обихода, и как язык правительственных учреждений, и как язык их общения с населением. Тем самым гуаньхуа являлся уже не социально-групповым диалектом, а подлинно общекитайским разговорным языком. Это отнюдь не означало распространения социально-группового диалекта в языковом обиходе народных масс, как это можно было бы подумать; это означало обратное: победу одного из местных диалектов — пекинского — в процессе его широкого общего употребления. Чиновничество не создавало общекитайский язык, а только содействовало его распространению. Становится понятным, почему пекинский гуаньхуа можно было встретить и на севере — в Мукдене, и на далеком юге — в провинции Юньнань.

Именно на эту сторону и следует обратить главное внимание и понять самое основное в этом вопросе: мандаринский язык времен Циньской империи был пекинским диалектом в широком территориальном смысле, но это был вместе с тем тот местный диалект, который в возможных для феодальной страны пределах стал языком общекитайским, притом именно языком разговорным. Это был тот диалект, который составил основу китайского национального языка в силу того, что именно Пекин был центром китайской государственной жизни и культуры еще со времен монгольского завоевания, т. е. с XIII в. Поливанов отмечает и это, говоря, что в новейшую фазу истории Китая «уже ставится вопрос о господствующем разговорном диалекте», причем тут же указывает, что «в качестве такового намечается естественно пекинский говор, который стал выдвигаться из прочих северных говоров уже с эпохи монгольской династии»[18]. В этом месте Поливанов ошибся только в одном: вопрос о господствующем разговорном диалекте в первые десятилетия XX в. не ставился, как он думает, а был уже историей решен, и притом в пользу пекинского диалекта.

Предрешен же он был давно. Об этом ярко свидетельствуют наиболее близкие к разговорному языку памятники китайской повествовательной литературы. Мы знаем, что уже с XIII—XIV вв. эта повествовательная литература фиксирует именно северный диалект, а именно эта литература была для феодального Китая наиболее массовой. Сложившаяся в городах и распространявшаяся прежде всего среди городского населения, она в своих истоках, своим материалом была тесно связана с фольклором, с народными сказками, историческими сказаниями, бытовыми рассказами. Огромную роль в распространении этой литературы в условиях неграмотности большинства населения играли «шошуды», многочисленные и популярные в Китае профессиональные рассказчики, выступавшие и в городах и в деревнях и в той или иной мере разносившие по всему Китаю этот

[18] Е. Д. Поливанов, Указ. раб., стр. 24.

северный диалект. В этом случае выступал уже не «социально-групповой диалект», а именно «койнэ массовой значимости» с его общенародной основой — северномандаринским наречием. Это проявилось и в исчезновении самого названия «гуаньхуа»: в новейшее время вместо него появилось наименование «путунхуа» («обыкновенный, общий язык»); термин же «гуаньхуа» некоторое время продолжал оставаться в европейских учебниках китайского языка, но в последнее время он исчез и оттуда. Укрепились и ставшие характерными для путунхуа общие признаки. Одним из таких признаков было, например, число тонов. В пекинском диалектном первоисточнике общего языка, как указано выше, было четыре тона; в путунхуа, выросшем из этого же источника, фактически осталось только три тона («верхний ровный», «нижний ровный» и «уходящий»). Именно в общеразговорном языке на этапе путунхуа и стала бурно развиваться та новая лексика, которая понадобилась китайскому языку в эпоху ликвидации феодализма, в годы борьбы за национальную свободу, в период строительства новой культуры.

Наступил, наконец, решающий момент в истории китайского национального языка — момент окончательного укрепления его позиции, момент приобретения им подлинно национального значения. Этот момент связан с не раз уже упоминавшимся «движением 4 Мая» 1919 года.

Ближайшим образом дело тут связано с литературой. С конца XIX в. в Китай, как это отметил Мао Цзэ-дун в приведенных выше словах, стали проникать западные науки, западное образование, западная литература. После падения маньчжурской династии, а с нею и режима империи, проникновение всего этого пошло неудержимым потоком. Все более и более расширялся слой населения, получавший новое образование, знавший то, что знал любой образованный человек в культурных странах Запада. На этой же общей почве стали возникать и новая китайская наука, техника, новое искусство. Не могла оставаться прежней и литература. Как ни замечательна была старая китайская художественная литература, она была все же слишком связана с прошлым, чтобы удовлетворять нового человека. Короче говоря, на очереди стояло создание новой литературы того же типа, какой она была в это время на Западе, какой она с 80-х годов прошлого века успела стать и в соседней Японии.

Великая Октябрьская социалистическая революция и тут решительно ускорила этот процесс. Как было обрисовано выше, она способствовала появлению в Китае широкого демократического движения, она призвала к деятельности наиболее передовые элементы китайского общества, переместила центр внимания с идей буржуазной демократии на идеи социализма и коммунизма. В Китай вступила и русская литература, появился в переводах Горький. Все это форсировало перестройку и литературы.

Сначала это выразилось в очень решительных формах: была провозглашена «литературная революция». Этот лозунг был выброшен в 1918 г. несколькими представителями европейски образованной интеллигенции — учеными, публицистами, общественными деятелями — и означал тогда призыв к отказу от старой литературы, как «аристократической», «отрешенной от жизни», «литературы классицизма», и к переходу к литературе «народной», «общественно-проблемной», «литературе реализма». Однако наиболее острым оказался вопрос о языке литературы. Если вообще надобно было бы доказывать неотделимость литературы как таковой от языка, доказывать, что любая проблема литературы есть вместе с тем и проблема языка, для этого достаточно было бы только изучить процесс создания новой литературы в Китае, а в равной мере и в Японии. Главное было — к а к писать, к а к и м я з ы к о м, потому что, каким языком писать, означало вместе с тем для того времени и что писать. Поэтому

сразу же было провозглашено: писать следует на «байхуа». Так вошло в жизнь и стало играть огромную роль это слово.

Что такое «байхуа»? Буквально это — «простой язык». Но для китайца этим названием обозначалось тогда нечто противоположное другому термину: «вэньянь». «Вэньянь» значит буквально «литературный язык». Следовательно, литературному языку в литературе был противопоставлен простой язык. Тут следует иметь в виду, что «литературным языком» (вэньянь) в феодальном Китае считали лишь язык старой литературы — философских, исторических, публицистических и поэтических произведений, только и признаваемых «литературой» образованными слоями феодального общества. Это был язык книжный, письменный, противостоявший разговорному языку, носившему наименование «сухуа» («просторечие»), на котором писались произведения для «простого народа» — романы, повести. Такое расхождение между разговорным и литературным языком отнюдь не было в Китае постоянным, но во всяком случае так оно было в период Циньской империи. Ревнители новой литературы восстали против этого консервативного, канонизированного во всех своих чертах старого литературного языка и противопоставили ему «простой язык» (байхуа), который представлял собой все тот же «общий язык» (путунхуа), а еще раньше — «мандаринский язык» (гуаньхуа), иначе говоря — национальный язык китайского народа.

Новое название появилось отчасти потому, что оно отражало новую фазу в укреплении и развитии общенародного языка, главным же образом потому, что оно терминологически противостояло термину «вэньянь»: корень этого слова — «вэнь» означает «узор», «украшение»; корень слова «байхуа» — «бай» означает «белый», «простой». Термином «байхуа» «разукрашенному» языку старой литературы противопоставлялся «белый» язык. Этот «белый», что одновременно означает и «простой», язык и стал языком новой китайской литературы, т. е. новым современным литературным языком Китая. А это означало не только то, что национальный язык овладел одним из самых важных участков языкового развития — художественной литературой, но и то, что он окончательно утвердился в своем общенациональном качестве. При этом дело не ограничилось только художественной литературой: на этом языке стали писать и публицистические статьи и научные работы; он проник даже в последнюю цитадель старого литературного языка — в поэзию.

Следует сказать, однако, что такая победа была одержана только благодаря «движению 4 Мая». Это движение было подробно охарактеризовано выше, почему мы дополнительно укажем здесь только на то, что по своему содержанию оно было поистине всеобъемлющим: его участники боролись и за национальную свободу, и за демократический режим, и за новое просвещение, и за новую литературу, и за новый язык. Во главе борьбы за новую литературу встал тот писатель, который так любил Горького, который переводил «Мертвые души», которого чтут в народном Китае как основоположника новой литературы, ее классика, которого хорошо знают по многочисленным переводам и в Советском Союзе,— Лу Синь.

Именно этот переход дела обновления литературы в руки передовых писателей с Лу Синем во главе и показал, что «новый» язык байхуа есть продолжение все того же старого общекитайского языка.

При всяком крутом повороте путей развития литературы руководителям этого поворота необходимо понять — от чего им следует оттолкнуться в прошлом и на что в нем, наоборот, опереться. Глашатаи литературной революции отталкивались от старой литературы, распространенной в феодальном Китае в среде господствующего класса и его интеллигенции,

целиком пропитанной старым мировоззрением. Это отталкивание восприняли и деятели «движения 4 Мая». И они поступили правильно. Мао Цзэ-дун в свое время в одной из своих речей (8 февраля 1942 г.) говорил:

«Во время «движения 4 Мая» новые люди выступили против литературы на литературном языке (вэньянь) и провозгласили литературу на простом языке (байхуа); этим самым они выступили против старых догматов и провозгласили науку и демократию...».

«В то время это движение было жизненным и действенным, передовым и революционным. Правящий класс того времени был воспитан в конфуцианских доктринах, придерживался старых конфуцианских догматов и преследовал убеждения народа; писатели этого класса употребляли литературный язык (вэньянь). Все сочинения и все образование правящего класса того времени и его прислужников по своему содержанию и форме были основаны на канонах старой схоластической схемы, были догматическими. При этом это была старая схоластическая схематика, старые догмы...»

«Народ выступил против этой схоластической схематики, против этих старых догм, и это было величайшей заслугой «движения 4 Мая»[19].

В поисках опоры новые писатели, и прежде всего Лу Синь, обратились не к той литературе, которая существовала для господствующего класса, а к народной литературе прошлого — рассказам, повестям, романам, написанным на живом разговорном языке. Лу Синь, например, стал изучать эту старую народную литературу, изучать и как писатель и как исследователь. В 1930 г. вышла в свет его «Краткая история китайской повествовательной литературы». Это было ново для Китая. В Китае давно и много занимались своей родной литературой; литературоведение в Китае насчитывает большее число лет, чем где бы то ни было в другой стране. Но в феодальном Китае изучалась именно упомянутая выше «высокая» литература, особенно поэзия; изучать «низшие» жанры — роман, рассказ — не полагалось. Разве могла эта «плебейская» литература, даже не заслуживающая того, чтобы именоваться литературой, быть достойной внимания «высокообразованного» конфуцианца?

Но именно в этой «плебейской» литературе и било ключом подлинно живое творчество, именно в ней развивался живой язык. Это был разговорный язык китайского народа. Лу Синь, начав изучать эту народную литературу, не мог поступить лучше, и китайское литературоведение обязано ему открытием целой новой, огромной по значению области исследования.

Так была протянута прямая линия от старого общекитайского языка к новому — байхуа, простому языку. На этапе этого «простого языка» и завершилось развитие языка китайской народности в язык нации.

Китайцы это поняли. Они стали называть в дальнейшем этот язык словом «гоюй», что и значит буквально «национальный (государственный) язык». Соединение в одном слове понятий «национальный» и «государственный» было естественно: язык нации есть тем самым язык государства, созданного этой нацией. Таким образом, гуаньхуа («чиновнический язык»), путунхуа («обыкновенный, или общий, язык»), байхуа («белый, т. е. простой, язык») и, наконец, гоюй («национальный язык») — все это обозначения одной и той же линии развития китайского общенародного языка; различие этих обозначений фиксирует последовательные фазы этого развития и отражает осознание этих фаз создателями и носителями языка.

Как мы уже указывали, китайский национальный язык развился на базе пекинского диалекта. Но на этом, пока последнем для нас, этапе

---

[19] Мао Цзэ-дун, Избр. раб., 1948, стр. 956.

своей истории его база несколько расширилась: в него оказались включенными некоторые наиболее распространенные слова и обороты из других важнейших диалектов. Иначе говоря, в нем нашла свое выражение и известная концентрация диалектов.

Некоторую роль в окончательном оформлении китайского национального языка сыграли и европейские языки.

Выше мы не случайно процитировали те слова Мао Цзэ-дуна, в которых он упоминает о проникновении в Китай в свое время классической политической экономии, общественных идей французских буржуазных просветителей, эволюционной теории и т. д. Все это стало известным китайцам в оригиналах; китайская интеллигенция стала широко изучать иностранные языки, чтобы иметь к этим оригиналам доступ. В дальнейшем, как указывает Мао Цзэ-дун, помимо буржуазной науки и образованности, в Китае стали распространяться наука и образованность, идущие из страны социализма — Советской России. В результате эти новые идеи — науки и техники, естествознания и обществоведения, искусства и философии — широко вошли в обиход, превратились в орудия строительства новой культуры. Язык должен был обслужить все эти запросы, и естественно, что в нем стали появляться слова и некоторые обороты, возникшие под влиянием изучаемой иностранной литературы.

Этот процесс сильнее всего проявился в переводах. Переводить приходилось все — и учебники физики и сочинения по эстетике. Появилась огромная переводная литература, в том числе и художественная. Мы опять-таки не случайно упомянули о том, что Лу Синь переводил «Мертвые души», переводил Горького; он вообще перевел много произведений иностранной литературы. Через эти переводы китайских переводчиков и проникали в китайский язык новые слова и обороты.

Нельзя игнорировать эту тренировку языка на переводах, нельзя упускать из виду влияние иностранных языков, при помощи которых китайский народ на первых порах усваивал новую науку, технику, философию, литературу. Нужно в полной мере оценить, какое огромное значение для китайского языка имела работа по переводам сочинений В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Таков последний для нас, т. е. нынешний, облик китайского национального языка. Лучшие образцы его в художественной литературе рисуются нам в произведениях Лу Синя, в научной и публицистической литературе — в произведениях Мао Цзэ-дуна.

5

Каков же этот язык — современный китайский язык, национальный язык китайского народа по своему строю? Выше мы указали, что Н. Я. Марр считал его моносиллабическим и аморфным, почему и поместил его в число языков «системы первичного периода». Следует заметить, однако, что Н. Я. Марр всего лишь взял ту характеристику, которая была в его время, так сказать, «общим местом» для языкознания.

Можно указать, что именно такая характеристика китайского языка дается в книге Финка — популярном справочнике начала XX в. [20] Там сказано: «Китайские слова, если и не все без исключения, то во всяком случае в своей значительно большей части, состоят из одного единственного слога; отношения между этими словами в предложении обозначаются не посредством им самим присущих показателей, а в первую очередь посредством определенных правил порядка слов и только во вторую очередь посредством добавления слов, которые утратили свое первоначальное значе-

[20] F. N. Fink, Die Haupttypen des Sprachbaus, Leipzig, 1910.

ние настолько, что стали употребляться в формальных целях почти так же, как так называемые служебные слова у нас» [21]. Поясняя, что он имеет в виду, говоря об исключениях из общего правила моносиллабичности слов, Финк приводит слова *баба* «папа», *мама* «мама», *найнай* «молоко», *хама* «лягушка», *хахар* «хохот» и т. п.[22] Как он сам указывает, эти слова — особого рода: часть из них идет из детского языка, часть — звукоподражательного происхождения. Поскольку такие слова не занимают сколько-нибудь существенного места в словаре языка, автор и считает, что слова китайского языка вообще состоят из одного слога.

На книжку Финка, несмотря на ее давность, сочувственно ссылается и Карлгрен в предисловии к английскому изданию упомянутой выше книги о китайском языке, ссылается потому, что сам считает, что «китайский язык моносиллабичен, т. е. каждое отдельное (не составное) слово представляет одно целое, не подвергающееся изменениям путем флексии или изменений корня, зависящим от соотношения этого слова с другими словами в предложении».

И для Финка в 1910 г. и для Карлгрена в 1949 г. слова китайского языка моносиллабичны и аморфны. Согласиться с этим мы не можем.

Рассмотрим сначала вопрос о моносиллабичности китайского слова.

Допустим, что в каком-либо языке все слова состоят из одного слога. Ясно, что слов в таком языке будет столько же, сколько в нем слогов; а если и больше, то за счет развития омонимов. Известно, что в пекинском диалекте 420 слогов. Поскольку пекинский диалект лег в основу национального языка, выходит, что в китайском языке 420 слов плюс некоторое количество омонимов, которых особенно много быть не может. Допустить такое положение явно невозможно.

Может быть, дело поправят так называемые тоны? О них много написано в китайской языковедной литературе; большое внимание уделяют им и европейские исследователи китайского языка.

Наиболее распространенное представление о тонах — о причинах их возникновения и их сущности — отражает тот же Карлгрен.

Карлгрен видит бедность слогового состава китайского языка. «Если взглянуть на звуковой состав,— пишет он,— то мы найдем, что современный мандаринский язык исключительно прост и его звуковой запас скуден... Впрочем, этот скудный запас звуков обогащен тем, что каждое слово имеет свое так называемое музыкальное ударение, свою особую мелодию, которая представляет одну из составных частей слова и так же важна, как гласные и согласные» [23]. «Музыкальное ударение», «особая мелодия» и есть то, что обычно именуют «тоном». Карлгрен тут же употребляет это слово, указывая, что в пекинском существует четыре тона.

Коротко опишем, как обычно характеризуют эти тоны.

Тон — это голосовая мелодия. Слог может быть произнесен с разной мелодией. Она может быть ровной; это будет первый тон, «первый ровный тон», как он зовется в фонетике, разработанной самими китайцами. Мелодия может быть ровной, но с некоторым повышением к концу; это будет второй тон, «второй ровный тон», как его называют китайцы. Мелодия может повышаться с самого же начала слога, т. е. идти как бы сразу же снизу вверх; это будет третий тон, «восходящий», по китайской номенклатуре. Мелодия может как бы сразу падать сверху вниз; это будет четвертый тон, «уходящий».

В синологической литературе существует немало попыток дать пред-

---

[21] Fink, Указ. раб., стр. 12.
[22] Там же, стр. 18—19.
[23] Karlgren, Указ. раб., стр. 8.

ставление о таких изменениях голосовой мелодии на фактах произношения слов в европейских языках. Среди них пользуется популярностью попытка Арендта, автора немецкого учебника китайского языка, по которому училось немало поколений не только одних немецких китаистов. Арендт считает, что нечто похожее на указанные четыре тона слышится в произношении немецкого слова so «так» в следующих четырех фразах: 1) Du musst es so machen. «Ты должен так сделать», 2) Meinst du es so? «Ты думаешь так?», 3) So? «Так»?, 4) Nein, so! «Нет, так!»[24]

Карлгрен, как и Арендт, считает тоны смыслоразличительным средством. Слова могут быть, как он полагает, тождественны по своему звуковому составу, но различны по тону, что и делает их различными с чисто фонетической стороны, а вслед за этим и со смысловой. Такого рода явления Карлгрен находит и в родном для него шведском языке и приводит в качестве примера такие слова, как gîfted «яд» и gifted «брак»; нельзя в шведском языке эти слова спутать, так же как нельзя смешать китайские *чжу* [1] «свинья», *чжу* [2] «бамбук», *чжу* [3] «хозяин», *чжу* [4] «проживать». Для китайца это все различные слова — не только по смыслу, но и по звучанию: каждое из них другого тона [25].

Смыслоразличительным средством считает тоны и Поливанов. Для него тон связан «исключительно с такого рода лексическими (словарными) различиями понятий, как, например, *ши* [1] «терять», *ши* [2] «десять», *ши* [3] «история», *ши* [4] «дело» [26].

Если это так, если различие тонов при одном и том же звуковом составе означает различие слов и по смыслу, то количество слов в китайском языке повышается. При учете одного только звукового состава слова, придется сказать, что в китайском языке 420 слов. Если принять во внимание различные тоны, их окажется в четыре раза больше. На деле этого, однако, нет: не всякий звуковой состав может произноситься на четыре разных тона. Поэтому подсчитано, что с учетом различий в тонах в мандаринском языке всего 1380 слогов, что при признании моносиллабичности китайских слов — означает 1380 слов для всего китайского языка с дополнением некоторого количества омонимов. Разумеется, и это допустить невозможно.

Выход может быть только один: допустить, что положение об односложности китайского слова — неверно. Если допустить, что в китайском языке есть и многосложные слова, количество слов в нем может быть во всяком случае не меньше, чем в любом высокоразвитом языке. Так оно на деле и есть: положение об односложности слова в современном китайском языке просто неверно.

Возьмем в качестве примера два места из хорошо известной у нас по изданному русскому переводу философской работы Мао Цзэ-дуна «О практике».

Первое место в переводе значит следующее:

«Для непосредственного познания тех или других вещей необходимо личное участие в практической борьбе, связанной с изменением действительности, с изменением тех или других вещей...»[27]

Даем китайский текст с подстановкой русских слов, соответствующих китайским, сохраняя при этом и соответствие частей речи и грамматической формы, где такое соответствие имеется:

---

[24] Arendt, Handbuch der Nordchinesischen Umgangssprache, Stuttgart, 1891, стр. 47.

[25] Karlgren, Указ. раб., стр. 8. Цифры над *чжу* указывают номер тона.

[26] Е. Д. Поливанов, Указ. раб., стр. 192.

[27] Мао Цзэ-дун, Относительно практики, перевод с китайского проф. Н. Федоренко, Госполитиздат, 1950, стр. 10.

жуго яо чжицзеды жэньши моучжун хо моусе
если хотеть непосредственно познать некие или некоторые
шиу, бянь чжи ю циньшэнь цанцзя юй бяньгэ сяньши
вещи, то только есть личный участие в изменение действительность
бяньгэ моучжун хо моусе шиуды шицзяньды доучжэн чжун.
изменение некие или некоторые вещей практический борьба в

Второе место:

«В нынешнюю эпоху общественного развития на плечи пролетариата и его политической партии исторически возложена ответственность за правильное познание и преобразование мира» [28]:

шэхуйды фачжань даола цзиньтяньды шидай; чжэнцюэды
общественный развитие достигло нынешней эпоха; правильно
жэньши шидзе хэ гайцзао шидзеды цзэжэнь ицзинь
познать мир и преобразовать мира ответственность уже
лишиды ло цзай учаньцвэцзи цзи ци чжэнданды
исторически падать на пролетариат и он политическая партия
цзянь шан.
плечо на.

В этих двух отрывках встречаются слова односложные, двухсложные, трехсложные и четырехсложные. Добавим к этому, что существуют и пятисложные слова, как, например, *дигочжу'ичжэ* «империалист». При этом многосложность отнюдь не является признаком какой-нибудь грамматической формы; например, многосложным может быть слово и в словарной форме и в форме родительного падежа: *шицзе* «мир», *шидзеды* «мира». Количество слогов не имеет отношения и к принадлежности слова к той или иной лексической категории: односложными могут быть и глаголы (*ло* «падать»), и предлоги (*юй* «в»), и союзы (*хэ* «и»), и существительные (*цзянь* «плечо»); двухсложными могут быть существительные (*шицзе* «мир»), союзы (*жуго* «если»), глаголы (*жэньши* «познавать») и т. д. Таким образом, односложность китайского слова из числа его обязательных признаков следует решительно исключить.

Однако западноевропейские синологи с необыкновенным упорством держатся за концепцию односложности китайского слова. Так Габеленц считал возможным видеть в них только composita, т. е. явление, не нарушающее общий принцип односложности [29]. Эта точка зрения стала с тех пор господствующей. Она не подверглась ревизии и у Карлгрена. Правда, он, как и Габеленц, отмечает наличие composita. Более того, он допускает двухсложные слова и не типа composita: это — слова типа *пиба* «лютня», которые он отказывается разбить на части, а также слова звукоподражательные. На эти исключения Карлгрен указал еще в 1917 г.[30]. Но эти исключения немногочисленны, и сами слова не характерны для основного словарного фонда китайского языка. Поэтому Карлгрен и сохраняет концепцию моносиллабичности как основной характеристики китайского слова. В общем на таких же позициях стоят и другие западноевропейские синологи — Краузе, Финк, Мюлли, Арендт, Куран, Виссиер и др.

Следует все же сказать, что явное столкновение их точки зрения с языковой действительностью заставляет их делать всевозможные оговорки, в том или ином освещении фактически допускающие нарушение принципа

[28] Мао Цзэ-дун, Относительно практики, стр. 10.
[29] G. v. Gabelentz, Anfangsgründe der chinesischen Grammatik, Leipzig, 1883, § 2 и § 180.
[30] Karlgren, A mandarin phonetic reader in the Pekinese dialect, Upsala, 1917, стр. 38—39.

моносиллабичности; однако эти оговорки не нарушают для них принципа моносиллабичности как основного закона китайского слова.

Синология в нашей стране давно уже по-иному расценивает строй китайского языка. Акад. В. М. Алексеев еще в 1910 г., когда он — тогда еще в качестве приват-доцента — начал читать в Петербургском университете курс фонетики китайского языка, давал реальную картину строя китайского языка, имеющего и односложные и многосложные слова. Ученик Л. В. Щербы А. А. Драгунов, к которому впоследствии перешел этот курс, всецело продолжал и развивал дальше эту линию, что особенно сказалось при выработке в конце 20-х и начале 30-х годов — при основном участии А. А. Драгунова — фонетического письма для китайского языка. Отрицал моносиллабичность китайского языка и Е. Д. Поливанов, шедший к решению этого вопроса иными путями, на основе воспринятого им от своего учителя Л. В. Щербы стремления ориентироваться на живой язык. В указанной «Грамматике современного китайского языка» он писал, что именно двухсложность является организующей нормой китайской морфологии; что только двухсложное и многосложное слова являются морфологически оформленными; односложные же слова — альфу и омегу всего учения о китайском слове западноевропейских синологов — Поливанов назвал фонетической, лексической и морфологической аномалией.[31]

Отказ от моносиллабической концепции китайского слова составляет характерную особенность взглядов на китайский язык и тех советских китаистов-лингвистов, которые работают в наши дни. Об А. А. Драгунове мы уже говорили. Его работа о частях речи в китайском языке[32] свидетельствует об этом. Своим путем к обоснованию многосложного слова в китайском языке пришел в своей докторской диссертации «Слово и часть речи в китайском языке» и И. М. Ошанин. О многосложном слове в китайском языке он говорит с первой же главы своей работы. Прослеживая исторический путь китайского слова, И. М. Ошанин, подобно Поливанову, считает двухсоставное слово («бином» по его терминологии) нормой словообразовательной морфологии. В дальнейшем И. М. Ошанин рассматривает процесс развития суффиксации, превращающей двухсложное слово во многосложное. Видит в китайском языке слово так, как оно есть, и Н. Н. Коротков, учитывая тем самым и многосложность, и суффиксацию [33]. Фиксирует многосложные слова в своем китайско-русском словаре и В. С. Колоколов. На позиции отказа от универсальности закона моносиллабичности стоит и Б. К. Пашков. Таким образом, можно считать, что основные работники советского китаеведения в области изучения языка, опираясь на давно сложившуюся у нас традицию, выработали научно правильное отношение к китайскому слову, в то время как в зарубежной синологии появляются лишь первые работы, представляющие отход от взгляда на китайский язык как на моносиллабический. Так, в 1934 г. во Львове вышла работа польского лингвиста Д. Карра, о позиции которого в интересующем нас вопросе можно судить по заглавию работы: «О полисиллабизме современного китайского национального языка»[34]. В 1942 г. вышла работа австрийского синолога Ростхорна, в которой автор утверждает, что «нынешний обиходный язык» едва ли может быть назван моносиллабичным [35].

---

[31] Е. Д. Поливанов, Указ. раб., стр. 6—10.

[32] А. А. Драгунов, Исследования по грамматике современного китайского языка, М.— Л., 1952.

[33] Это видно хотя бы из его работы «Проблема частей речи и генезис наречий с суффиксом *жань* в китайском языке», Труды Московского института востоковедения, вып. 3, 1946.

[34] Denzel Carr, The polysyllabity of the modern chinese national language, «Rocznik Orientalistyczny» т. X, 1934,

[35] A. V. Rosthorn, Studien zur chinesischen Lautgeschichte, Wien, 1942.

Положение о моносиллабичности китайского слова оказывается несостоятельным еще по одной существенной причине: моносиллабичность несовместима с силовым словоударением, а такое ударение в китайском языке существует.

На наличие силового ударения указывали многие синологи еще в старое время. Силовое ударение учитывали все лучшие учебники китайского языка. Арендт в своем учебнике сделал попытку даже установить правила такого ударения. Подробную разработку этих правил мы находим в учебнике П. П. Шмидта [36]. Научное освещение этого явления дал Е. Д. Поливанов. Вопросам экспираторного ударения много внимания уделяет И. М. Ошанин [27]. Можно сказать, что существование силового ударения в китайском слове в настоящее время есть факт общепризнанный. В таком случае столь же несомненным должно быть признано существование в китайском языке многосложного слова.

Открытие в китайском слове силового ударения имело, однако, еще одно серьезное последствие: оно затронуло и объяснение китайских тонов. В цитированной выше работе Карлгрен, говоря о тонах, замечает: «В связной речи голосовая мелодия выступает только в словах, стоящих под эмфазисом, неударенные слова со стороны тонов нейтральны» [38]. В «Грамматике китайского языка» Поливанов писал: «Обязательно осуществляемой мелодической характеристикой обладают лишь ударенные слоги. Неударенные (и следовательно, слоги аффиксальные прежде всего) произносятся с нивелировкой мелодической характеристики, и присущий данному слову „тон“ фактически утрачивает свои отличительные признаки»[39].

Положение о связи тона с силовым ударением следует считать отражающим действительную картину языка. Но из него следует вывод: смыслоразличительную роль тон играет не сам по себе, а только совместно с силовым ударением и благодаря ему. Иначе говоря, смыслоразличительные функции тона несамостоятельны.

На это можно возразить: это — справедливо, но справедливо для многосложных слов; в китайском же языке есть и односложные слова; силового ударения в них — по крайней мере в изолированной позиции — нет, тон же существует, а именно по тону в этих случаях и различаются по смыслу слова с одинаковым звуковым составом. В ответ на такое возражение можно указать прежде всего на то, что в связной речи и односложное слово может нести на себе силовое ударение, поскольку в речи слова, примыкающие друг к другу и связанные между собой синтаксически, могут составлять в смысле ударения единый комплекс и ударение в этом комплексе может пасть на односложное слово, в него входящее. В таком случае тон проявится в нем на общем основании: благодаря павшему на него силовому ударению.

Однако, как нам представляется, можно подойти к тону в односложном слове и с другой стороны.

В языкознании уже давно обращено внимание на то, что тон, т. е. голосовая мелодия, связан с произношением гласных в составе слога. Это произношение может затрагивать количественную сторону гласных — их краткость или долготу. Наблюдения над китайскими тонами позволяют видеть в них именно эту сторону: например, первый тон, так называемый

---

[36] П. П. Шмидт, Опыт мандаринской грамматики, Владивосток, 1915, стр. 105—110.

[37] И. М. Ошанин, Слово и часть речи в китайском языке (докторская диссертация, рукопись), 1946, § 123, 125, 131, 140, 162, 164, 165.

[38] Karlgren, Указ. раб., стр. 8.

[39] Е. Д. Поливанов, Указ. раб., стр. 190—191.

«ровный», можно воспринимать как долготу слога, второй тон — как его краткость.

Но не только с одной долготой или краткостью можно связывать китайский тон. Если мы вслушаемся, как произносится, например, *шуй* [2] «кто» и *шуй* [3] «вода», то услышим первое слово как *шуй*, второе же как *шўэй*; создается впечатление, что изменение тона фактически выразилось в качественном изменении звукового состава слога. Наконец, обращает на себя внимание и такое явление: например, слово *чжан* «расти» — третьего тона, а *чан* «длинный» — второго. Изменение тона здесь сопровождается изменением начального согласного; поэтому, может быть, лучше говорить о другом — о том, что изменение тона в данном случае и есть, в сущности, изменение согласного?

Мы не можем здесь разбирать этот очень сложный вопрос. Ограничимся только указанием на то, что в китайских тонах, по нашему мнению, следует видеть не только голосовую мелодию, но и элемент характеристики состава слога, и это последнее прежде всего. На эту мысль наводит и тот факт, что тоном считается и так называемый «входящий тон» (*жушэн*), пятый по счету, но характеристика этого тона говорит именно о составе слога, а не о голосовой мелодии: пятый тон означает просто слоги с конечными *к*, *п*, *т*. И сейчас в тех диалектах, где этот пятый тон исчез, т. е. исчезли конечные *к*, *п*, *т*, на их месте появилась гортанная смычка, т. е. явление, характеризующее не мелодию голосового тона, а качественную сторону звукового состава.

Итак, односложность должна быть исключена из числа обязательных признаков китайского слова. Вообще нет никаких оснований устанавливать отдельные типы слов по признаку количества слогов в нем. Лишь факультативным признаком его является и тон. Действительно обязательными признаками слова в китайском языке являются: для любого слова — тот или иной звуковой состав и известная способность к морфологизации; для многосложного слова к этому присоединяется еще наличие экспираторного ударения, могущего соединяться с определенной голосовой мелодией (тоном).

Оценка китайского слова как моносиллабического держалась в науке столь упорно и долго прежде всего в связи с тем, что существовал традиционный подход к каждому многосложному китайскому слову, как к composita. При этом упорно не учитывали, что под composita следует понимать слова типа русского *мореплавание*, т. е. слова, в которых каждый составной элемент является носителем вещественного значения и обычно может быть отдельным самостоятельным словом. Очень многие китайские многосложные слова никак не могут быть расчленены на такого рода знаменательные элементы. Таковы, например, слова типа *фанцза* «дом», *маоцза* «шапка», *пуцза* «лавка», *ицза* «стул», *чуаньцза* «окно», *наньцзы* «мужчина», *лаотоуцзы* «старик», *сяохайцзы* «ребенок». Знаменательным элементом в этих словах является первый слог или первые два слога в каждом из них, что же касается конечного *цза* (*цзы*), присутствующего в каждом из них, то этот элемент не несет на себе никакого вещественного значения и служит лишь средством образования предметных слов определенной категории. Поэтому подобные слова состоят не из двух знаменательных элементов, а из одного, который служит в них корнем, и добавленного к корню суффикса.

Из корня и суффикса *тоу* слагаются слова типа *шитоу* «камень», *мутоу* «дерево», *гутоу* «кость»; из корня и суффикса *р* слагаются слова типа *чжор* «столик», *фыр* «ветер», *таор* «персик», *дифар* «место»; из корня и суффикса *чжэ* составлены слова типа *сюэчжэ* «ученый», *дигочжуичжэ* «империалист», *цзюньгочжуичжэ* «милитарист», *тунсинчжэ* «спутник»;

из корня и суффикса *ды* состоят слова типа *шошуды* «рассказчик», *ганьчэды* «извозчик»; *тэбеды* «особенный», *щэхуйды* «общественный», *чжицзеды* «непосредственно», *цзяньцзеды* «косвенно»[40]; из корня и суффикса *жань* слагаются слова типа *цзыжань* «естественно», *гужань* «случайно», *тужань* «внезапно» и т. п.

Слов такого морфологического типа, т. е. составленных из корня и суффикса, в китайском языке очень много, и никто из серьезных синологов не спорит о том, что *цза* (*цзы*), *тоу*, *р*, *чжэ*, *ды*, *жань* и им подобные элементы являются словообразовательными суффиксами, не имеющими ни самостоятельного значения, ни самостоятельного употребления.

Однако число таких суффиксов для современного языка должно быть сильно увеличено. Если мы возьмем такие слова, как *хуацзя* «художник», *ишуцзя* «артист», *цзоцзя* «писатель», *гунъецзя* «промышленник», то вряд ли возможно конечный элемент в них, т. е. *цзя*, рассматривать иначе, как суффикс. Есть слово *цзя* со значением «семья», «дом», но если даже и считать, что элемент *цзя* в приведенных словах восходит к этому слову, то в этих словах он уже полностью утратил свое самостоятельное значение и превратился в формальный элемент — суффикс для образования слов определенной категории. Мы должны признать его не только суффиксом, но еще и одним из самых продуктивных для современного языка словообразовательных суффиксов, так как слов приведенного типа в современном китайском языке очень много.

Трудно признать чем-либо иным, как суффиксом, и элемент *хуа* в таких словах, как *гунъехуа* «индустриализация», *гоюхуа* «национализация», *хэлихуа* «рационализация». Есть слово *хуа* со значением «превращение», и несомненно элемент *хуа* в приведенных словах восходит к нему, но роль *хуа* в этих словах свидетельствует о том, что из этого слова развился один из словообразовательных суффиксов. Кстати говоря, суффиксальная природа этих *цзя* и *хуа*, как и предыдущих *цза*, *тоу* и т. д., видна и из того, что они никогда не бывают носителями ударения; оно падает всегда на корневую часть слова.

Следует сказать, что таких суффиксов в современном языке можно обнаружить много, что и подкрепляет общее положение, что слова, состоящие из корня (односложного или многосложного) и суффикса, составляют в китайском языке один из очень распространенных морфологических типов лексики.

Существует далее много слов, в которых конечный элемент если и не совсем превратился в суффикс, то стоит на пути к этому. Таков, например, элемент *жэнь* в таких словах, как *наньжэнь* «мужчина», *нюйжэнь* «женщина», *гунжэнь* «рабочий», *шанжэнь* «торговец», *цзюньжэнь* «военный», *тунмоужэнь* «сообщник» и т. п. Различное значение этих слов определяется различием первого их элемента, второй же элемент *жэнь* в них один и тот же и определяет характер категории данных слов. Его роль близка к той роли, которую играет, например суффикс *-ик* в русском *плотник*, *булочник*, *мельник*, *шорник* и т. п. Различие между русским *-ик* и китайским *жэнь* в том, что *жэнь* может быть отдельным словом со значением «человек», так что приведенные слова являются как бы сочетанием двух знаменательных слов: *мужчина* (*нань*)-*человек* (*жэнь*), *работа* (*гун*)-*человек* (*жэнь*) и т. д. Конечно, для китайца *жэнь* в этих словах как-то связывается со своим собственным значением, но очень большое количество таких слов должно было сильно ослабить, если не свести к нулю ощущение этого самостоятельного значения. Правильнее будет считать, что *жэнь* в подобных

---

[40] Суффикс *ды* в различных группах этих слов неоднороден.

случаях такой же суффикс, каким считается немецкое mann в таких словах, как Edelmann, Amtmann, Hauptmann и т. п.

Можно наметить целый ряд подобного рода суффиксов или слов, стоящих на самом пороге превращения в суффиксы. Приведем лишь некоторые:

а) *син* «природа, характер» в словах типа *цзецзисин* «классовость», *сяньшисин* «действительность», *чжунъяосин* «важность», *чжэньлисин* «истинность» и т. п.;

б) *синь* «сердце, чувство» в словах типа *айляньсинь* «жалость», *тунцинсинь* «сочувствие», *таньчаньсинь* «жадность», *цючжисинь* «любознательность» и т. п.

в) *ши* «благородный человек» в словах типа *цзиши* «техник», *бинши* «солдат», *бяньхуши* «адвокат» и т. п.

г) *сюэ* «наука» в словах типа *хуасюэ* «химия», *улисюэ* «физика», *шэнлисюэ* «физиология» и т. п.

д) *чжуи* «убеждение, принцип» в словах типа *гунчаньчжуи* «коммунизм», *дигочжуи* «империализм», *шэхуйчжуи* «социализм» и т. п.

Таким образом, в китайском языке существует очень большое количество многосложных слов, составленных не из равноценных знаменательных элементов, а из сочетания корня и суффикса.

Есть, конечно, слова — и их очень много,— которые составлены из одних знаменательных элементов и заслуживают отнесения их в разряд composita, т. е. слова типа русского *мореплавание*. Таково, например, слово *шию* «нефть» (*ши* «камень», *ю* «масло») или слово *шэнъинь* «голос» (*шэн* «голос», *инь* «звук»). Бывают случаи, что составные элементы таких слов могут существовать и как самостоятельные отдельные слова. Но существование русских слов *море* и *плавание* не устраняет самостоятельного существования в качестве отдельного слова и *мореплавание*.

Так обстоит дело со словами, разложимыми на морфемы. Но есть слова, которые вообще никак разложить нельзя. Таковы, например, слова *жуго* «если», *цзюши* «значит; не что иное, как»; никакому удовлетворительному морфемному анализу они не поддаются.

Итак, концепция моносиллабичности слова современного китайского языка возникла из непонимания морфологической природы слова, из непонимания историчности путей его развития. А к чему такая концепция может привести, свидетельствует тот вывод, который сделал из нее Масперо — крупнейший синолог Франции, ярый сторонник моносиллабизма китайского слова. Считая под влиянием этой концепции, что каждый иероглиф обозначает отдельное слово (что неверно даже для старого китайского языка), он утверждает: «Китайский язык по богатству далек от языка французского или английского, в словарях не бывает более 45 000 слов, иначе — 45 000 иероглифов, что не составляет и половины числа слов, содержащихся в словарях французского и английского языков» [41]. Мы противопоставляем этому утверждению другое, прямо противоположное: по числу слов китайский язык принадлежит к числу самых богатых языков мира.

6

Фактический материал свидетельствует о несостоятельности и второго положения, которым обычно характеризуют китайский язык: положения об его аморфности.

Рассмотрим сначала вопрос об аморфности слова, взятого само по себе, в том его виде, в котором оно, по выражению И. В. Сталина, является

---

[41] N. Maspero, La langue chinoise. Conférence de l' Institut de linguistique de Université de Paris, 1934, стр. 58.

строительным материалом для языка. Представляется ли этот строительный материал чем-то бесформенным?

Мы уже видели, что в современном китайском языке широко и разнообразно представлены слова, состоящие из корня (односложного или многосложного) и какого-нибудь суффикса. Таковы, например, слова *даоцзэ* «нож», *сяохайцзэ* «ребенок», *мутоу* «дерево», *шитоу* «камень», *таор* «персик», *шихоур* «время», *цзочжэ* «автор», *учаньчжэ* «пролетарий», *вайцзяоцзя* «дипломат», *цзыбэньцзя* «капиталист» и т. д. Единство целого поддерживается словесным ударением, падающим на корневую часть. Нельзя отрицать, что подобные слова обладают вполне определенной морфологической структурой.

Существуют слова, состоящие из корня и префикса. Таковы, например, слова, составленные из корня и одного из префиксов отрицания — *у* и *бу*: *ушуды* «бесчисленный», *утяоцзяньды* «безоговорочный», *буганьшэ* «невмешательство», *бупиндэн* «неравенство». Таковы слова, составленные из корня и префикса *цзун* «общий»: *цзунлинши* «генеральный консул», *цзунбагун* «всеобщая забастовка». Таковы слова, составленные из числительного и префикса *ди*, образующего порядковые: *дии* «первый», *диго* «пятый». Таковы слова с префиксом *фань* (русское *контр-*, *анти-*): *фаньгун* «контрнаступление», *фаньгэмин* «контрреволюция», *фаньженьминьды* «антинародный». Таковы слова с префиксом *цинь* (русское *про-*): *циньфасисыды* «профашистский».

Следует сказать, что категория префиксов в китайском языке еще более сложна, чем категория суффиксов: как и в области суффиксов, в области префиксов существуют лексические элементы, являющиеся вполне законченными префиксами, но есть и такие, которые еще только стоят на пути превращения в префиксы. Однако и приведенных примеров достаточно для того, чтобы считать слова, состоящие из двух морфем — корня и префикса, спаянных при этом единым словоударением, падающим на корневую часть,— обладающими четко выраженной морфологической структурой.

Само собой разумеется, что могут быть слова, состоящие из корня с префиксом и суффиксом, как, например, *фаньгэминчжэ* «контрреволюционер»; корень в нем — *гэмин* «революция», префикс — *фань* «контр», суффикс — *чжэ* (суффикс лица, деятеля); *фаньжэньминьды* «антинародный»; корень в нем — *жэньминь* «народ», префикс — *фань* «анти», суффикс — *ды* (суффикс прилагательных).

Большое место в современном языке занимают двухсоставные слова, представляющие соединение двух знаменательных морфем. Таковы, например, слова: *та́йян* «солнце», *дя́ньхуа* «телефон», *сецзы́* «писать», *каньшу́* «читать», *да́олу* «дорога», *си́ньку* «горький», *ка́ньцзянь* «видеть». В этих словах каждый из компонентов имеет самостоятельное значение: *та́йян* «солнце» состоит из *тай* «большой» и *ян* «свет», *дя́ньхуа* «телефон» — из *дянь* «электричество» и *хуа* «разговор», *сецзы́* «писать» из *се* «писать» и *цзы* «иероглиф», *каньшу́* «читать» — из *кань* «смотреть» и *шу* «книга», *да́олу* «дорога» — из *дао* «путь» и *лу* «дорога», *си́ньку* «горький» из *синь* «крепкий, острый» и *ку* «горький», *ка́ньцзянь* «видеть» — из *кань* «смотреть» и *цзянь* «видеть». Все эти компоненты не только имеют самостоятельное значение, но и могут употребляться самостоятельно, как отдельные слова. Вместе с тем они входят в очень большое число сложных слов, так что составляют в точном смысле слова корневые слова. Соединение таких слов-корней в одно целое происходит на различной основе: в одних случаях мы имеем соединение определения с определяемым, таковы, например, слова *та́йян* «солнце», *дя́ньхуа* «телефон»; в других случаях — соединение глагола с дополнением, таковы, например, *сецзы́* «писать», *каньшу́* «читать»;

в третьем случае — соединение двух равноправных элементов, таковы, например, *да́олу* «дорога», *си́ньку* «горький», *ка́ньцзянь* «видеть». Единство подобных слов основано на их самостоятельном смысле, являющемся как бы производным от смысла обоих компонентов, но вместе с тем оно строится на определенном порядке этих компонентов в составе целого, порядке, зависящем от их внутренних взаимоотношений, осмысляемых в синтаксическом плане: определение впереди определяемого, дополнение после глагола; единство может поддерживаться и голосовой мелодией, как это бывает при равнозначности компонентов. Кроме всего этого, важнейшей основой единства целого является ударение, имеющее при этом свое определенное место в каждом из таких типов: при типе *та́йян* «солнце» т. е. при соединении определения с определяемым, ударение падает на первый слог; при типе *сецзы́* «писать», т. е. при соединении глагола с дополнением, — на второй слог; при типе *да́олу* «дорога», т. е. при соединении равнозначных компонентов, — на первый слог. Все это заставляет видеть и в подобного рода словах наличие вполне определенной морфологической структуры.

Советское китаеведение уделило этой категории слов очень большое внимание. Подобные слова подробно рассмотрены в указанных работах Е. Д. Поливанова [42] и И. М. Ошанина [43]. Е. Д. Поливанов назвал такие слова «элементарной инкорпорацией», И. М. Ошанин — «синтетическим словом», или «биномом». При этом и тот и другой автор в список инкорпораций, или биномов зачисляют не только слова приведенных типов, но и некоторые другие типы. Мы не будем здесь входить в обсуждение, насколько правильны такие наименования; мы предпочли бы называть такие слова просто сложными словами, образованными по способу словосложения. Равным образом для нашей цели не требуется разбор всех возможных типов подобных слов, тем более, что указанные выше являются наиболее продуктивными. Нам важно лишь показать, что и такие слова имеют свою определенную морфологическую структуру.

Таким образом, две очень большие группы слов китайского языка — слова, состоящие из корня и аффикса, и слова типа compositа — отнюдь не аморфны.

К указанным типам китайской лексики мы должны добавить еще слова, представляющие лексикализацию грамматических форм. Таковы, например, слова, восходящие к аналитической форме потенциального залога глагола: *сяо* «смеяться», *кэ сяо* «можно смеяться», *кэслоды* «смешной»; *сяньму* «завидовать», *кэ сяньму* «можно завидовать;» *кэсяньмуды* «завидный». Как видно из этих примеров, элементом, превращающим глагольную форму в особое слово, является суффикс *ды*, характерный для прилагательных и причастий. Такого рода лексикализация может встречаться и в отрицательных формах потенциального залога: *кэфу* «победить», *букэ кэфу* «нельзя победить», *букэкэфуды* «непобедимый»; *бимянь* «избегать», *букэ бимянь* «нельзя избежать», *букэбимяньды* «неизбежный». Лексикализоваться могут и формы страдательного залога — синтетические, например, *цзюйлю* «задерживать», *бэйцзюйлю* «быть задержанным», *бэйцзюйлюды* «задержанный, арестованный», и аналитические, например, *ячжи* «угнетать», *шоу ячжи* «быть угнетенным», *шоуячжиды* «угнетенный». Нам кажется, что примеры лексикализации грамматической формы можно обнаружить и у существительных.

Остается сказать только о словах односложных.

---

[42] Е. Д. Поливанов, Указ. раб., ч. IV, стр. 238 и след.

[43] И. М. Ошанин, Слово и часть речи в китайском языке, гл. IV, стр. 215 и след.

Таких слов в китайском языке много. Даже в вышеприведенном небольшом отрывке из работы Мао Цзэ-дуна мы находим такие односложные слова, как *яо* «хотеть», *хо* «или», *бянь* «то», *чжи* «только», *ю* «быть», *юй* «в», *хэ* «и», *ло* «падать», *цзянь* «плечо». При этом, как было отмечено выше, такие слова могут быть существительными, глаголами, союзами, предлогами, короче говоря,— любой из тех частей речи, которые можно найти в китайском языке. Про такие слова, конечно, нельзя сказать, что они обладают какой-нибудь определенной формой. Но это относится к ним только в их «словарной» форме и притом исключительно к союзам и предлогам. Что же касается существительных и глаголов, то стоит лишь проследить их «поведение» в связной речи, как дело меняется: и существительные и глаголы получают в предложении свои собственные и отчетливо выраженные формы. Так, существительное имеет формы падежей: синтетические, как, например, *цяо* «мост» — *цяоды* «моста», и аналитические, например, *би* «кисть» — *юн би* «при помощи кисти, кистью»; глаголы имеют формы спряжения: синтетические, например, *лай* «приходить» — *лайла* «пришел», и аналитические, например, *яо лай* «приду» и т. д. Следовательно, и такие слова нельзя считать аморфными. Единство целого в этих случаях подкрепляется одним словоударением.

Приведенные примеры, как нам кажется, могут показать несостоятельность положения об аморфности китайского слова как такового, как строительного материала языка. Слова делятся на группы, каждая из которых представляет свой собственный структурный морфологический тип. Но эти же примеры свидетельствуют и о другом: о том, что эти слова распадаются на определенные лексико-грамматические категории. А это означает, что мы можем говорить о частях речи в китайском языке.

Вышеизложенное дает возможность установить, какими признаками может определяться лексико-грамматическая природа китайского слова. Одним из важнейших таких признаков является аффиксация. Мы видели, что наличие у слов некоторых суффиксов прямо указывает на принадлежность их к той или иной лексико-грамматической категории; такую роль играют, например, суффиксы *цза*, *тоу*, *р*, *чжэ* и т. д., которые указывают, что данное слово относится к категории существительных; наличие суффикса *жань* указывает на принадлежность слова к категории наречий.

Там, где таких признаков нет, морфологически различительную роль играет ударение. Мы видели, например, что наличие в сложном слове ударения на последнем слоге указывает на принадлежность его к глаголам, на первом слоге к существительным: *сецзы́* «писать», *та́йян* «солнце».

Определять принадлежность той или другой категории может и тон, получающий в этом случае морфологическое значение; например, *хао* под третьим тоном — прилагательное «хороший», *хао* под четвертым тоном — глагол «любить». Если согласиться с предложенным выше пониманием тона не только как голосовой мелодии, но и как определенного звукового состава слога, в таких случаях возможно видеть явление внутренней флексии.

Если у слова нет ни одного из перечисленных признаков, его принадлежность к той или иной категории выясняется из наличия у него грамматических форм — тех, которыми обладают слова определенной категории.

Определять принадлежность слова к той или иной категории может и употребление данного слова в предложении с тем или другим видом служебных слов.

Наконец, одним из важных признаков лексико-грамматической категории является и синтаксический признак: способность без всяких особых показателей выступать в предложении в определенной синтаксической позиции.

Разумеется, все эти средства различения лексико-грамматических категорий соединяются со смысловым — с характером значения данного слова.

Советская синология признает существование в китайском языке частей речи. О них говорят в своих работах А. А. Драгунов, Н. И. Коротков, И. М. Ошанин, Б. К. Пашков. Последнюю к настоящему времени разработку этого вопроса дал А. А. Драгунов в своей работе «Исследования по грамматике современного китайского языка». Не подлежит сомнению, что эта работа представляет в настоящее время наиболее полное и научно аргументированное определение и описание частей речи в китайском языке. Но советские синологи хорошо оценили и значение наличия в китайском языке частей речи. Например, А. А. Драгунов считает, что «лексико-грамматические категории лежат в центре грамматической системы, отражаясь и в построении словосочетания и в разных типах предложений. Вне этих категорий нельзя понять структурных особенностей китайской речи и было бы невозможно излагать грамматику китайского языка»[44].

Эти слова справедливы. Можно сказать коротко: наличие частей речи в китайском языке предрешает вопрос о существовании в нем грамматики.

Как ни элементарна эта истина, о ней все же приходится говорить, ибо пресловутая концепция аморфности китайского языка вызвала к жизни утверждение об отсутствии в китайском языке грамматики. Мы не будем приводить здесь соответствующих высказываний многочисленных представителей западноевропейской синологии. Приведем лишь слова уже не раз цитированного нами Карлгрена, который даже в 1949 г. счел возможным писать, что китайская грамматика весьма скудна и в основном сводится к правилам порядка слов в предложении и к функциям некоторого количества служебных слов[45]. Для нас такая точка зрения — настолько давно пройденный этап китаеведения, что даже как-то странно вновь обнаружить ее в работе авторитетного китаеведа.

Грамматика в китайском языке существует. Мы можем утверждать это даже a priori. И. В. Сталин назвал слова строительным материалом для языка. Но сам этот строительный материал, как указал И. В. Сталин, не составляет здания. Здание нужно построить, а это значит соединить слова в предложения. Но можно ли строить здание из хаотического, бесформенного материала?

Здесь мы не можем излагать грамматику китайского языка. Скажем лишь, что морфология этого языка располагает целым ассортиментом разнообразных средств выражения форм слова — и синтетических и аналитических.

Приведем несколько примеров. Синтетической формой выражается множественное число многих местоимений и некоторых существительных: *во* «я», *вомынь* «мы», *та* «он», *тамынь* «они», *тунчжи* «товарищ», *тунчжимынь* «товарищи»; прошедшее время глагола: *дася цзичу* «заложить основы», *дасяла цзичу* «заложил основы», *цюйдэ вэньдин* «добиться стабилизации», *цюйдэла вэньдин* «добился стабилизации»; форма продолжающегося действия: *цзиньсин* «продвигать», *цзиньсинчжо цзяньшэ* «ведет строительство»; форма страдательного залога: *да* «бить», *бэйда* «быть побитым» и т. д.

Аналитической формой выражается дательный падеж имени существительного: *та* «он», *гэй та* «ему»; творительный падеж: *даоцза* «нож», *юн даоцза* «ножом»; будущее время глагола: *пэйцзянь* «потерпеть убыток», *яо пэйцзянь* «потерпит убыток» и т. д.

---

[44] А. А. Драгунов, Указ. раб., стр. 9.
[45] Karlgren, Указ. раб., стр. 68.

Синтаксис располагает своим ассортиментом средств. Перечислим некоторые из них:

Во-первых, расположение слов в предложении: как правило, подлежащее ставится до сказуемого, определение перед определяемым, обстоятельство перед глаголом; дополнение ставится после глагола.

Во-вторых, использование тех форм слова, которые служат для выражения отношения этого слова к другим, как, например, форма падежей существительного.

В-третьих, использование служебных слов, например, предлогов: *цзоу* «идти», *сян* «к», *фаньжун* «процветание», *цзоу сян фаньжун* «идти к процветанию».

В-четвертых, групповое оформление ряда связанных между собой по смыслу и примыкающих друг к другу слов, представляющих в совокупности как бы один член предложения; например: *цзыцзи* «свой», *линсю* «вождь», *чжусиды* «председателя», *линдао* «руководство», *цзыцзи линсю Мао Цзэ-дун чжусиды линдао*, т. е. «руководство своего вождя — председателя Мао Цзэ-дуна».

В-пятых, обрамление слова или группы слов, образующих в предложении в целом определенный его член, с предлогом впереди и послелогом позади, например: *цзай* «в», *цюаньго* «вся страна», *фаньвэй* «предел», *нэй* «в», *цзай цюаньго фаньвэй нэй* «в пределах всей страны».

В-шестых, обрамление слова или группы слов составными частями управляющего ими глагола, в этом случае как бы расщепляющегося, например, *цзи* «съесть», *жэнь* «кого-нибудь»; *бэй бежэнь цзила* «быть кем-нибудь съеденным» (*бэй* — отделившийся префикс страдательного залога).

Есть и другие приемы, которых мы здесь не приводим.

Итак, грамматика китайского языка имеет и свою морфологию и свой синтаксис — как два самостоятельных, но, конечно, связанных друг с другом раздела. Об этом также нужно сказать со всей решительностью, так как даже у нас обнаруживались тенденции растворения морфологии в синтаксисе.

Приведем общую оценку грамматического строя китайского языка, данную Карлгреном: «Грамматика китайского языка фактически очень бедна. Это — главным образом правила об относительном расположении слов в предложении и в добавление к этому функции некоторого числа вспомогательных грамматических слов. Все, что в наших грамматиках относится к склонению или спряжению и к правилам словообразования, почти полностью отпадает. То обстоятельство, что китайский язык обходится без употребления специфических признаков, как, например, изменения корня или разного рода окончания, для указания на то, какая часть речи имеется в виду или какое число или падеж — по отношению к существительным, или время или наклонение — по отношению к глаголам, — это обстоятельство делает язык необыкновенно сжатым и бедным. Нам гораздо труднее, чем в нашем родном языке, найти при помощи осязательных и поддающихся анализу указаний более точное значение слов и их функции в предложении. Этот недостаток ясных formantia предъявляет большие требования к нашей способности угадывания и в этом-то и состоит наибольшая трудность китайского языка» [46].

Мы должны противопоставить этим словам Карлгрена совсем другие положения:

1. Современный китайский язык, национальный язык китайского народа, отличается исключительным богатством своего словаря.

---

[46] Karlgren, Указ. раб., стр. 68.

2. Этот словарь состоит из морфологически оформленных слов, причем их оформление демонстрирует и многочисленность и разнообразие средств этого оформления.

3. Слова китайского языка распадаются на определенные лексико-грамматические категории, охватывающие все необходимые для языка понятия: при этом эти лексико-грамматические категории имеют свое специфическое оформление.

4. Слова, соединяясь в речи, раскрывают свои грамматические формы, обнаруживая при этом богатство и разнообразие таких форм — и по их характеру и по их значению.

5. Синтаксический строй китайского языка обладает своими точными законами, в которых находит свое выражение любое соотношение слов и групп слов в предложении.

6. Этот чрезвычайно развитый словарный состав и грамматический строй языка делают возможным выражение любой мысли народа, стоящего на самой высокой из достигнутых ступеней цивилизации.

*

В заключение скажем следующее.

Ошибочная концепция моносиллабичности и аморфности китайского языка, долгое время господствовавшая в синологии, принесла ей большой вред: вызвав «теорию» отсутствия в китайском языке грамматики, она тем самым долгое время мешала научной разработке этой грамматики.

Эта ошибочная концепция проникла и в общее языкознание и тем самым широко распространяла среди лингвистов неправильный взгляд на китайский язык.

Н. Я. Марр, заимствовавший свой взгляд на китайский язык из этого источника, сделал эту ошибочную концепцию одним из оснований своей в корне ложной схемы о стадиальном развитии языков.

К счастью, советская синология не шла по этому пути, с самого начала в лице своих лучших представителей установив правильную точку зрения на китайский язык. Это и дало ей возможность научно плодотворно работать над его изучением.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1952

А. Я. ПЕЛЬШЕ

СОСТОЯНИЕ ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ЗАДАЧИ ЯЗЫКОВЕДОВ РЕСПУБЛИКИ В СВЕТЕ ТРУДА И. В. СТАЛИНА «МАРКСИЗМ И ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»*

Латышский народ получил возможность свободного развития своей национальной культуры на латышском языке лишь со времени установления Советской власти в Латвии.

На протяжении многих веков многочисленные западные завоеватели всячески стремились задержать развитие духовной культуры латышей, ограничить развитие латышского языка, насильственно ассимилировать его с языками захватчиков. Но, несмотря на отсутствие своей письменности, латышский язык проявил огромную сопротивляемость попыткам разрушения его, сохранял основной словарный фонд и грамматический строй, непрерывно развивался, шлифовался, а также обогащался за счет языков тех народов, с которыми он общался. Наглядным свидетельством большой устойчивости и сопротивляемости латышского языка насильственной ассимиляции являются многочисленные произведения устного народного творчества; достаточно отметить, что в Институте фольклора и этнографии Академии Наук Латвийской ССР хранится 2 700 000 записанных произведений устного народного творчества.

Появление современного литературного латышского языка относится, как известно, ко второй половине XIX в., ко времени образования и развития латышской нации. А «нации, — учил В. И. Ленин, — неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития»[1]. Эпоха образования наций характеризуется экономической и политической концентрацией, ростом промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, науки и техники, которые, естественно, потребовали от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями.

«Во всем мире, — писал В. И. Ленин в работе «О праве наций на самоопределение», — эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе.

---

* Доклад, прочитанный секретарем ЦК КП(б) Латвии т. Пельше на Объединенной конференции Института языкознания АН СССР и лингвистических институтов Латвийской, Литовской и Эстонской академий наук, посвященной вопросам балтийского языкознания в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Конференция происходила в Риге 19—22 февраля 1952 г.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 56.

Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем»[2].

Развитие капитализма в России во второй половине XIX в. и особое географическое положение Латвии, расположенной на путях из России в Западную Европу, способствовало быстрой экономической и политической концентрации, развитию капиталистического хозяйства и еще большему укреплению унаследованной языковой общности латышской нации, ибо, как указывает товарищ Сталин, «национальная общность немыслима без общего языка...»[3]. Это гениальное теоретическое положение об общности языка как одном из характерных признаков нации И. В. Сталин еще раз подчеркнул и развил в своих замечательных работах по вопросам языкознания: «Марксизм говорит, что общность языка является одним из важнейших признаков нации, хорошо зная при этом, что внутри нации имеются классовые противоречия» [4].

В связи с общим развитием капитализма в 50—60-х годах прошлого столетия в Латвии возникло исторически прогрессивное по своему характеру национальное движение развивавшейся сельской и городской буржуазии, известное под названием «младолатышского движения». Левое крыло младолатышей демократов-просветителей, возглавлявшееся Юрисом Алунаном, Каспаром Биезбардисом, вело борьбу за развитие национальной культуры, за улучшение дела народного образования, введение в школах и государственных учреждениях латышского языка. Деятельность младолатышей способствовала укреплению исторически сложившихся тесных связей между латышской и русской культурой. В тесном союзе и контакте с прогрессивными русскими учеными, состоя в научных русских обществах Петербурга, Москвы, Юрьева (Тарту) и других городов младолатыши внесли значительный вклад в дело развития латышской национальной культуры, дали латышскому народу первые научные и научно-популярные труды на латышском языке. Юрис Алунан, — языковед, литератор, географ, — много сделал своими исследованиями для развития науки в Латвии. Кришьян Барон собрал и обработал огромное количество латышских народных песен. Много статей на латышском языке написал крупнейший латышский общественный деятель буржуазно-либерального толка Кришьян Валдемар. Интенсивную научную работу в области изучения латышского языка вел известный языковед-педагог Атис Кронвальд. Латышский поэт и писатель Андрей Пумпур создал значительное количество высокохудожественных произведений, способствовавших развитию прогрессивной латышской культуры и ее сближению с культурой великого русского народа. Поэт Аусеклис также внес значительный вклад в дело создания современного латышского литературного языка.

К концу XIX в. на латышском языке уже имелось немало произведений оригинальной политической литературы, а также произведений классиков марксизма в переводах. На фоне дальнейшего развития капитализма и подъема борьбы пролетариата и крестьянства против царизма и немецких баронов в конце XIX в. в Латвии, в противовес реакционному буржуазно-

---

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 368.
[3] И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 293.
[4] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 16.

националистическому движению, возникло так называемое «новое течение» («яуна страва»), объединившее передовую радикально-демократически настроенную латышскую интеллигенцию.

Я. Райнис, Эд. Вейденбаум, П. Стучка и др., возглавив левое крыло этого течения, развернули энергичную деятельность, направленную на распространение идей научного социализма в Латвии. Газета «Диенас лапа» («Ежедневный листок») и другие издания, наряду с переведенной на латышский язык марксистской литературой, в значительной мере способствовали расширению общественно-политической лексики латышского языка.

В последующий период революционные писатели Я. Райнис, А. Упит, Л. Паэгле и др. обогатили латышскую культуру произведениями исключительной художественной силы. Отражая в своих произведениях прогрессивные мысли и чувства, они обращались к языку народа, показали огромные богатства латышского народного языка.

Основоположники классической и современной латышской литературы, проявлявшие огромный интерес к фольклору и мастерски использовавшие в своем творчестве художественные формы устной поэзии, помогли быстрейшему развитию латышского литературного языка.

Период 20-летнего господства буржуазно-националистической клики в Латвии, установленного империалистами Запада, был мрачным периодом разгула реакции и на идеологическом фронте.

Поход против прогрессивных и революционных деятелей латышской культуры был направлен на то, чтобы в корне подорвать и «уничтожить» материалистическое миропонимание, отторгнуть массы латышей от Страны Советов, дискредитировать революционную партию пролетариата. Мутным потоком разливались в Латвии различные антинаучные реакционные теории, усиленно культивировались всевозможные буржуазно-националистические и религиозные течения, прикрытые якобы «научными» доводами. Академии Наук в буржуазной Латвии не было, а в университете одно из ведущих мест занимал богословский факультет. Для языкознания буржуазной Латвии были характерны идеализм и оторванность от народного языка. Стремясь приспособиться к реакции, ужиться с буржуазно-националистическими правителями Латвии, деятели буржуазного языкознания немало поработали над тем, чтобы извратить создавшийся к тому времени литературный латышский язык, заменить многие общепонятные народные слова и выражения ничем не оправданным «словотворчеством». Буржуазные писатели и языковеды (Весселис, Саартс и др.) изрядно засорили латышский литературный язык иностранной и псевдолатышской терминологией. Буржуазные националисты внесли в грамматику современного латышского языка ряд несвойственных ей категорий, вели изучение диалектов в отрыве от общего развития латышского национального языка. Объективистски трактуя законы развития языка как имманентные, не связывая историю языка с историей народа, общественной жизнью, языковеды буржуазной Латвии превратили латышское языкознание в своеобразную фактографию, по которой невозможно понять историю развития латышского языка как языка национального.

Даже крупнейший латышский языковед проф. Я. Эндзелин, значительные научные заслуги которого неоспоримы, в своих многочисленных лингвистических трудах, содержащих немало фактов, имеющих большое познавательное значение, не дал сколько-нибудь серьезных научных обобщений в области истории латышского языка. Оставаясь на позициях буржуазного объективизма в толковании языковых явлений, он не пошел дальше констатации простой языковой фактологии, поданной в отрыве от истории латышского народа.

Все это свидетельствует о большой отсталости языкознания буржуазной Латвии, о неразработанности отдельных языковедческих дисциплин.

В сороковых годах в вузы и школы нашей республики, а затем и в научно-исследовательские институты Академии Наук Латвийской ССР стало проникать и утверждаться пресловутое «новое учение» о языке акад. Н. Я. Марра. Правда, внедрение его шло «со скрипом», нередко даже оно встречало сопротивление со стороны многих местных лингвистов. «Правоверные ученики» и сторонники марровской теории «одержали победу» лишь в 1948 г., когда на организованной Академией Наук Латвийской ССР дискуссии Марр был провозглашен подлинным, ортодоксальным марксистом, а его вульгарные теоретические вызказывания по вопросам языкознания были объявлены научными истинами. С тех пор латвийские языковеды пошли в основном по двум путям: с одной стороны, началось внедрение «теории» Марра в языкознание, с другой стороны — продолжалось объективистское извращение языкознания специалистами старых буржуазных школ. Языковеды Латвии допускали серьезные ошибки, вносили невероятную путаницу в науку своими выступлениями в печати. Настоящей организованной борьбы и столкновения мнений, самокритики и хорошей товарищеской научной критики в науке о языке не было. Установившийся аракчеевский режим глушил стихийно возникавшие среди языковедов научные споры.

Вот несколько примеров, характеризующих явно неблагополучное положение в области языкознания, создавшееся тогда в Латвии.

Воинствующий апостол марровского «нового учения» о языке, бывший преподаватель Латвийского государственного педагогического института Вистин крикливо шельмовал сравнительно-исторический метод в языкознании как «идеалистический», высокомерно критиковал изучение групп языков как проявление теории «праязыка». Студентов, пытавшихся критиковать псевдонаучные концепции Марра, он терроризировал, отказывавшихся посещать занятия марровского кружка не допускал к экзаменам.

Подобная апологетика марровского учения имела место и в Латвийском государственном университете. Уже в период развернувшейся дискуссии по вопросам языкознания старший преподаватель кафедры русского языка Латвийского государственного университета т. Новицкая решительно выступила в защиту марровского «нового учения» о языке, в защиту классовости языка и т. д.

Невероятная путаница взглядов по самым важным вопросам языкознания дарила в вузах, в школе и в печати. Старшие преподаватели Большакова и Гинсбург, доц. Манигетти и др. склоняли во всех падежах имя Марра, подменяя подлинную науку игрой в пустые дефиниции. Не владеющие марксистско-ленинской теорией, обуреваемые недугом словесного жонглирования, они вносили в преподавание языковедческих дисциплин антинаучный подход, немало элементов кустарщины, отсебятины.

Гениальные сталинские труды по вопросам языкознания заставили латвийских языковедов пересмотреть их старые позиции, их прошлую ошибочную практику и сделать все необходимые для дальнейшей плодотворной работы выводы.

Свежий ветер глубочайшей научной критики вымел из языкознания вульгарные, антинаучные догмы и каноны «нового учения» о языке, развеял нелепые представления о языке как надстройке, о классовой природе языка.

Многие из заблуждавшихся ученых, вдохновленные трудами И. В. Сталина, встали на путь коренной перестройки своей лингвистической деятельности. Выступления преподавателей институтов и научных работников Латвийской Академии Наук по итогам дискуссии о языке

явились свидетельством большого прилива активности и творческой энергии во всех областях нашей педагогической и научной работы. Неплохо прошли занятия теоретического семинара «Классики марксизма-ленинизма о языке», организованного для преподавателей языковедческих дисциплин. Все дискуссии, проведенные в нашей республике со времени выхода в свет трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, сыграли положительную роль в деле вооружения научных и студенческих кадров сталинским учением о языке.

Однако среди наших латвийских ученых есть немало таких, которые легкомысленно отнеслись к деловой перестройке научной и учебной работы в области языкознания и за истекшие полтора года не продвинулись вперед. Некоторые из этих товарищей ограничились тем, что приветствовали сталинское учение о языке, клялись в своей верности этому учению, но очень мало сделали для того, чтобы серьезно овладеть им и претворить его в своей научной и учебной работе. Примером такой упрощенной, несерьезной перестройки может служить деятельность профессора Латвийского педагогического института Я. В. Лоя.

Как известно, накануне дискуссии в «Правде» проф. Лоя послал в Министерство высшего образования СССР материал под заголовком «За передовое языкознание Марра — Мещанинова». (Сам заголовок статьи не требует комментариев.) Но сразу же после опубликования трудов И. В. Сталина по языкознанию Министерство получило от проф. Лоя новый материал, в котором он, обойдя молчанием свою статью, сообщал о сплошном засилии «учеников» Марра в Латвийском педагогическом институте. Себя же он изобразил как непримиримого борца против «нового учения» о языке, как великомученика, пострадавшего о его последователей.

Министерство высшего образования высказало проф. Лоя свои сомнения в том, что он осуществляет перестройку достаточно серьезно, продуманно, убежденно. Но из этой критики проф. Лоя не извлек серьезного урока. Вот несколько фактов, подтверждающих чисто внешний характер его перестройки.

Профессору Лоя было поручено прочитать для студентов-заочников Педагогического института курс «Основы сталинского учения о языке». Вместо того чтобы провести серьезную и глубокую работу по подготовке и составлению курса на основе указаний товарища Сталина, проф. Лоя ограничился лишь незначительной переработкой своих прежних лекций и прочитал курс явно неудовлетворительно. В его лекциях не была раскрыта сущность важнейших сталинских положений о языке. К тому же некоторые из них были искажены. Так, например, проф. Лоя противопоставил грамматический строй словарному составу языка, примитивно охарактеризовал базис и надстройку, поверхностно изложил признаки языка и т. д.

В представленных в ЦК КП(б) Латвии тезисах доклада на тему «Учение И. В. Сталина о языке и задачи латышского языкознания» проф. Лоя обрушил весь свой полемический пыл на заведующего кафедрой латышского языка Латвийского государственного университета т. Озола. Объектом критики для проф. Лоя явились тезисы доклада т. Озола «О нормах современного латышского языка», прочитанного в Латвийском университете. Огульно приписывая тезизам буржуазно-националистические ошибки, проф. Лоя сам демонстрирует непонимание им того, что «национальный язык есть форма национальной культуры, что национальный язык может обслуживать и буржуазную и социалистическую культуру...» [5] Ведь

[5] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 21.

«культура может быть и буржуазной и социалистической, язык же, как средство общения, является всегда общенародным языком и он может обслуживать и буржуазную и социалистическую культуру» [6].

Пора проф. Лоя в этом разобраться.

Не прав также проф. Лоя, когда утверждает, что в Латвии якобы не существовало науки о языке до установления Советской власти. В латвийском языкознании была школа проф. Эндзелина; буржуазная наука о языке существовала в Латвии, и несомненно, что из нее кое-что полезное (особенно в области истории языка) можно и должно извлечь.

Конечно, нельзя пройти мимо некоторых неправильных позиций, которые занимают в языкознании наш заслуженный языковед проф. Эндзелин и некоторые его последователи, пропагандирующие догматический метод в языкознании.

Проф. Эндзелин встретил в штыки попытки языковедов исследовать современный латышский язык и в качестве диссертационных тем рекомендовал прикрепленным к нему аспирантам по преимуществу изучение текстов библий и катехизисов XVI в. Это отнюдь не случайно. В предисловии к «Грамматике латышского языка», изданной впервые в 1908 г. и переиздававшейся неоднократно в последующие годы, проф. Эндзелин писал: «Родник латышского языка во всей своей чистоте бурлит теперь в старом поколении, которое еще не поддалось влиянию ни книжников, ни газетчиков, ни других языков. Напротив, новое поколение, обучаясь в школе иностранным языкам, быстро теряет чувство языка, говорит и пишет по-латышски в духе русского или немецкого языка».

Для проф. Эндзелина характерен уход в прошлое, стремление рассматривать язык метафизически, как вечную категорию, что противоречит учению И. В. Сталина об образовании наций и национальных языков. В курсовых работах студентов проф. Эндзелин делал упор на выискивание «ошибок» и «исправление» якобы засоренного языка латышских советских писателей, лауреатов Сталинских премий. По его мнению, латышский народ и латышские советские писатели говорят испорченным языком, в результате влияния соседних языков.

Конечно, проф. Эндзелин не является сторонником учения Марра, и ошибочно было бы устанавливать какую-то аналогию между «теорией» Марра и взглядами проф. Эндзелина. Но у проф. Эндзелина и его учеников есть одна общая с марровцами черта — это непризнание критики. Проф. Эндзелин всякую справедливую критику некоторых его неверных положений в языкознании отметает, так сказать, с порога, заявляя, что «с критиками он не хочет быть под одной крышей». Проф. Эндзелин ни разу не выступил с открытым признанием своих ошибочных положений, высказанных в «Грамматике латышского языка» и других опубликованных трудах.

Конечно, такая линия поведения проф. Эндзелина явно противоречит указаниям И. В. Сталина о борьбе мнений, о принципиальной критике и самокритике как двигателях всякого научного развития.

Еще в своей работе «Анархизм или социализм?» И. В. Сталин напоминал об известном диалектическом положении: «Все то, что изо дня в день растет,— разумно, а все то, что изо дня в день разлагается,— неразумно и, стало быть, не избегнет поражения» [7].

Нам нет никакой необходимости поддерживать в языке то, что отживает свой век, обречено на исчезновение и, значит, неразумно. Патриотический долг советских языковедов — применить гениальные указания товарища

---

[6] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 20.
[7] И. В. Сталин, Соч., т. I, стр. 299

Сталина по вопросам языкознания к материалу своей специальности, разработать на основе сталинского учения о языке конкретную историю отдельных языков, создать грамматики, отвечающие требованиям сталинского учения о языке.

Большую роль в деле развития науки о языке и подготовки национальных кадров лингвистов призван сыграть Институт языка и литературы Академии Наук Латвийской ССР.

Однако в этом институте до появления трудов товарища Сталина крепко обосновались последователи «нового учения» о языке. Вместе с тем в институте слабо проводилась борьба с буржуазно-националистическими тенденциями в латышском языкознании, которые проявлялись в пуризме, а также в игнорировании языка прогрессивной латышской литературы, особенно советской, в игнорировании всего того, что принес в язык советский народ, в игнорировании слов и выражений, заимствованных из русского языка.

Научные работники избегали постановки серьезных теоретических проблем, сводили изучение языка к сбору и некоторой систематизации фактов. Отсутствие координирования исследовательской работы по языку в высших учебных заведениях и научных учреждениях республики приводило к ненужному параллелизму в работе. Так, например, в 1950—1951 гг. предполагалось издать в республике два однотипных русско-латышских словаря.

Безответственно был составлен план научно-исследовательских работ сектора языка на 1946—1950 гг. Он не отражал нужд школ, вузов, общественности. За основу брались субъективные мнения некоторых наших языковедов, старшее поколение которых явно пренебрегает вопросами грамматики латышского языка. На 1946—1950 гг. сектор языка запланировал составление пяти словарей: полный словарь латышского языка, словарь латышского литературного языка, словарь латышских синонимов, топонимические названия Латвийской ССР, русско-латышский словарь.

Кстати, полезно будет вспомнить, что известный русский лексикограф Владимир Даль работал над составлением своего «Толкового словаря живого великорусского языка» около 40 лет. Научные же сотрудники сектора языка были расставлены так, что над каждым из упомянутых выше словарей работало не более одного-двух человек. Понятно, что при такой расстановке сил институт смог бы закончить работу только через несколько десятков лет.

В результате неправильного планирования работы сектор языка института в течение шести лет не дал ни одной законченной работы и не собирается опубликовать в ближайшие два-три года ни одного серьезного исследования.

Совершенно не получили отражения в плане вопросы грамматики латышского языка. Руководитель сектора языка считал, что изучение лексики и описание диалектов важнее разрешения насущных проблем грамматики латышского языка. По его мнению, в области грамматики все необходимое якобы уже сделано в буржуазной Латвии. Фактически же именно по этим вопросам наше языкознание намного отстало от русского советского языкознания.

После выхода в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» план научно-исследовательской работы был значительно перестроен: была прекращена на время работа над некоторыми словарями и силы сектора были сосредоточены на русско-латышском словаре.

В 1951 г. часть сотрудников института работала над статьями для сборника «Вопросы языкознания и литературоведения в свете трудов

И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“». Сектор языка оказал также некоторую помощь Министерству просвещения республики в рецензировании и обсуждении школьных учебников и программ.

Значительно удачнее составлен план на 1952 г.: учтены критические замечания, сделанные в нашей партийной печати и на XI съезде КП(б) Латвии в адрес института и прежде всего его сектора языка. В этом году сотрудники сектора языка начали работу над учебным пособием для вузов «Современный латышский литературный язык».

До сих пор наши языковеды составляли описание латышского литературного языка и определяли его нормы главным образом на основании исследования фольклорного материала и латышских письменных памятников, написанных несколько сот лет тому назад немцами-колонизаторами, недостаточно владевшими латышским языком, исказившими его и засорившими германизмами. Художественная и научно-политическая литература, а также периодика не исследовались, так как старшее поколение наших языковедов считало их язык испорченным. Поэтому крайне необходимы не только для вузов, но и для всех работников в области языка и литературы исследования по современному латышскому литературному языку.

Многие труды, над которыми научные сотрудники работают уже пять-шесть лет, еще не обсуждались. По топонимике проф. Эндзелином уже подготовлена рукопись в объеме 35 авторских листов, но так как она тоже еще не обсуждалась, трудно говорить о ее содержании в целом. Известно только, что это исследование представляет собой собрание ценных примеров и фактов. Топонимические названия в большинстве своем восходят к отдаленным временам, поэтому они представляют большой интерес для языковедов, историков, этнографов и других специалистов и важны для решения вопроса о древнейшем расселении славянских, балтийских и финских племен.

В институте тяжелое положение с кадрами языковедов: из 12 научных сотрудников только два имеют ученую степень и ученое звание. За шесть лет существования сектора ни один из сотрудников не сдал еще полностью кандидатского минимума и не защитил диссертации. Институт не использовал предоставленных ему возможностей по подготовке аспирантов-языковедов. За шесть лет в сектор языка принят только один аспирант. Работу этого сектора характеризует также то, что из 12 его сотрудников лишь трое в совершенстве владеют русским языком.

Недавно Институтом языка и литературы Академии Наук Латвийской ССР и Латвийским государственным университетом было организовано обсуждение книги проф. Я. Эндзелина «Грамматика латышского языка» (издание 1951 г.). На этой дискуссии вскрылись факты, свидетельствующие о том, что некоторые наши языковеды не могут еще разобраться в серьезных теоретических вопросах. Так, старший научный сотрудник Института языка и литературы т. Грабис переоценил этот труд проф. Я. Эндзелина, назвав его высшим достижением латышского советского языкознания, хотя он был написан в досоветское время и освещает проблемы не с марксистских позиций. Как известно, проф. Эндзелин марксистом никогда не был. Непонятно, как после гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания можно говорить о советском языкознании без марксизма, вне марксизма.

На этой же дискуссии были высказаны ошибочные взгляды также т. Диманом, который в своем выступлении целиком и полностью отверг работу проф. Я. Эндзелина «Грамматика латышского языка», а также труды других языковедов, появившиеся в досоветское время. Он заявил, что из этих трудов может быть использован только некоторый фактический

материал, все же научные обобщения, по мнению т. Димана, вредны. И. В. Сталин в своей работе «Марксизм и вопросы языкознания» указал на положительную роль сравнительно-исторического метода в языкознании, несмотря на существенные его недостатки. Подбор и систематизация фактов в работах проф. Эндзелина и других языковедов, пользовавшихся сравнительно-историческим методом, и сделанные ими выводы не могут быть просто отброшены, как это пытается делать т. Диман. Мы должны взять все то положительное и ценное, что имеется в досоветском языкознании.

*

Одной из важнейших задач латышского советского языкознания является обеспечение студентов и школьников учебниками и учебными пособиями по языковедческим дисциплинам.

После выхода в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» в школах республики достигнут некоторый перелом в преподавании латышского языка. Изучению грамматики теперь уделяется больше внимания. Однако учителям приходится сталкиваться с большими трудностями: у нас нет полноценных учебников и грамматик латышского языка, удовлетворяющих требованиям советской школы.

В латышских школах в первых четырех классах используются учебники З. Лубаниете «Азбука» и «Учебник латышского языка» для I, II, III и IV классов (издания 1951 г.). Эти книги в методическом отношении более или менее удовлетворительны, но они имеют серьезные недостатки в идеологическом отношении. Ни по своему построению, ни по содержанию они не отражают всего того нового, что в советское языкознание внес И. В. Сталин своим трудом «Марксизм и вопросы языкознания». Тексты для чтения бледны и невыразительны, в них не чувствуется советский человек и великая эпоха строительства коммунизма. Так, например, в учебнике для II класса дается рассказ о рыбаках, которые «втаскивают в лодку тяжелые сети» и «берутся за весла». В литературном материале не отражена советская действительность, не показаны новые методы механизированных и машинизированных трудовых процессов и т. д.

В V, VI и VII классах положение еще хуже. Здесь используется «Латышская грамматика» Тирзмалы и Деглавы. Эта книга вышла в 1950 г., но в ней также не учтены положения, выдвинутые И. В. Сталиным. Книга не удовлетворяет ни в идейном, ни в методическом отношении. В VIII, IX и X классах средней школы учителя и ученики все еще должны обходиться вышедшей в 1948 г. «Грамматикой латышского языка» Алксниса и Вилана. Эта грамматика является поверхностной переработкой анонимной, изданной в 1945 г., грамматики, которая, в свою очередь, была безответственной переделкой вышедшей в 1943 г., т. е. во время фашистской оккупации, грамматики некоей Берзинь. Грамматика Алксниса и Вилана ни в какой мере не соответствует требованиям советской школы.

В русских школах положение с учебниками латышского языка также тяжелое. Единственная, в общем приемлемая, книга имеется только для II и III классов. Для всех остальных классов нет подходящего учебника латышского языка, и учащимся поневоле приходится пользоваться устаревшими учебниками и хрестоматиями Озолиня.

Но если для школ еще есть кое-какие учебники латышского языка, то для высших учебных заведений и различных курсов их почти нет. Единственная дисциплина, по которой в распоряжении студентов имеется пособие,— это сравнительная грамматика балтийских языков: здесь может

быть использована книга проф. Я. Эндзелина «Звуки и формы балтийских языков». Остальные курсы (историческая грамматика латышского языка, история латышского литературного языка, диалектология и современный латышский язык) не обеспечены учебниками. По этим предметам студенты пользуются «Грамматикой латышского языка» проф. Я. Эндзелина и изданными в буржуазной Латвии описаниями латышских диалектов. Грамматика латышского языка Я. Эндзелина, как это отмечалось при обсуждении этого труда, не соответствует ни программе по курсу современного латышского языка, ни программе по исторической грамматике. Она не отвечает также программам по истории латышского литературного языка и диалектологии, но представляет собой своеобразный конгломерат различных материалов по всем указанным дисциплинам. Студентам очень трудно ориентироваться в ней. Крайне необходим учебник по курсу современного латышского языка. В «Грамматике латышского языка» Я. Эндзелина эта часть представлена крайне скудно. В ней не отражено развитие латышского языка в советское время, мало примеров из прогрессивной досоветской литературы и совсем нет примеров из советской литературы и публицистики.

Особенно чувствительно отсутствие учебника практического курса латышского языка для студентов-нелатышей.

*

Необходимо несколько слов сказать о положении в нашей республике с учебниками и грамматиками русского языка для латышей.

Изучение русского языка в республике ведется уже много лет, и успехи в этом деле несомненны. Широкие народные массы применяют свои знания на практике, читают политическую, художественную и специальную литературу, слушают лекции и доклады, сами говорят на русском языке и т. д. Но что же сделано за эти годы для того, чтобы облегчить усвоение русского языка? Как поставлено преподавание русского языка латышам, какие имеются учебные пособия?

Школы как будто обеспечены учебниками русского языка для всех классов, со II до VII.

Но каковы эти учебники? Это хрестоматии с текстами, расположенными бессистемно, без учета принципа нарастания трудностей в материале. Задания к текстам в них не связаны с основным содержанием, мало внимания уделяется работе над лексикой, над активным усвоением слов учащимися. Материалы для внеклассного чтения даны без всяких заданий.

В учебниках имеются устарелые или просто несуществующие русские слова (например, *охиреть*, *заштопка* и др.). Встречаются неправильные выражения и обороты речи. Все это засоряет и искажает русский язык.

В VII классе используется или грамматика для русских школ под редакцией акад. Щербы, или грамматика Матийченко — раскритикованный универсальный учебник для всех нерусских школ,— так что никакого сопоставления с родным языком учащимся не дается, специфика латышского языка не учитывается. Правда, в 1951 г. бригадой учителей составлена грамматика русского языка для латышских школ, но ее первую часть (морфологию) приходится заново перерабатывать, а вторую часть (синтаксис) необходимо дать в сравнении с новой грамматикой латышского языка.

Так обстоит дело в семилетке.

В десятилетке обучение русскому языку ведется тоже по универсальным хрестоматиям для нерусских школ. Это хрестоматии по русской литературе, а не по языку, т. е. они составлены по другим принципам и ставят себе другие задачи. Самостоятельно сопоставлять факты русского и латыш-

ского языков сами преподаватели не всегда могут, так как они недостаточно хорошо подготовлены и теоретически и практически, слабо владеют обоими языками. Поэтому ученики больше заучивают, чем сознательно усваивают материал, и часто приходят в вузы плохо подготовленными по русскому языку.

Положение с учебниками по русскому языку в вузах еще более сложное. До сих пор вышел лишь учебник русского языка проф. Я. Лоя (в 1948 г.) и грамматика Крючкова, Светлаева и Земского под редакцией Я. Лоя (тоже в 1948 г.).

Первый учебник не вполне удовлетворяет требованиям, предъявляемым к вузовскому учебнику, а вторая книга не приспособлена специально для учащихся-латышей (лишь в одном разделе русские литературные тексты даны в сопоставлении с латышскими текстами).

В отношении учебника русского языка для вузов уже проделана некоторая подготовительная работа коллективом преподавателей русского языка Латвийского университета, но все-таки до сих пор необходимых книг еще нет и когда они будут — неизвестно. А нужда в них велика, так как почти во всех вузах республики большинство преподавателей русского языка латышским языком не владеет. Нет также никаких самоучителей по русскому языку для латышей, которые индивидуально изучают русский язык.

Отсутствие учебников и учебных пособий по теоретическому языкознанию для филологических факультетов университета и Педагогического института ставит под угрозу преподавание языковедческих дисциплин в этих учебных заведениях.

Было бы весьма желательно издавать сборники научных статей преподавателей, студентов, работников Института языка и литературы, посвященные разработке актуальных проблем латышского языка, методике преподавания языковедческих дисциплин в школах и вузах.

Учитывая отсутствие учебников и учебных пособий по языкам для школ и вузов, отсутствие разработанной теории и методики переводов, терминологического словаря, толкового словаря, словаря синонимов латышского языка, настоятельно необходимо печатать отдельные наиболее удачные лекции и лекционные курсы по вопросам языкознания.

*

Чрезвычайно важный вопрос — это вопрос о языке перевода. Переводческая работа в Советском Союзе имеет огромное политическое и культурное значение. Переводы способствуют укреплению дружбы народов Советского Союза и углублению взаимных культурных связей. Переводы делают доступными для всех советских народов достижения великой русской культуры, что является могучим стимулом для развития национальных языков и национальных культур. Но переводы могут выполнять эти задачи только тогда, когда они стоят на должной высоте, когда они точно и выразительно передают содержание оригинала с учетом особенностей индивидуального стиля писателя. Самым важным фактором перевода является язык.

Каков язык в латышских переводах?

Лучше всего в нашей республике организован перевод на латышский язык произведений классиков марксизма-ленинизма. Эту работу с 1946 г. не без успеха выполняет Институт истории партии при ЦК КП(б) Латвии — филиал Института Маркса — Энгельса — Ленина. Институт дал на хорошем латышском языке, с унифицированной, по возможности, терминологией переводы полного собрания Сочинений В. И. Ленина, 13 томов Сочи-

нений И. В. Сталина, первого тома «Капитала» К. Маркса и ряда других произведений классиков марксизма-ленинизма.

Это достигнуто путем больших усилий, путем преодоления многих трудностей, особенно вначале, когда институту приходилось создавать много таких общественно-политических терминов, которых в латышском языке не было. Достаточно сравнить «Краткий курс истории ВКП(б)» в изданиях 1940 и 1950 гг., чтобы увидеть, в какой степени улучшилось новое издание.

Художественная литература, к сожалению, переводится значительно хуже. Правда, у нас имеются отличные мастера, давшие безупречные переводы произведений советских писателей и русских классиков на латышский язык. Следует отметить удачные переводы на латышский язык романа А. Толстого «Хождение по мукам» и комедии Грибоедова «Горе от ума», сделанные народным писателем Андреем Упитом. Однако не все переводы таковы. Основные причины недостатков в работе переводчиков — несовершенное владение языком оригинала, недостаточное знание латышской грамматики и всего лексического богатства латышского языка.

Не понимая текста оригинала, переводчики нередко прибегают к буквальному переводу. Например: *штаны и рубашки... из легкой бумажной материи* переводят: bikses un krekli izgatavoti no papīra [8], т. е. «из бумаги»; *кузнечный мех* переводится: kalēja kažokāda»[9] и др.

Недостаточное знание латышской грамматики приводит к неверному употреблению грамматических форм, например: *дергающееся лицо старика* — veča raustošā seja [10]. *Ты не бывал в Москве?* — Vai tu nebiji Maskavā? вместо Vai tu neesi bijis Maskavā? [11] и др.

Неверно употребляются предлоги: *А тебе только о Косте и нужно знать!* переведено так: Tev tikai par Kostju vien interese [12]; *делиться восторгами* — dalīties ar sejūsmu, вместо dalīties sajūsmā [13]; *старался не смотреть на мелькавшие из-за двери голые локти* — centāsne skatīties uz no turienes zibošiem kailiem elkoniem [14].

Некоторые авторы избегают употребления предлогов; например, предложение *оторвал от пола вторую ногу* переведено так: atrāva grīdai otru kāju [15] (т. е. «оторвал ногу у пола». — *Ред.*); *подполз к молодой ели* — pielīda jaunai eglei вместо pielīda pie jaunas egles [16].

Иногда прибавляется ненужный предлог: *он был в курсе всех событий, которые совершались в повседневной жизни* — viņš bija allaž kursā par visiem ikdienas dzīves notikumiem [17].

Встречаются ошибки и в употреблении прилагательных, местоимений, форм глаголов, неправильные обороты речи и т. д. Язык переводчика часто очень беден: в нем мало синонимов. Наблюдается известная трафаретность в подборе слов, например, прилагательное *веселый* переводится только словом jautrs, хотя имеются и синонимы: līksms, priecīgs; глагол *любить*, который обозначает и mīlēt, и patikt, и garšot, обычно

---

[8] Makarenko, Ped. poema, Рига, 1945, стр. 330.
[9] Там же, стр. 717.— Слово kažokāda образовано из kažoks (заимствовано русское «кожух») и āda «шкура».— *Ред.*
[10] Birjukovs, Kaija, Рига, 1946, стр. 256.
[11] I. Irošnikova, Kaut kur Sibirijā, Рига, 1946, стр. 87.
[12] Priležajeva, Ar tevi ir biedri, Рига, 1950, стр. 87.
[13] Tur pat, стр. 115.
[14] Polevojs, Stāsts par īstu cilveku, Рига, 1947, стр. 114.
[15] Там же, стр. 143.
[16] Там же, стр. 27.
Gladkovs, Stāsts par bērnību, Рига, стр. 363.

переводится глаголом mīlēt; так, *люблю картофель с селедкой к водочке* переводят: pie šnabja mīlu kartupeļus ar siļķi [18].

Переводить научную литературу легче, чем художественную. Однако и переводы научной литературы не свободны от упомянутых недостатков. Например, в таком труде, как «История СССР», в I томе (1949) встречаются грубые ошибки и искажения оригинала [19]. Перевод I и II томов Сочинений Мичурина (1951) сделан тяжеловесным языком, в нем также встречаются искажения авторского текста, путаница в терминологии [20].

В распоряжении переводчиков имеются два русско-латышских словаря, но количество слов в них сравнительно невелико, и они не могут полностью удовлетворить нужд переводчиков. Очень нужен полный русско-латышский словарь, нормативная грамматика латышского языка и словарь синонимов. Об этих необходимых для переводчиков пособиях обязан позаботиться Институт языка и литературы Академии Наук Латвийской ССР и Латгосиздат.

Крайне плохо поставлено рецензирование переводов. В республиканской печати не дается критической оценки качества переводов; в рецензиях, как правило, говорится лишь о содержании переведенных книг. Необходимо широко привлекать к рецензированию переводов научных работников Института языка и литературы, преподавателей языковедческих дисциплин Университета и Пединститута.

Нужно организовать среди переводчиков и языковедов широкую творческую дискуссию по вопросу о том, как следует употреблять при переводах диалектизмы русского языка, как поступать при переводах архаизмов — выискивать ли соответствующие архаизмы в латышском языке или обходить их, заменяя современными синонимами.

Практика работы латвийских языковедов показывает, что в области языкознания у нас имеются зияющие пробелы не только в смысле решения важнейших научных проблем, но и в проведении учебной работы в школах и вузах республики.

Эти пробелы необходимо ликвидировать в ближайшее время. Нужно решительно повысить ответственность работников Института языка и литературы, руководителей и преподавателей филологических факультетов за претворение в жизнь великого учения товарища Сталина о языке, от разговоров о перестройке перейти к перестройке по существу, на деле.

Институт языка и литературы Академии Наук Латвийской ССР должен стать центром научно-исследовательской работы в области латышского языкознания. Он должен повернуться к практическим задачам культурного строительства в республике, преисполниться сознанием высокой ответственности, которую возлагает на него латышский народ, наша партия и советское правительство.

Мы имеем совершенно ясные и четкие указания товарища Сталина о том, что̀ надо делать, чтобы оздоровить советское языкознание. Мы должны решительно перестроить научно-исследовательскую работу языковых кафедр и Института языка и литературы Латвийской Академии Наук, ориентируя ее прежде всего на создание новых учебников и учебных пособий для школ и вузов. Институт языка и литературы, как организационный и методический центр латышского языкознания, должен обеспечить комплексную разработку проблематики научных исследований по языкознанию, включить ее в планы научно-исследовательских работ языковед-

---

[18] Konovalovs, Universitate, Рига, 1950, стр. 94.
[19] См. рецензию Я. Зутиса в журнале «Padomju Latvijas bolševiks», 1950, № 18.
[20] См. рецензию П. Секуна в том же журнале, 1951, № 11.

ческих кафедр Латвийского государственного университета и Латвийского государственного педагогического института.

В связи с большим объемом предстоящих работ остро встает вопрос о повышении квалификации специалистов, о подготовке и переподготовке научных кадров через аспирантуру. Необходимо увеличить контингент аспирантов по языковедческим дисциплинам на филологических факультетах Латвийского государственного университета, Латвийского государственного педагогического института и в Институте языка и литературы Академии Наук Латвийской ССР. Требования, которые еще вчера предъявлялись к подготовке языковедческих кадров, сегодня уже совершенно недостаточны. Руководители языковедческого фронта должны равняться на будущее, ясно видеть, какие задачи выдвигает бурно развивающееся культурное строительство в республике.

Чтобы творчески пересмотреть важнейшие вопросы латышского языкознания на основе трудов товарища Сталина, надо шире развернуть работу по изучению основ марксизма-ленинизма нашими научными кадрами.

В тесном содружестве с учеными великого русского народа, при повседневной творческой помощи языковедов столицы нашей Родины — Москвы, языковеды Советской Латвии твердо станут на путь марксизма и с честью выполнят задачи, поставленные великим корифеем науки, знаменосцем мира, вождем советского народа товарищем Сталиным.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1952

И. А. ОССОВЕЦКИЙ

ОБ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания открыли широкий простор для плодотворной, творческой работы во всех областях науки о языке. Советское языкознание, выведенное из тупика «нового учения», получило возможность не только приступить к разработке тех научных тем, которые были вытеснены бездоказательными домыслами Н. Я. Марра и его последователей, но и заняться творческой работой над новыми проблемами, закономерно вытекающими из гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Особый интерес для советских языковедов приобретает проблема: язык и художественная литература и — другой аспект этой же проблемы — язык и устная народная поэзия.

Отмечая огромное общелингвистическое значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, акад. В. В. Виноградов пишет: «Еще глубже осознана важность всестороннего изучения народного языка, произведений устной словесности, фольклора, в которых содержатся драгоценные средства речевой выразительности, огромные языковые богатства; еще острее осознана потребность и необходимость использования этих словесно-художественных богатств в языке литературных произведений, в печати» [1]. Однако в основном изучение языка фольклора до сих пор остается за пределами научных интересов большинства исследователей русского языка.

Нельзя сказать, чтобы данные языка фольклора совсем не привлекались к исследованию при научной разработке тех или иных вопросов русского языка, связанных как с современным его состоянием, так и с его историей, но в большинстве случаев язык фольклора является не прямым объектом исследования, а привлекается лишь в качестве диалектологического материала [2].

Русские народные говоры уже давно стали предметом серьезного изучения, которое особенно широко развернулось в Советскую эпоху. По народным говорам собран огромный фактический материал, однако и записи и специальные монографии имеют в виду в основном бытовую диалектную речь, а не язык устной поэзии, который почти не привлекал к себе специального внимания ни языковедов, ни фольклористов.

Редким исключением были работы А. А. Потебни, но его интересные и глубокие мысли не получили достаточного развития в позднейших работах по фольклористике.

---

[1] Акад. В. В. Виноградов, Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и развитие советской науки о языке, М., 1951, стр. 25.

[2] См., однако, появившиеся в последние годы исследования А. П. Евгеньевой «О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв.» («Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР» т. VI, 1948); ее же «Язык русской устной поэзии» («Труды...», т. VII, 1949); ее же «Сочетание „жили-были“ в сказочном зачине» («Сборник статей памяти акад. Л. В. Щербы», 1951)

Для плодотворного изучения диалекта в его образно-экспрессивной функции, т. е. для изучения языка устной поэзии, необходимо располагать не только полноценными записями фольклора какой-либо местности (таких записей, опубликованных и неопубликованных, много), но и достаточно полными записями бытовой речи из той же местности. Только при этом условии исследователь получит необходимый для успешной работы материал, потому что специфические черты художественного языка устной поэзии определяются как таковые лишь методом сравнения с языком разговорным. В таком плане исследование языка фольклора почти не велось: проблема специфики языка фольклора в его отношении к языку разговорному не была достаточно четко осознана и сформулирована. Это сказалось и на собирательской практике как фольклористов, так и диалектологов, следствием чего и является относительная бедность материалов того типа, о котором говорилось выше.

Даже те исследователи, которые строили свои работы в основном на фольклорном материале и, казалось бы, должны были учитывать его специфику, не выделяли язык фольклора как особую экспрессивно-эмоциональную форму описываемого ими диалекта. Так, например, из статьи П. Н. Рыбникова «Об особенностях олонецкого поднаречия» [3], приложенной к его известному собранию, мы узнаем, что в качестве материала он пользовался преимущественно языком разговорным, а не только языком бытовых и былевых песен, однако данные языка этих песен не выделены из общего материала. Только в одном месте, говоря о необычности ударения, появившегося в некоторых словах под влиянием карельского языка, П. Н. Рыбников замечает: «В песнях слова произносятся правильнее» [4].

Аналогичное неразличение фактов языка фольклора и фактов языка разговорного характерно и для заметок Е. В. Барсова о языке причитаний [5]. В этих заметках автор хотел показать специфику языка причитаний как определенного жанра устной поэзии: «Не особенности только местных говоров отражаются в плачах; здесь мы встречаемся со множеством таких имен и глаголов, которые обращают на себя внимание особенностями своего образования: народное творчество не только свободно пользуется готовым запасом оборотов и выражений обыденной речи, но, под влиянием известного образа, для точного, единобытного его очертания легко создает новые слова или словам обдержным дает новую форму» [6].

Однако, правильно указав на специфичность языка причитаний, Е. В. Барсов не смог практически отделить факты языка изучаемого им жанра от фактов языка разговорного; он сильно преувеличил архаичность языка причитаний, считая архаизмом все то, что является таковым с точки зрения литературного языка, а не того диалекта, на котором причитания исполнялись.

Из более поздних работ того же типа отметим исследование Л. Л. Васильева о языке беломорских былин [7] и В. И. Чернышева о языке печорских былин [8]. Для обеих этих работ материалом послужили записи фольклора; однако ни Л. Л. Васильев, ни В. И. Чернышев не показали того, что характерно именно для языка былин, а не диалекта в целом. Поэтому

---

[3] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. III, изд. 2-е, М., 1910, стр. 326—350.
[4] Там же, стр. 332.
[5] Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым, ч. I, 1872, стр. XXII—XXXIII; ч. II, 1882, стр. 303—314.
[6] Причитания Северного края..., ч. I, стр. XXIV—XXV.
[7] Л. Л. Васильев, Язык «Беломорских былин», ИОРЯС, т. VII, кн. 4, 1902, стр. 1—42.
[8] В. И. Чернышев, Заметка о языке печорских былин, «Печорские былины», записал Н. Ончуков, 1904, стр. XXXVI—XLV.

их работы правильнее было бы назвать описаниями говоров по материалам былин. В этом отношении работа Л. Л. Васильева представляет больший интерес, чем работа В. И Чернышева; последняя в известной мере носит характер лингвистического указателя к сборнику былин Н. Ончукова [9].

Л. Л. Васильеву принадлежит еще одна статья, основанная на фольклорном материале [10]. Очень ценная в диалектологическом отношении, эта статья тоже ничего не дает для уяснения особенностей песенного языка.

Такая традиция отчасти продолжается и до наших дней. За годы Советской власти широко развернулось собирание фольклора как традиционного, так и советского, собранные материалы изданы в различных сборниках фольклора. Почти все такие сборники снабжены словариками местных слов, а к некоторым приложены описания «языка сказок» или «языка песен», представляющие собой неполный каталог случайно выхваченных диалектных черт.

История изучения устной народной поэзии показывает, что исследования в этой области тоже почти не касались языка фольклора как особой формы общенародного языка. Характерно, что основанная на лингвистическом материале теория болгарского происхождения русского эпоса, выдвинутая в свое время А. А. Шахматовым, до сих пор не получила развернутой критической оценки [11].

Изучение фольклора в русской науке шло такими путями, которые исключали возможность изучения его языка как самостоятельной темы. Одни ученые рассматривали фольклор с этнографической точки зрения, данные фольклора трактовались ими как этнографический признак на равных правах с другими: одеждой, жилищем, обрядами и т. д. Другие видели в фольклоре удобную область, где можно было в широких масштабах заниматься сравниванием различных «захожих» сюжетов и мотивов. Разъяв живую ткань художественного произведения «на мотивы», эти «ученые» усердно подыскивали им всевозможные параллели в мировом фольклоре, забывая, что художественное произведение не есть механическая сумма сюжетов и мотивов. В подобных работах произведения устной поэзии теряли всякий национальный колорит, все свое своеобразие и распадались на ряд механически соединенных кусков.

Естественно, что такой метод исследования подвергся суровому осуждению советской общественности как одно из проявлений идеологии космополитизма. Однако вплоть до недавнего времени давали себя знать рецидивы космополитического компаративизма в литературоведении, примененного, в частности, к материалу фольклора тюркских народов Советского Союза [12]. Само собой разумеется, что вопрос о языке того или иного произведения фольклора при таком порочном методе не только не ставился, но и не мог быть поставлен, потому что именно в языке с наибольшей силой воплощено то индивидуальное, единичное и вместе с тем национальное, что и составляет главную особенность всякого художественного произведения, в том числе и фольклорного.

---

[9] Интересно отметить, что А. В. Марков, составитель сборника «Беломорские былины», послужившего Л. Л. Васильеву материалом для его исследования, пытался в «Словаре местных и старинных слов», приложенном к сборнику, выделить те слова, которые он отметил не только в былинах, но и в обычном разговорном языке.

[10] Л. Л. Васильев, Гласные в слоге под ударением в момент возникновения аканья в обоянском говоре, ИОРЯС, т. IX, кн. I, 1904.

[11] Только в самое последнее время была предпринята интересная попытка пересмотреть этот вопрос на материале неполногласной лексики. См. Н. Н. Алексеев, Неполногласная лексика в былинах, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Псков, 1951.

[12] См. Л. Климович, По поводу одной статьи, «Дружба народов», 1951, № 4.

Некоторые ученые, наоборот, искали источники фольклора в русской исторической действительности, но делали это слишком прямолинейно, наивно-реалистически, не учитывая того, что они имеют дело не с историческими документами, а с художественными произведениями, в которых историческая действительность нашла свое отражение не непосредственно, а в художественно преображенном виде.

Н. Я. Марр и его последователи пытались по-своему поставить вопрос об изучении фольклора. Отвергая все, что было сделано до него, и всячески декларируя свой «качественно новый» подход к фольклорному материалу, Н. Я. Марр создал свою «концепцию» в фольклористике, которая странным и нелепым образом сочетает фантастические построения мифологов с космополитизмом «школы заимствования». В статье «Иштарь» Н. Я. Марр писал: «Первые, общественно слабо организованные люди — гениальные творцы в образах, великие поэты, но совсем неважные эрудиты-ученые. С плодами их творчества человечество не расстается в своем новом творчестве: на них, как на сокрытой базе, воздвигает или из них, как из готового материала, лепит новые формы» [13].

Для Н. Я. Марра важен не сам сюжет, не его оформление средствами языка, а отражение в формировании сюжета выдуманных им стадий мышления. Его интересовала «палеонтология» сюжета, подсказанная «палеонтологией» речи.

Последователи Н. Я. Марра пытались развить эти положения в коллективном исследовании сюжета о Тристане и Изольде [14]. Исследуя сюжет методом «палеонтологического анализа», авторы ставили перед собой задачу «проследить весь путь сюжетных трансформаций, отражающих отдельные этапы развития мышления, в зависимости от смены социально-экономических укладов» [15]; их интересовало не конкретное произведение само по себе, а процесс «стадиальных» трансформаций сюжета. Одна из статей сборника посвящена поискам «стадиальных эквивалентов» сюжета о Тристане и Изольде в русской сказке, причем «диастадиальное» изучение будто бы дало автору материал для пресловутого «семантического ряда» «вода — рука — женщина». Естественно, что при направленности исследовательского пафоса на отыскивание «стадиальных эквивалентов» сюжета и при полном невнимании к индивидуализации сюжета в конкретно-исторической языковой среде не могло быть и речи об изучении языка фольклора. Роль народного поэта сводилась лишь к механической передаче доисторического поэтического наследства со всей мутью «космического» мышления. Язык фольклора интересовал Н. Я. Марра лишь как некий архив «яфетидизмов», которые исследовались фантастическим методом фантастических четырех элементов. Последователи «нового учения» о языке именно это и ставили в заслугу Н. Я. Марру, выдавая его фантазии за новейшее достижение науки [16].

---

[13] Н. Я. Марр, Избр. раб., т. III, стр. 309.

[14] Тристан и Изольда, «Труды Института языка и мышления», II, 1932.

[15] Там же, стр. 4. Эта мысль отражена и в характерном подзаголовке: «От героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Афревразии».

[16] Так, акад. Н. С. Державин писал: «Его (Н. Я. Марра.— *И. О.*) классические труды в области палеоэтнографии, палеолингвистики, археологии и фольклора впервые проливают свет на самые сложные и самые важные проблемы нашей науки и помогают их разрешению... Они выводят мысль исследователя из узкого круга замкнутого в себе национальными или хронологическими рамками материала на широкий простор доисторических и древнейших исторических международных культурных связей и взаимоотношений и дают все основания для широких научных обобщений» («Отложения древнеармянских и древнегрузинских сказаний в южнославянском фольклоре», «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. IV, 1945, вып. 2, стр. 92).

*

И. В. Сталин учит, что «язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка» [17]. Из этого положения естественно вытекает вывод и о невозможности изучения истории народа без изучения истории его языка. Но полноценную историю языка нельзя построить без охвата всех конкретных форм народного языка и, в частности, без изучения языка художественных произведений на диалектах, условно говоря — «литературной» формы народных говоров.

Касаясь проблемы взаимоотношения общенародного языка и языка художественной литературы, акад. В. В. Виноградов пишет: «Функции языка в художественной литературе расширяются и усложняются. На базе общенародного языка, при помощи его выразительных возможностей, создаются формы художественного изображения, принципы речевого построения образов и характеров, приемы типизации и индивидуализации речи персонажей, осложненные способы ведения диалога, богатая художественная фразеология, целый арсенал изобразительных средств. Приемы и принципы художественного мастерства, образные обобщения передаются по традиции, некоторые из них включаются в общенародный язык. В национальную сокровищницу стилистики и поэтики входят те способы и приемы отражения и воспроизведения действительности в слове, которые исторически обогащаются в процессе развития национальной литературы. В закономерностях развития средств словесно-художественной образности и экспрессии выражается национальная специфика литературы» [18]. Все эти положения могут быть отнесены и к языку устного народного творчества как особой области образно-эстетической трансформации общенародного языка.

Проблема изучения языка устной поэзии может быть удовлетворительно решена только в том случае, если будет принято во внимание все многообразие фольклора. Известно, что под этим термином объединяются самые различные и непохожие друг на друга произведения народного творчества, у которых, в сущности, лишь один общий признак — устное бытование. Поэтому вопросы о специфике изучения языка фольклора могут быть сформулированы лишь в общем виде, конкретные же исследования должны идти по линии отдельных жанров.

Все жанры фольклора подразделяются на стихотворные и прозаические, в пределах каждой из этих групп есть свое, более дробное деление: например, былины, лирические песни, частушки и т. д., с одной стороны, и сказки, былички, устные рассказы и т. д.—с другой. Каждый жанр тоже не однороден, а состоит из нескольких видов, имеющих свою систему художественных образов и по-своему, своеобразно использующих выразительные средства общенародного языка. Например, героические былины значительно отличаются от былин новеллистических, песни лирические — от песен обрядовых и т. д. То же и в прозаических жанрах. Например, под термином «сказка» объединяются самые различные рассказы, начиная от сложной фантастической сказки и кончая коротким юмористическим бытовым анекдотом.

В пределах почти каждого жанра можно выделить советский фольклор, который представляет собой качественно новое явление устной народной поэзии; это качественное своеобразие советского фольклора обусловлено его идейным содержанием, которое находит отражение и в языке соответ-

[17] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 22.
[18] Акад. В. В. Виноградов, цит. соч., стр. 27.

ствующего произведения. «Эпос, создаваемый в наше время, так же как и другие виды современной народной поэзии,— пишет А. М. Астахова,— представляет поэтическое творчество нового качества и в идейном и в художественном отношении, однако использующее богатое поэтическое наследие, выработанное многовековой творческой деятельностью народных масс»[19].

Из сказанного следует, что понятие «язык фольклора» весьма неоднородно и многогранно; оно включает в себя далекие друг от друга факты. Если одни жанры, например, былины, представляют собой большие стихотворные произведения с развернутой системой образов и чрезвычайным богатством изобразительных средств, то другие, например, пословицы и поговорки, стоят на грани произведения фольклора и устойчивого фразеологического выражения. Однако все жанры фольклора объединяются тем, что они представляют собой образно-художественный аспект общенародного языка в его устном бытовании. Это дает возможность говорить об общих закономерностях развития языка фольклора.

Настоящая статья построена преимущественно на материале стихотворного фольклора (былин и лирических песен), потому что специфика языка фольклора проявляется в этих жанрах очень отчетливо, чего нельзя сказать о других жанрах. Например, пословицу, а особенно поговорку можно рассматривать как фразеологизмы, свойственные языку вообще, а не только языку художественного произведения. И по условиям своего бытования в языке пословицы и поговорки не похожи на фольклор, они никогда не «исполняются», а существуют в языке и функционируют в нем так же, как и другие фразеологические обороты. Думается, что изучение пословиц и поговорок должно входить составной частью в изучение лексики и фразеологии языка в целом.

Язык фольклора тесно связан с литературным языком, потому что оба они имеют своей базой общенародный язык и оказывают друг на друга сильнейшее влияние. Характер этого взаимного влияния в разные исторические эпохи был неодинаков. В наше время сфера влияния литературного языка на фольклор все больше и больше расширяется. Полноценное изучение истории литературного языка невозможно без изучения языка фольклора. Такое изучение должно охватывать все его структурные элементы. Предстоит изучить закономерности взаимного влияния и обогащения языка фольклора и языка художественной литературы в конкретно-историческом плане. Метод чисто внешних сопоставлений, выискивания фольклорных «цитат» в тексте художественного произведения письменной литературы не может быть эффективным. «Традиционный путь сравнительного изучения литературы письменной и устной — сопоставление сюжетов, мотивов, художественных «приемов», фразеологических сочетаний и даже отдельных слов,— пишет В. П. Адрианова-Перетц.— Это сопоставление часто производится механически, в отрыве от исторической действительности, создавшей памятник, вне связи с общим замыслом, композицией, вне исследования функции каждого из сравниваемых элементов, и вопрос о самой сущности родства литературы и устной поэзии даже не ставится» [20].

Соотношение фольклора и письменной литературы было неодинаковым в разные исторические эпохи. Если многие произведения древнерусской

---

[19] А. М. Астахова, Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития науки о народном поэтическом творчестве, «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. X, 1951, вып. 6, стр. 539—540.

[20] В. П. Адрианова-Перетц, Древнерусская литература и фольклор, «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», т. VII, 1949, стр. 9.

литературы почти целиком строятся на фольклоре, то в позднейшие периоды наблюдается уменьшение влияния фольклора на художественную литературу (и, в соответствии с этим, расхождение языка фольклора с языком письменной литературы), хотя надо отметить, что это влияние никогда не прекращалось.

Язык письменной художественной литературы и фольклора — это образно-эмоциональный язык: и в письменной и в устной литературе средства общенародного языка используются не только в функции коммуникативной, но и в эмоционально-экспрессивной, формируя тот индивидуальный стиль, который характерен для данного писателя или для безымянного произведения устной поэзии. Однако, при сходстве функций, реализация общенародного языка в письменной литературе и в фольклоре различна. Язык писателя представляет собой синтез отобранных языковых средств общенародного языка и черт индивидуального речетворчества, которое осуществляется по действующим моделям языка общенародного; в индивидуальном речетворчестве писатель реализует потенциальные возможности языка. Соотношение этих двух сторон в языке писателя бывает разное, причем наличие первой обязательно, а вторая может отсутствовать. В языке фольклора преобладают выразительные средства общенародного языка, уже существующие в языке, но не как факты повседневной речи, а как факты языка эмоционального. Доля индивидуального речетворчества в фольклоре незначительна, хотя бы потому, что художественное творчество в фольклоре состоит прежде всего из коллективного, а потом уже из индивидуального. Но преобладание коллективного над трудно поддающимся учету индивидуальным, отсутствие фиксированного авторства в фольклоре — это скорее внешнее отличие его от письменной литературы, чем отличие по существу. Бóльшее значение имеет то, что автор произведения устной поэзии, реализуя в языке свой творческий замысел, в первую очередь широко пользуется богатейшим фондом выразительных средств языка устной поэзии, выбирая то, что наиболее соответствует в данный момент его творческому настроению. Индивидуальный отбор выразительных средств языка почти всецело подчинен традиции и зависит от выбранного жанра. Такое творчество выливается в создание нового варианта, в котором сходства с другими вариантами больше, чем различия. В фольклоре в гораздо большей степени, чем в художественной литературе, индивидуализация идет по линии жанра: художественные стили разных жанров резко различны, но в пределах жанра, сопоставляя варианты одинаковой сохранности и одинаковой художественной ценности, трудно заметить, какими выразительными средствами языка один вариант отличается от другого. Индивидуальному речетворчеству, а также индивидуальному отбору эмоционально-экспрессивных средств языка в фольклоре отведена подчиненная роль, хотя возможно, что категоричность подобного утверждения относительна, так как индивидуальные стили сказителей и певцов почти не изучены [21]. Во всяком случае, в фольклоре, особенно стихотворном, встречаются такие факты, которые поражают своей единичностью (например, суффиксные образования имен), но решить, представляют ли они собой результат индивидуального речетворчества или принадлежат к языковым особенностям жанра в целом, пока не представляется возможным.

---

[21] Уже П. Н. Рыбников обратил внимание на индивидуальные особенности исполнения былин, а также на некоторые слова и обороты речи, свойственные тому или иному сказителю (см. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым, т. I, изд. 2-е, 1909, стр. XCIV—XCVI). Об индивидуальном стиле исполнения былин одного из крупнейших сказителей (В. Щеголенка) см. статью Н. В. Васильева «Из наблюдений над отражением личности сказителя в былинах» (ИОРЯС, т. XII, кн. 2-я, 1907, стр. 170—196).

Различие в творческом выборе средств общенародного языка для лепки художественного образа и для всей ткани художественного произведения в литературе письменной и в литературе устной в целом коренится в совершенно различном соотношении общенародного и индивидуального, личного и традиционного в этих двух видах творчества.

Язык фольклора в значительной степени традиционен и в силу этой традиционности сохраняет в себе много такого, что уже вышло из употребления в языке разговорном, стало архаизмом, но, продолжая жить в составе того или иного произведения устной поэзии, переходит в разряд специфических выразительных средств языка: выход в язык разговорный такому архаизму уже закрыт. Пережиточные факты общенародного языка удерживаются и продолжают жить в фольклоре, однако функция их уже не только коммуникативная, но и коммуникативно-экспрессивная.

Правда, тот или иной писатель тоже может обратиться к истории языка и выбрать из его архивного фонда нужные ему языковые средства (преимущественно лексические и синтаксические) для воссоздания исторического колорита. Но отличие такого употребления архаизмов в широком смысле состоит в том, что в художественной литературе это явление единичное, подсказанное индивидуальным творческим замыслом. У писателя такое употребление архаизмов не есть непосредственное продолжение языковой традиции: он как бы оставляет современную ему языковую практику и обращается к ее истории; степень соответствия историческому прошлому языка зависит в равной мере от таланта писателя и от его знания исторического прошлого языка своего народа. Поэтому нередки случаи, когда старинная речь, воспроизводимая в художественном произведении, далеко не соответствует реальному языку, зафиксированному в памятниках письменности той же исторической эпохи.

В фольклоре такого положения быть не может. Архаизм, вышедший из употребления в разговорной речи, переходит в разряд художественных средств, начинает жить другой жизнью и как художественное средство является уже не архаизмом, а действующей нормой. Его употребление контролируется всей художественной языковой практикой фольклора [22]. Писатель, реализуя свой художественный замысел, может выходить (и часто выходит) за пределы литературного языка. Поэт народный (носитель фольклора) не выходит за пределы языковых норм фольклора, но зато он широко пользуется всем богатством средств традиционной поэтики. Эта поэтика высокого стиля по преимуществу, поэтому каждое произведение фольклора «выше» по языку, чем обычная разговорная речь.

Что же формирует высокий стиль многих произведений устной народной поэзии, какова материальная, языковая основа этого высокого стиля? Какие специфические языковые средства общенародного языка сформировали стиль героической былины, фантастической сказки, лирической песни, причети и т. д.? Эта проблема, имеющая большое значение для уяснения специфики языка фольклора, не только не поставлена, но и не выделена из более общей проблемы отношения языка фольклора к языку разговорно-бытовому.

Конечно, все разновидности художественного языка имеют своей основой один и тот же общенародный язык, однако соотношение разных элементов общенародного языка в этих разновидностях неодинаково. Именно это различие в подборе выразительных средств языка и создает индивидуализированный облик каждого жанра и отдельного произведения в пределах жанра.

---

[22] Разумеется, речь идет о хороших вариантах хороших исполнителей. В противном случае все закономерности оказываются сбитыми.

Высокий стиль фольклора шире по охвату, чем разговорно-бытовая диалектная речь, лексика этого стиля богаче, синтаксис сложнее. Возникает вопрос, откуда же исполнители произведений фольклора берут «строительный материал» для высокого стиля, если они владеют лишь своим диалектом, на котором нет ни письменной, ни научной литературы и т. д.? При решении этого вопроса надо исходить не из современных условий бытования традиционного фольклора, а обратиться к эпохе возникновения и становления того или иного жанра и выяснить условия его бытования. Наиболее полный материал дает здесь язык былин.

Героический эпос складывался в то время, когда устный общенародный язык, которым народный певец пользовался как материалом для своего творчества, имел гораздо более широкую сферу бытования, чем любой из современных диалектов. Это был язык высокой культуры, о реальности которого с несомненностью свидетельствуют факты истории русской литературы. Вот что пишет по этому поводу Д. С. Лихачев: «Необычайно быстрый рост русской литературы XI—XII вв. находится, прежде всего, в связи с тем высоким уровнем русского устного языка, на котором застает его появление и широкое распространение русской письменности. Русский язык оказался способным выразить все тонкости отвлеченной богословской мысли, воплотить в себе изощренное ораторское искусство церковных проповедников, передать сложное историческое содержание всемирной и русской истории, воспринять в переводах лучшие произведения общеевропейской средневековой литературы. И это произошло потому, что созданию письменного литературного языка предшествовал устный литературный язык, язык „устной литературы“, содержание которой не покрывалось одним только фольклором.

В основе большинства лучших произведений русской литературы XI—XII вв. лежат произведения литературы устной... Следы высокой культуры именно устной речи явственно ощутимы и в “Слове о полку Игореве“... Почти всякое известие летописи, прежде чем быть записанным летописцем, было им услышано, отложилось в устной речи прежде, чем в письменной» [23]. Вот этот-то высокоразвитый устный язык старшей поры и есть основа высокого стиля многих жанров фольклора, в первую очередь—героического эпоса. Язык этот был гораздо богаче любого диалекта, он был общенародным. Особенности языка былин, отличающие его от разговорной диалектной речи и имеющие характер архаизмов, не были таковыми в эпоху их создания. Но они не были также свойственны и разговорному языку. Это были факты общенародного устного языка художественного творчества, его выразительные средства.

Устная эпическая традиция во многом сохранила и донесла до наших дней этот высокоразвитый устный общенародный язык. Однако данные языка былин нельзя приравнивать к данным языка памятников письменности. Ведь подавляющее большинство былин (а также песен, сказок и других жанров фольклора) записано не ранее второй половины XIXв. из уст сказителей, певцов и сказочников, владевших только своим говором.

Поэтому в традиционном фольклоре, наряду с архаизмами, представлен (и в гораздо большем объеме) и говор исполнителя, не испытавшего влияния регламентирующих норм литературного языка. Если древнерусский язык и представлен как-то в фольклоре, особенно в былинах, то лишь фрагментарно, на широком фоне современного языка, и выделять эти фрагменты надо очень осторожно.

---

[23] Д. С. Лихачев, «Повесть временных лет» (историко-литературный очерк), II, Приложения, 1950, стр. 29—30.

Можно сказать, что по своему содержанию, в отношении системы художественных образов, былины даже более архаичны, чем по языку. Ср. еще более архаичные по содержанию волшебные сказки в передаче современных сказочников.

Ни один жанр фольклора не представляет собой чего-то застывшего как в отношении системы художественных образов, так и в отношении языка. Однако проследить эту исторически обусловленную эволюцию фольклора в отношении языка очень трудно, в первую очередь из-за отсутствия достаточного материала. Например, о широком бытовании фольклора в древней Руси можно судить лишь по тем включениям фольклора в древнерусскую литературу, которые определяются путем литературоведческого анализа. Записи же фольклора как такового — сравнительно недавнего происхождения. Например, самые ранние записи былин датируются XVII в., причем количество записанных текстов невелико (всего пять), так что материала для сопоставления с позднейшими записями для выяснения проблемы эволюции этого жанра очень немного. Тем не менее даже такой небольшой материал позволяет сделать определенные выводы о своеобразии языка былин именно XVII в., об ином соотношении языка фольклора и языка советских памятников, чем в более позднее время [24].

В ходе исторического развития многие факты общенародного устного языка перестали употребляться в разговорной речи крестьянина-сказителя и стали характерными только для былин, для их высокого стиля. Многое забылось, но то, что сохранилось в памяти, передавалось по традиции и превратилось впоследствии в архаизм с ярко выраженной стилистической окраской. В первую очередь это относится к лексике былин, которая выходит далеко за пределы лексики местного диалекта. Сюда относятся географические названия, названия деталей быта, пейзажа и т. д. В былинах встречаются и такие слова, значения которых сказитель совсем не понимает, но продолжает употреблять, потому что «так поется».

После появления письменности книжная литература тоже стала оказывать влияние на язык фольклора. Повидимому, этому влиянию былины обязаны целым рядом языковых особенностей несомненно книжного происхождения, например, неполногласной лексикой, занимающей значительное место в былинах [25]; изучение этой лексики в составе языка фольклора может много дать для решения более общей проблемы о церковнославянских заимствованиях в русском языке в целом.

Не следует, однако, думать, что высокий стиль формируется и определяется только теми языковыми средствами, которые получены от далекого прошлого по наследству и составляют, так сказать, традиционный фонд художественных средств фольклора. Такие художественные средства — только одна из особенностей языка фольклора. Многовековое бытование произведений народной поэзии в устной передаче способствовало непрерывному творческому созиданию новых выразительных средств языка, которые на протяжении веков подвергались отбору, шлифовались и доводились до высокой степени совершенства. Но эти новообразования не попадали в разговорный язык, сохраняя колорит высокого стиля. Повидимому, так создавался художественный язык таких жанров, как лирическая песня, причеть и некоторые другие.

---

[24] См. А. П. Евгеньева, Язык былин в записях XVII века, «Изв. АН СССР Отд. лит-ры и яз.», т. III, 1944, вып. 4, стр. 165—176.

[25] Ср., однако, мнение Н. Н. Алексеева об исконно русском характере значительного слоя неполногласной лексики (цит. соч., стр. 3—4).

*

Приведем некоторые иллюстрации к высказанным положениям о специфичности фольклорного языка как языка художественного произведения.

Одна из особенностей синтаксиса народной песни — это так называемый паратактический строй речи, при котором отношения, связи между словами не выражены управлением, падежными формами, а лишь слегка намечены порядком слов [26]. Паратаксис известен и в разговорном стиле как в диалектах, так и в литературном языке, но почти не встречается в «высоком» стиле последнего. В языке же былин и песен, представляющем собой «высокий» стиль диалекта, паратаксис — обычное явление.

Как во *садичке, садичке,*
Во зеленом *винограднички,*
На ракитовом *на кустичке*
На малиновом *на прутичке*
Не соловушко песенки поет,
Холостой парень насвистывает[27].

Растопися, банюшка,
Разгорися, каменка,
Рассыпься, крупен жемчуг,
По дубовому столику,
По серебряну блюдечку[28].

Ён сел, у́пал *на шырокий двор...*
На растворчита акошачка,
На сиребрину причалинку[29].

Тот же прием встречается и в былинах. Например:

Пошли *ко Васке* на широкий двор
К тому чану зелену вину[30].

Грамматическая равновеликость слов при паратактическом строе влечет за собой их «подравнивание» и в отношении эмоциональности. Отсюда и большое количество суффиксов субъективной оценки, одинаково эмоционально окрашенных в соединенных паратактически членах предложения.

В приведенных примерах, типичных для языка былин и лирических песен, паратактические конструкции преобладают, тогда как в бытовой диалектной речи их удельный вес невелик.

В народной песне часто встречается связанный с паратактическим строем речи прием выражения общего понятия путем перечисления частных, в него входящих. При этих обобщениях частное понятие применяется как условное обозначение общего. Поэтому лексическое значение слова, обозначающего такое частное, уже не играет основной роли, оно имеет подчиненный характер. Если для обозначения общего употребляется два или несколько частных, то их лексическая «облегченность» способствует тому, что либо их признаки могут переходить от одного к другому, либо при повторении одно безразлично заменяется другим. Отсюда вытекают

---

[26] См. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, ч. III, стр. 209. Приведя пример (из санскрита) паратактического строя речи: «раздавлены ногами слонами», А. А. Потебня пишет: «Раздавлены ногами слонами» не бессмысленно: действительно «слонами» (т. е. их) «ногами». Только здесь отношение между двумя вещами никак не выражено, и они изображены, так сказать, на одной плоскости, без перспективы. И насколько отсутствие перспективы в живописи древнее ее присутствия, настолько эти паратактические обороты по типу древнее таких, конечно, тоже восходящих в глубокую древность, но более согласных с нашей привычкой к объединению мыслей, как «ногами слонов».

[27] Песни, собранные П. В. Киреевским, Новая серия, вып. I, 1911, № 476.

[28] Там же, № 517.

[29] Курский сборник, Материалы по этнографии Курской губернии, Курск, 1902, ч. I, № 30.

[30] Сборник Кирши Данилова, Спб., 1901, стр. 32.

те кажущиеся, с точки зрения разговорного языка, противоречия в определениях и несовместимость частностей, которые так обычны для языка песенного фольклора. В этих случаях также наблюдается одинаковость форм слов, обозначающих частные понятия: если слово, называющее общее понятие, окрашено определенной эмоцией, то соответствующие суффиксы появляются во всех словах, обозначающих частные понятия:

Уж ты ель моя, *елушка*,
Зеленая *сосенушка*[31].

Соловей мой, *соловеюшко*,
Соловей мой молоденький,
Отлетная *пташечка*, рябая *кукушечка*[32].

На тэй на сасёнушки
Со́кал гняздо́ сывива́л
Сы ма́лыми *дётками*
З бе́лами *галубятками*[33].

Как ва *ельничку*, у *сасельничку*,
Да ва густиньким *биревничку*...
Да нямношка мине *волк* ня съел,
Да *вядьмедюшка* ня ро́зарвал[34].

Аналогичное явление наблюдается и в эпитетах:

Уж вы кудри, вы кудри мои,
Золоты кудри, *серебряныя*,
Через волос *позолоченыя*![35]

По мосту мосту, по *калинному*,
По *калинному* мосточку, по *малинному*[36].

Только побледнением лексического значения слова в составе паратактической конструкции можно объяснить то, что ель одновременно называется сосной, соловей — кукушкой и т. д.

Одним из основных композиционных приемов построения лирической песни является прием ступенчатого сужения образов, описанный Б. М. Соколовым [37]. По всей вероятности, генетически это не художественный прием, а просто описание места действия, но описание такое, где члены предложения соединены между собой паратактически:

На До́нику, на Даночьку,
На крутиньким биряжо́чьку,
На жолтиньким на пясочьку,
На раки́тавам на кусто́чьку
Салавей гняздо сывива́я [38].

Синтаксическое явление, лежащее в основе ступенчатого сужения образов, первоначально вовсе было лишено эстетической функции, однако с течением времени, прочно ассоциировавшись с песней, это явление перешло в разряд художественных средств языка.

---

[31] П. В. Шейн, Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. I, вып. 1—2, 1898—1900, № 1953.

[32] А. И. Соболевский, Великорусские народные песни, т. III, 1897, № 142.

[33] М. Г. Халанский, Народные говоры Курской губернии, «Сборник ОРЯС», т. 76, Спб., 1904, № 294.

[34] Курский сборник..., ч. I, № 26.

[35] Песни, собранные П. В. Киреевским..., вып. I, № 15.

[36] П. В. Шейн, цит. соч., № 784.

[37] Б. М. Соколов, Экскурсы в область поэтики русского фольклора, «Художественный фольклор», 1926, вып. 1.

[38] М. Г. Халанский, цит. соч., № 47.

В песенном фольклоре встречаются и синтаксические архаизмы, сохранившиеся в песенном языке лишь в силу поэтической традиции и воспринимаемые как традиционные компоненты стиля песни, как одно из ее художественных средств. Иногда такие синтаксические архаизмы входят в фразеологические обороты и выступают как определенные словесные формулы с яркой стилистической окраской. В качестве примера можно указать на своеобразную предикативную функцию деепричастий в языке былин, в составе оборотов, употребляемых обычно при описании быстрого отъезда богатыря:

Только видели Чурилушку *сидючи*,
Не видали дородного *едучи*,
Как стрелу его *катючи*...[39]

Они видели-то добрых молодцов на добрых коней *сежаючись*,
А не видели ихной поездки богатырьской *поезжаючись*...[40]

Тольки видели-то добра молодца *сряжаючись*...[41]

Территориальные диалекты не существуют изолированно, они соприкасаются друг с другом. Междиалектные связи приводят к тому, что в фольклоре вырабатываются такие языковые образования, которые выходят за пределы бытования данного диалекта: создаются произведения, язык которых нельзя ограничить узкими рамками одного диалекта. Таков, например, язык многих лирических песен, ее лучших «классических» образцов, территория бытования которых совпадает с территорией распространения русского языка. Невозможно предположить междиалектную «миграцию» многих лирических песен. Широкая область их бытования, специфика их художественной формы указывают, что язык этих песен — явление общенародное, а не только диалектное. Любопытно при этом отметить, что «выход» за пределы диалекта сказывается не в фонетике, которая в каждом варианте строго соответствует нормам местного диалекта, а главным образом в лексике. Что же касается синтаксиса, то он почти одинаков в разнодиалектных вариантах фольклорных произведений; это отчасти обусловлено тесной связью синтаксиса стихотворных жанров фольклора с их композицией [42].

---

[39] О. Х. Агренева-Славянская, Описание русской крестьянской свадьбы, ч. III, 1889 (цитируется по сборнику «Былины» под ред. Н. П. Андреева, 1938, стр. 356—357).

[40] Беломорские былины, записанные А. Марковым, 1901, стр. 380.

[41] Там же, стр. 103.

[42] Связь синтаксиса песни с ее композицией может быть проиллюстрирована на следующем примере. Многие лирические песни построены по композиционному принципу образного параллелизма, который выражается в том, что внутренний мир персонажей песни проецируется во вне, сопоставляется с явлениями природы: например, березка клонится — девушка плачет и т. д. Связь между душевными переживаниями персонажей песни и явлениями природы очень тесная, и это показано синтаксическими средствами. Возникает синтаксический параллелизм, являющийся языковой реализацией параллелизма образного:

Как на синем было да на море,
На горючем да белом камушке,
Тут сидела бела лебедушка,
Добро жалобно она клыкала.
Ко белу камню да припадаючи,
Ко синю морю да причитаючи.
. . . . . .
Во высоком да новом тереме,
За столами да за дубовыми,
За скатертями да все за браными,
Что за яствами да за сахарными (конец сноски см. стр. 106).

Нельзя, однако, думать, что язык некоторых жанров, имеющих всеобщее распространение, вовсе лишен диалектных черт или что эти черты свойственны ему лишь в минимальной степени. Нужно иметь в виду, что каждое произведение фольклора исполняется на том диалекте, которым владеет исполнитель, но с большими «выходами» за пределы этого диалекта. Существуют и другие факторы, которые следует иметь в виду при изучении языка народной поэзии. На язык произведения фольклора, в частности, былин, могут оказать влияние не только личные вкусы сказителя, но и принадлежность его к определенной школе или к определенной областной эпической традиции. Об этом влиянии пока можно говорить лишь предположительно и в самом общем плане, но все же вопрос этот своевременен, поскольку изучение областных эпических традиций уже принесло свои плоды [43]. Однако творческая индивидуальность исполнителя фольклора (даже самого талантливого) играет гораздо меньшую роль в формировании языка традиционного фольклора, чем творческая индивидуальность писателя в формировании языка художественного произведения.

Выше были сделаны некоторые замечания о лексике и синтаксисе песенного языка. Свои особенности имеют также фонетика и морфология песен, хотя и в значительно меньшей степени.

В одной из своих заметок по истории русского языка акад. А. И. Соболевский указывает на случаи употребления «неорганического йота» в языке песен (*на юлицы, за юбраным сталом, развадитя ягонь* и др.) [44]. Его материалы были пополнены Н. Дурново [45], который отметил «паразитное j» почти исключительно в языке песен и объяснил его появление стремлением избежать зияния, которое при пении чувствуется сильнее [46]. Это явление хорошо известно и языку былин [47].

Мысль о том, что фонетика разговорной речи отличается от фонетики песенного языка, лежит в основе современных требований изучать говоры по записям речи разговорной, а не песенной, и строго разграничивать факты языка разговорного и факты языка песенного [48]. Эта мысль все чаще и чаще подчеркивается современными диалектологами [49].

Тут сидела да красна девица
Свет су Марья да су Васильевна,
Ко столам она припадаючи,
Ко отцу она да причитаючи

(Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I, № 68).

Такое синтаксическое построение песни придает ей особую композиционную прозрачность и простоту. Синтаксический параллелизм, не являющийся архаизмом, создает особый колорит, особую организацию языка, не свойственную обычной речи и воспринимаемую как художественный прием, типичный для языка песенного фольклора.

[43] См. А. М. Астахова, Русский былинный эпос на Севере, Петрозаводск, 1948, гл. VII, стр. 333—369.

[44] А. И. Соболевский, Из истории русского языка, I, ЖМНП, 1901, октябрь, стр. 396—399.

[45] Н. Дурново, Паразитное j в великорусском наречии («Мелкие заметки по русскому языку», ЖМНП., 1902, № 6, отд. 2, стр. 257—260).

[46] См. там же, стр. 259.

[47] См. В. И. Чернышев, Заметки о языке печорских былин, стр. XLI.

[48] Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка, изд. МГУ, 1946, стр. 59.

[49] Ср. замечания В. Н. Сидорова (Наблюдения над языком одного из говоров рязанской мещеры», «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I, 1949): «Язык песни, представляя собой по сравнению с разговорной речью иной языковый „стиль“, осуществляет систему произношения, несколько отличную от фонетической системы разговорного языка» (стр. 94). Ср. также А. М. Селищев (Заметки по великорусской диалектологии, «Slavia», Ročnik VI, Sešit 2 a 3, 1927, стр. 458): «...язык песни невозможно во всех явлениях отождествлять с языком обиходным:

В некоторых случаях при пении могут обнаружиться такие фонетические черты, которые уже исчезли в обычной речи. Так, в одном говоре мне приходилось наблюдать, как при пении частушек певицы изредка цокали, тогда как в говоре этого села цоканье уже не наблюдалось. В другом селе при записи песен новой формации, попавших в репертуар певицы, видимо, из песенников, удалось установить отсутствие некоторых фонетических черт, свойственных «разговорному стилю» этой же певицы.

Однако фонетических расхождений между разговорным языком и языком песен все же немного. Фонетика любого фольклорного произведения, за исключением указанных выше особенностей и, вероятно, некоторых других, еще не отмеченных наблюдателями, обычно совпадает с фонетической системой говора. Фонетические отличия языка фольклора не окрашены стилистически, эти особенности никак не формируют язык фольклора как таковой. Фонетика в целом находится за пределами стилистических категорий языка фольклора. Особенности «песенной» фонетики, о которых говорилось выше, не представляют собой реализации какого-то художественного задания, не несут специфической стилистической нагрузки, а просто представляют собой факты произношения, осуществляемого при несколько измененных физиологических условиях, вызванных пением: это более «полный», более отчетливый стиль произношения. Такой «полный» стиль произношения возможен и в обычной разговорной речи, лишенной всякой образности [50].

Такому выводу нисколько не противоречит наличие в фольклоре аллитераций, ассонансов и других видов звукописи. В этих случаях стилистическую функцию выполняют не звуки сами по себе, а их совпадение или повторяемость.

Иную функцию выполняют факты морфологии. Все специфически фольклорные черты грамматики несут на себе стилистическую нагрузку, они-то, вместе с лексикой и фразеологией, и формируют стиль песни, былины, сказки и т. д. в его отличии от разговорного языка. При изучении особенностей форм языка фольклора исследователь встречается с трудностями, возникающими, впрочем, и при исследовании других сторон языка фольклора (см. выше).

Одна и та же форма в одном говоре может быть распространена в бытовой речи, в другом — только в песенном языке. Поэтому говорить о специфически фольклорных морфологических явлениях в большинстве случаев можно только конкретно, в применении к данному говору. Хорошим примером могут служить сложные формы прилагательных типа *богатыим*, *синиим*. П. Н. Рыбников, описывая прилагательные в олонецком говоре, не указывает этих форм [51], а в тексте записанных им былин они встречаются постоянно. Р. И. Аванесов указывает, что эти формы в описываемом им говоре встречаются только в песенном языке при определенных стилистических условиях — в конце стиха или музыкальной фразы[52]. Как о явлении языка, преимущественно песенного, говорит об этих формах

песенный язык в различных отношениях отличается от обыденной речи. Эти отличия представлены и в фонетике, и в формах, и в синтаксисе, и в словаре». Ср. также Р. И. Аванесов, Заметки о говоре с. Семеновского на р. Водле, «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II, 1949, стр. 260.

[50] Иногда же вообще трудно бывает решить, почему в пении иная фонетика, чем в речи разговорной. Ср. замечание Н. Ончукова («Печорские былины», Спб., 1904): «Старины знает А. И. прекрасно, поет твердо и сильно акает при пении, между тем при разговоре аканья совсем незаметно, да и неоткуда ему быть» (стр. 312). Возможно, что в говоре этого сказителя представлено *о*, склонное к *а*, которое при пении утрачивает лабилизацию и расширяется в *а*.

[51] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. III, стр. 344—346.

[52] Р. И. Аванесов, цит. соч., стр. 250—251.

П. С. Кузнецов [53]. С другой стороны, эти же формы в других говорах употребляются и в обычной речи [54]. Поэтому квалифицировать прилагательные этого типа как характерные только для языка фольклора нельзя; вопрос этот решается для каждого говора (или группы говоров) отдельно.

В то же время некоторые черты языка песен можно квалифицировать как архаизмы, свойственные только фольклорному языку. Таково, например, употребление именных прилагательных в функции определения [55].

Большой интерес представляет вопрос об употреблении в языке фольклора глагольных времен и видов. В языке былин для изображения прошедшего события встречается сочетание сказуемого в форме глагола настоящего времени или будущего простого с глаголом-сказуемым в прошедшем времени; такой оборот придает речи большую экспрессивность:

Ай как старый-от казак да Илья Муромец,
Берет плеточку шелковую в белу руку,
А он *бил* коня а по крутым ребрам[56].

Пошол Добрыня к заутрени
Прошол он церкву соборную
Заидет ко Марине на широкой двор
У высокова терема *послушает*[57].

По поводу таких оборотов А. А. Потебня писал: «Обозначение в известных случаях объективно-прошедшего события будущим совершенным, говоря вообще, свойственно нескольким славянским наречиям, но в разной мере и с разными оттенками. Той любви к такому обороту речи, какая бросается в глаза в языке русских былин, вовсе незаметно в русском литературном языке» [58].

Обычна в былинах свобода пользования видами, как след того языкового состояния, когда грамматическое значение вида еще не оформилось с достаточной четкостью. Часто вместо глагола совершенного вида употребляется глагол несовершенного вида, перфектной формы которого, видимо, вполне достаточно для обозначения законченного действия:

То Владымир князь-от стольнё-киевской,
Он скорешенько *ставал* да на резвы́ ножки,
Кунью шубоньку *накинул* на одно плечко...[59]

Выскочил Василий на широкий двор,
Хватал-то Василий черленый вяз...[60]

К области недифференцированного употребления видов относится также употребление рядом разновидовых форм однокоренного глагола с общим значением длительного действия в плане прошлого [61].

Под славным великим Новым городом
По славному озеру по Илменю
Плавает поплавает сер селезень
Как бы ярои гоголь поныривает

---

[53] П. С. Кузнецов, Очерки морфологической системы пильмасозерского говора. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II, 1949, стр. 107.

[54] А. М. Селищев, Диалектологический очерк Сибири, вып. I, Иркутск, 1921, стр. 238; С. А. Еремин, Описание уломского и ваучского говоров Череповецкого уезда Новгородской губернии, 1922, стр. 36; А. М. Селищев, О языке современной деревни, «Труды Московского института истории, философии и литературы», т. V, 1939, стр. 97.

[55] П. С. Кузнецов, цит. соч., стр. 109.

[56] А. Ф. Гильфердинг, Онежские былины, т. II, изд. 3-е, 1938, стр. 13.

[57] Сборник Кирши Данилова, стр. 28.

[58] А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. IV, 1941, стр. 108.

[59] А. Ф. Гильфердинг, цит. соч., стр. 17.

[60] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. II, 1910, стр. 467.

[61] Ср. П. С. Кузнецов, цит. соч., стр. 121.

А *плавает поплавает* червлен корабль
Как бы молода Василья Буславьевича[62].

В соответствии с общим характером языка фольклора, в нем дольше удерживаются формы, которые в литературном языке и в говорах идут на убыль. Таковы, например, формы давнопрошедшего времени, которые в русском литературном языке начинают вымирать в конце XIX — начале XX в., сохраняясь лишь в узком кругу глаголов [63]. Убывание форм давнопрошедшего времени отмечается также и в некоторых говорах [64].

В фольклоре эти формы широко распространены. Правда, записи фольклора, по которым можно сделать такое наблюдение, относятся главным образом к XIX в., когда формы давнопрошедшего времени употреблялись шире; однако несомненно, что фольклор в отношении употребления этих форм ближе стоит к старинному языку, чем литературный язык или диалект.

Исключительное богатство этих форм зафиксировано в духовном стихе о грешной душе [65]:

Грешная душа кается:

Из коровушек молоки я *выкликивала*,
Во сырое коренье я *выдаивала*...
Смалешеньку дитя свое *проклинывала*,
Во белых во грудях его *засыпывала*,
В утробы младенца *запарчивала*...
Мужа с женой я *поразваживала*,
Золотые венцы *поразлучивала*...
По улицам душа много *хаживала*,
По подóконью душа много *слушивала*...
Середы и пятницы не *пащивалась*
Великого говленья не *гавливалась*,
Заутрени, вечерни *просыпывала* я,
В воскресный день обедни *прогуливала*,
В полюшках душа много *хаживала*,
Не по-праведну землю *розделивала*:
Я межу через межу *перекладывала*,
С чужой нивы земли *украдывала*...
Не по-праведну покосы *розделивала*,
Вешку за вешку *позатаркивала*,
Чужую полосу *позакашивала*...
В соломах я заломы *заламывала*,
Со всякого хлеба спор *отнимывала*...
Я во полях, душа, много *хаживала*,
Проворы во полях *пораскладывала*,
Скотину в поле *понапущивала*,
И добрых людей *оголаживала*...
По свадьбам душа много *хаживала*,
Свадьбы зверьями *оборачивала*...
По игрищам душа много *хаживала*,
Под всякие игры много *плясывала*,
Самого сотону *вспотешивала*[66].

Таков далеко не полный обзор фактов морфологии, преимущественно свойственных языку фольклора.

---

[62] Сборник Кирши Данилова, стр. 69.

[63] См. В. В. Виноградов, Русский язык, 1947, стр. 545—549.

[64] См. А. М. Селищев, Цит. соч., стр. 98.

[65] Духовные стихи занимают особое место в устной народной поэзии. Их тематика, идейное содержание, в значительной мере и язык, определяются средневековой религиозной литературой. Они никогда не играли большой роли в устном народном творчестве и никогда не выражали чаяний и ожиданий народных. Однако духовные стихи долго бытовали в народной среде, поэтому в языке некоторых из них почти стерты следы книжного влияния.

[66] В. Варенцов, Сборник русских духовных стихов, СПб., 1860, стр. 144, и след.

Выше уже отмечалось, что язык лирических песен имеет в своем распоряжении большой фонд суффиксов субъективной оценки, которыми он пользуется гораздо шире, чем язык разговорный. К этому можно добавить несколько замечаний о функции именной приставки *раз-*, употребление которой в языке лирических песен имеет ряд специфических, «песенных» особенностей.

Первичное значение этой приставки не имеет никакого отношения к экспрессии, она лишь усиливает то экспрессивное значение, которое заключается либо в корне, либо привносится суффиксом. Такое употребление ассоциируется со значением экспрессии, и приставка *раз-* получает вторичный эмоциональный оттенок, правда, достаточно неопределенный.

Образования с приставкой *раз-* могут заменить собой превосходную степень прилагательных, но это замена особого рода: приставка *раз-* показывает только усиление эмоциональной оценки. В тех случаях, когда определение по своему значению эмоционально (например, *милый*, *любезный*, *постылый* и т. д.), усиление меры качества есть вместе с тем и усиление меры эмоции, поэтому в этих случаях значение образований с приставкой *раз-* и значение форм превосходной степени совпадают: образования с приставкой *раз-* вполне синонимичны формам превосходной степени: *Разжеланный* ты мой, братец Ванюшка [67]; Уж ты Маша *раскрасива*...[68], Ты ночуй, ночуй, *разлюбезный*, Ночуй ночку у мине [69]. То же самое при отрицательной эмоции: *Распроклятая* наша жизнь замужния, *Разлюбезная* наша жизнь девичья[70].

Значение прилагательного, присоединяющего приставку *раз-*, может и не иметь ярко выраженного эмоционального оттенка. Такое прилагательное часто обозначает просто качество (*зеленый*, *алый*, *сизый*), но эти качества в народной песне имеют эмоциональный оттенок, чаще всего положительный. Таково, например, большинство постоянных эпитетов. Здесь приходится учитывать условность поэтического языка песни, выбирающего в качестве положительных именно эти признаки, а не другие [71]. Но раз такой отбор сделан, то в этих прилагательных усиление меры их качества становится вместе с тем усилением эмоции: Ой, ты, груша моя, *раскудрявая* [72]; Ты дубрава, ты дубрава *раззеленая* [73]; Как все утушки хороши... *Раскасатые* пригожи [74].

Такое совпадение усилительного значения приставки с усилением эмоциональности приводит к тому, что приставка *раз-* сама по себе получает вторичное эмоциональное значение. Поэтому в языке народной песни вполне допустимы образования типа *расшелковый*, *рассахарный* и под., т. е. от прилагательных относительных. Приставка *раз-* в таких случаях усиливает меру эмоциональной окраски значения: *Раздонской* казак да коня поил [75]; Косил Ванюшка *расшелковую* мелку траву, Изломал Ваня *разбулатную* востру косу [76]; Да что уста твои *рассахарны*...[77].

---

[67] «Волжский фольклор», М., 1937, № 43.

[68] Песни, собранные П. В. Киреевским, Новая серия, вып. II, ч. 2, М. 1929, № 1986.

[69] Там же, № 1816.

[70] Там же, № 1803.

[71] Условность эта тоже объяснима. Например, *зеленый* в применении к растению значит «в полном расцвете, силе», отсюда и положительная эмоция; *кудрявый* связано с понятием молодости, следовательно, и красоты, и т. д.

[72] Курский сборник..., ч. II, № 9.

[73] «Фольклор Чкаловской области», Чкалов, 1940, № 162.

[74] Песни, собранные П. В. Киреевским..., в. I, № 551.

[75] А. И. Соболевский, Великорусские народные песни, I, № 109.

[76] Там же, III, № 509.

[77] Б. и Ю. Соколовы, Сказки и песни Белозерского края, М., 1915, № 542.

Рассмотренное значение приставки *раз-* особенно наглядно выступает в случаях соединения ее с именем существительным; такое употребление, как кажется, свойственно только языку устной поэзии, в частности, языку песен.

Существительные «в превосходной степени» обычно встречаются при общем значении положительного качества: Еще девица садочком шла, *Раскрасавица* зелененьким [78].

Как и в прилагательных, значение приставки *раз-* как показателя высшей степени меры эмоциональности особенно заметно в тех случаях, когда значение существительного само по себе лишено какого-либо эмоционального оттенка. Но здесь резкой грани между теми и другими провести нельзя, потому что в таком эмоциональном контексте, как народная лирическая песня, существительные получают множество самых разнообразных и часто неуловимых оттенков. В случаях положительной эмоциональной оценки приставка поддержана суффиксом с соответствующим значением: Спой, *рассоловушек*, в рощице весной[79]; Как привидилось *расказаченьке* Да нерадостный сон[80].

Образования существительных с приставкой *раз-* не связаны с бо́льшей качественностью существительных в древнерусском языке, с древнейшей близостью существительных и прилагательных; поэтому их нельзя рассматривать как сохранившиеся факты прежнего языкового состояния, каким, например, является существительное-атрибут (*тур золотые рога, подворотина рыбий зуб* и под.) или существительное-предикат (*она щей варея́, хлеба печея́, по воду хожайка*). Приставка *раз-* лишь усиливает эмоциональную окраску, заключающуюся в корне или привносимую суффиксом. Это усиление в некоторых случаях производит впечатление чрезмерности, эмоциональность переходит в сентиментальность, совсем не свойственную традиционной народной песне. Как кажется, образования с приставкой *раз-* не встречаются в свадебных песнях и других более архаичных жанрах.

Образования с приставкой *раз-* — яркий пример того, что язык фольклора обладает своими специфическими особенностями, что он жанрово ограничен; некоторые факты языка общенародного бытуют почти исключительно в языке фольклора.

*

Все сказанное выше лишь в общих чертах рисует своеобразие языка фольклора. При конкретном анализе необходимо прежде всего разграничить стихотворные жанры и прозаические. Специфика языка фольклора особенно отчетливо проступает в стихотворных жанрах, которые в значительно большей степени оформлены по правилам традиционной поэтики. Но и язык прозаических жанров (например, фантастической сказки) характеризуется в основном теми же чертами, что и язык жанров стихотворных; однако прозаические жанры гораздо более свободно пользуются разговорным языком.

Индивидуализированное использование общенародного языка, подчиненное определенному художественному замыслу, создает то, что называют стилем писателя. В фольклоре же говорить об авторском стиле нельзя. Основное отличие — не в отсутствии автора, а в том, что в фольклоре стилевые отличия расположены совсем в другом измерении; они идут по линии жанра, и эта жанровая дифференциация целиком поглощает авторскую, которую в применении к фольклору надо понимать своеобразно:

---

[78] А. И. Соболевский, Великорусские народные песни, IV, № 198.
[79] «Фольклор Чкаловской области», № 128.
[80] П. В. Шейн, Великорус.., № 909

каждый исполнитель есть в одно и то же время и передатчик и автор, но автор, творящий в рамках традиции.

Особенно наглядно это проявляется в советском фольклоре, в котором новое содержание часто в значительной степени оформляется традиционными средствами фольклорной поэтики.

Однако было бы неверно думать, что советский фольклор отличается от традиционного только содержанием, сохраняя общность языковых особенностей и поэтики. Советский фольклор — качественно новый этап в развитии народной поэзии, порожденный социалистической эпохой, качественно новое явление поэтической культуры народа [81].

Возникновение советского фольклора и бурное развитие некоторых его жанров ставит проблему бытования его в новых, советских условиях, а также проблему взаимоотношения его с художественной литературой Характерной чертой всех жанров советского фольклора является широкое использование письменной литературы как по линии сюжетов, так и по линии овладения литературным языком и поэтикой. Это влечет за собой движение языка фольклора в сторону сближения его с языком письменной литературы, аналогично тенденции развития диалектов в сторону слияния с литературным языком. Вполне понятно, что и устные художественные произведения, вновь создаваемые на местных диалектах, испытывают огромное влияние литературного языка. Такая тенденция обогащения всегда была присуща произведениям устной поэзии; она в значительной степени способствовала созданию высокого стиля фольклора. В наше время эта тенденция стала определяющей в развитии языка фольклора.

Влияние литературного языка на разные жанры фольклора неодинаково. Чрезвычайно широко пользуется общелитературным языком такой подвижной жанр, как частушка. Огромное количество «литературных» частушек, проникших в колхозную деревню самыми разнообразными путями, так органически сливается с местным репертуаром, что практически бывает невозможно отделить одно от другого.

Большое влияние на язык фольклора оказывает изменение песенного репертуара колхозной деревни, который характеризуется сейчас широким распространением песен советских композиторов на слова советских поэтов. Эти песни входят в местный репертуар наряду с традиционными и нередко занимают ведущее место. В репертуаре пожилых колхозниц советская массовая песня тоже занимает видное место, хотя, конечно, не такое значительное, как в репертуаре молодежи. Такой репертуар, естественно, способствует сближению языка советского фольклора с общелитературным[82].

Аналогичные явления наблюдаются и в бытовании других жанров, например, былин, с той разницей, что сближение языка былин с литературным языком происходит более медленными темпами. Это сближение в значительной степени определяется книгой [83].

Советский фольклор с его новой, советской тематикой, естественно, очень близок по языку к художественной литературе: самый генезис его в большинстве случаев связан с этой литературой. Бытование советского фольклора рядом с фольклором традиционным оказывает на последний огромное влияние, которое сказывается и в языке: язык не только советского фольклора, но и традиционного развивается и обогащается в значительной мере уже за счет языка литературного.

---

[81] Ср. А. М. Астахова, Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития науки о народном поэтическом творчестве. «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. X, 1951, вып. 6, стр. 538.

[82] Ср. В. Ю. Крупянская и Л. А. Старцева, Фольклор колхозной станицы, «Советская этнография», 1949, № 3, стр. 80—82.

[83] Ср. А. М. Астахова, Русский былинный эпос на Севере, 1948, стр. 389—390.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1952

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ ЗА РУБЕЖОМ

РАЗВИТИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ ПОСЛЕ ВЫХОДА В СВЕТ ТРУДА И. В. СТАЛИНА «МАРКСИЗМ И ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

Гениальный труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» положил начало новой эпохе в развитии науки о языке. Впервые в истории языкознания был научно определен самый объект исследования — язык, как особое общественное явление с присущими ему функциями и закономерностями развития. И. В. Сталин создал теорию марксистского общего языкознания и дал тем самым передовым языковедам всего мира программу работы в области теоретического и прикладного языкознания на основе творческого марксизма. Исключительно велико значение трудов И. В. Сталина по языкознанию для всей идеологической, теоретической и организационной работы языковедов Китайской Народной Республики, Корейской Народно-демократической Республики и европейских стран народной демократии. Ниже мы помещаем информацию о перестройке языковедческой работы в Китае, Корее, Болгарии, и Венгрии.

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

Победа народной революции в Китае явилась величайшим — после Великой Октябрьской социалистической революции в России — торжеством бессмертных идей Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Сбросив иго империализма и гнет феодально-помещичьей реакции, великий китайский народ под руководством коммунистической партии и своего вождя товарища Мао Цзэ-дуна энергично принялся за восстановление хозяйства страны, за строительство новой счастливой жизни.

Наука в Китае стала служить народу. Китайские лингвисты также работают над разрешением тех сложных проблем, которые поставил перед ними самый факт превращения широчайших народных масс многочисленных национальностей Китая в сознательных строителей новой жизни. Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания дают возможность языковедам Китайской Народной Республики теоретически по-новому поставить, в частности, следующие важнейшие лингвистические проблемы: 1) проблему теоретической перестройки языкознания; 2) проблему языков национальных меньшинств; 3) проблему китайского национального языка и его диалектов; 4) проблему всеобщей грамотности и в связи с ней вопрос об изучении грамматического строя китайского языка и 5) проблему реформы китайского письма.

I

В наследство от гоминдановского режима Китайская Народная Республика получила языкознание, находившееся на низкой ступени развития. В китайской филологической литературе имели хождение гердеровская идеалистическая «теория» о происхождении языка из междометий и звукоподражаний, шлейхеровская система морфологической классификации языков (часто не без элементов стадиального ее понимания), взгляды разных лингвистических школ Запада об отсталости и примитивности китайского языка, о его застойном характере с переключением основного внимания на древнекитайский язык и т. д.[1] В специальных учебных заведениях господствовали взгляды Есперсена, и даже передовые китайские лингвисты, занимавшиеся вопросами грамматики современного китайского языка (Ван Ли, Гао Мин-кай и др.), не могли освободиться от влияния этих взглядов. Характеризуя положение, существовавшее в 30—

[1] См., например, грамматику «Гаодэн Говэньфа» Ян Щу-да, 1930.

40-х гг. на фронте теоретического языкознания в Китае, газета «Жэньминьжибао» писала: «Законы китайского языка не трудны для изучения. Между тем некоторые «ученые» империалистических стран и их компрадоры в Китае в течение последних десятилетий неизменно клеветали на китайский язык, называя его „незакономерным", „ненаучным"... Мы должны решительно бороться с этой клеветой»[2].

Мысль передовых ученых-языковедов Китая естественно обращалась к сокровищнице марксизма-ленинизма и в первую очередь к произведению И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос». Опираясь на этот труд, они выдвинули ряд проблем теории китайского языка. Организованный в составе Народной Академии Наук в начале июня 1950 г. Научно-исследовательский Институт языка с первых дней своего существования обращает пристальное внимание на развертывающуюся на страницах «Правды» свободную дискуссию по вопросам языкознания, собирает и переводит материалы дискуссии, готовя в качестве своей первой работы выпуск сборника дискуссионных статей с предисловием, посвященным конкретным вопросам синологии.

Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания, опубликованные в центральном органе Коммунистической партии Китая «Жэньминьжибао», стали предметом внимательного изучения китайских лингвистов. Уже в июле 1950 г. Научно-исследовательский Институт языка Народной Академии Наук ставит в качестве первой своей задачи следующее положение: «Распространять и изучать сталинскую теорию языкознания, укреплять теоретическую базу науки о языке и критиковать ошибки марровцев — для предохранения нового китайского языкознания от повторения им марровских ошибок»[3].

9 декабря 1950 г. Институт провел специальную сессию, посвященную изучению работ И. В. Сталина по языкознанию, и с этого времени теснейшая связь работы китайских лингвистов с марксистским языкознанием в Советском Союзе становится постоянной. Развернувшаяся на страницах китайской печати дискуссия по вопросам национального языка, грамматического строя и письма с этого момента строится на базе работ И. В. Сталина, причем авторы подавляющего большинства статей, несмотря на различие в подходе к отдельным проблемам, неизменно обращаются к трудам И. В. Сталина, ища в них обоснования для своих теоретических положений.

II

От феодального прошлого Китай получил в наследство глубоко порочную национальную политику, основанную на великодержавном подходе к национальным меньшинствам. Единственным мерилом культурного развития той или иной малой национальности в Китае с незапамятных времен служила их китаизация. Преследование всего национального, насильственная замена национальной культуры китайской через систему китайских школ, принудительное обучение китайскому языку всех национальных меньшинств — единственный курс национальной политики всех прежних режимов в Китае от феодально-монархического до гоминдановского включительно.

С победой народно-демократической революции эта политика навеки отошла в прошлое, и на смену ей пришла национальная политика Коммунистической партии Китая, т. е. ленинско-сталинская национальная политика, основанная прежде всего на трудах И. В. Сталина по национальному вопросу. Общая программа Народного политического консультативного Совета Китая (принята 29 сентября 1949 г.) провозгласила, что Китайская Народная Республика стала «большой семьей, в которой все национальности живут в духе любви, дружбы и сотрудничества». Программа указывала на необходимость бороться с великодержавным шовинизмом и узким национализмом и заявила о воспрещении всякой национальной дискриминации и гнета или действий, направленных против сплочения национальностей. 53 статья этой программы гласит: «Все национальные меньшинства пользуются свободой развития своего языка и письменности, свободой сохранения или изменения своих обычаев, традиций и религиозных убеждений. Народное правительство должно помогать народным массам всех национальных меньшинств развертывать созидательную работу в области политики, экономики, культуры и просвещения»[4].

После опубликования в Китае трудов И. В. Сталина по языкознанию китайские ученые развернули большую работу по изучению языков национальных меньшинств Республики. В октябре 1950 г. Комиссия по делам национальностей Центрального народного правительства произвела при участии Института языка обследование национальных меньшинств Китая. Результаты этого обследования показали, что Китайская Народная Республика — многонациональное государство, населенное (кроме

---

[2] Передовая статья от 6 июня 1951 г. «Правильно пользоваться родным языком, бороться за чистый и здоровый язык».

[3] «Вестник науки» (Кэсюэ Тунбао), сентябрь, 1950, стр. 323.

[4] Сборник документов «Образование Китайской Народной Республики». Госполитиздат, 1950, стр. 47—48.

китайцев) еще 54 национальностями. Из этих национальных меньшинств только одиннадцать имеют свою национальную письменность, четыре национальности пользуются латинским алфавитом. Этот алфавит был введен по преимуществу иностранными миссионерами, не считавшимися с национальными особенностями языков национальных меньшинств. Остальные нацменьшинства — числом до 40 — письменности совершенно не имели, и население оставалось поголовно неграмотным. Обеспечить этим национальным меньшинствам все возможности развития культуры — народно-демократической по содержанию и национальной по форме — такова задача, поставленная китайской компартией в области культурного строительства в районах расселения национальных меньшинств. Распространение образования, организация подлинно народных школ, развитие национального театра, искусств и, в особенности, повышение идейно-политического уровня народных масс национальных меньшинств оказалось возможным только при ориентации всей работы на местах на родной язык. Свои задачи в этой области Институт языка сформулировал следующим образом (июль 1950 г.): «...2) Изучать местные диалекты Китая и языки братских национальностей, обращая особое внимание на сбор лексического материала и на связь развития значения слов с экономической жизнью общества... 4) помогать движению за грамотность, содействовать ликвидации неграмотности и разработать проекты новой письменности для фонетической записи местных диалектов и языков братских национальностей»[5].

Научные сотрудники Института языка были включены в состав правительственных комиссий по работе среди национальных меньшинств на юго-западе и северо-западе Китая. Каждый из этих сотрудников был снабжен звукозаписывающей установкой и получил задание по сбору общих данных по фонетике, словарному составу и грамматическому строю языков национальных меньшинств. Дело не ограничилось, однако, одним сбором материалов. Например, к апрелю 1951 г. была полностью закончена работа по выработке алфавита (на латинской основе) для народности И в Сикане; вновь созданный алфавит был для проверки немедленно пущен в обиход. Сотрудниками Института написаны монографии по описанию грамматического строя национальных меньшинств (например, языка Сани)[6].

Из всего этого ясно, что на основе трудов И. В. Сталина по языкознанию китайскими лингвистами развернута большая работа по изучению языков нацменьшинств и что, несмотря на недостаток кадров, в этой работе уже достигнуты немалые успехи.

III

Труды И. В. Сталина по языкознанию помогли китайским лингвистам по-новому поставить и частично решить ряд теоретических вопросов, связанных с общей проблемой китайского национального языка и взаимоотношений его с территориальными диалектами. Они помогли определить правильное отношение к литературной норме китайского языка, включая и старую литературную норму — так называемый вэньянь, основанную на древнекитайском языке и ныне уже не улавливаемую на слух. С сентября 1950 г. на страницах китайских газет и журналов разгорается большая дискуссия по вопросам национального языка, причем авторы отдельных статей пытаются ответить на следующие основные вопросы: 1) существует ли уже китайский национальный язык и на какой диалектной основе он складывается или сложился; 2) каким путем происходит (или происходило) формирование китайского национального языка; 3) развиваются ли территориальные диалекты китайского языка в отдельные языки, или же их судьба — раствориться в едином русле общенационального языка; 4) какова природа старой литературной нормы китайского языка и каково ее взаимоотношение с новой.

Наиболее яркие расхождения во мнениях обнаружились между участниками дискуссии по первому из этих вопросов. Одни авторы, например, проф. Ли Цзинь-си и Чжоу Ю-гуан, утвердительно отвечали на вопрос о существовании общенационального китайского языка, указывая, что он сложился и имеет свою выработанную литературную норму[7]; другие, например, Чжан Жуй-гуан, указывали, что на нынешнем этапе можно говорить лишь о переходе китайского языка из состояния общенарод-

---

[5] Статья Цэнь Ци-сяна «Наша национальная политика и вопросы языка» в журнале «Синьчжунхуа», № 11, 1 июня 1951 г., стр. 29—31 и «Вестник науки», сентябрь 1950, стр. 323.

[6] См. журнал «Синьхуа юэбао», т. III, вып. VI, апрель, 1951, стр. 1408, и «Вестник науки», сентябрь, 1950, стр. 323.

[7] См. статью Ли Цзинь-си «К вопросу о значении труда И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ в движении за реформу китайского письма» в брошюре «Китайское письмо и язык», Пекин, 1951, стр. 1—18, и статью Чжоу Ю-гуан «Сталинская теория языкознания и движение за латинизацию», «Дагунбао», Шанхай, 14 сентября 1950 г.

ного языка в язык национальный[8]; третьи, например, Жэнь Минь-шань, указывали, что различия между территориальными диалектами в Китае настолько велики, что пока можно говорить лишь о формировании, но никак не о фактическом существовании единого национального китайского языка: по его мнению, так называемый «национальный язык» на деле представляет собой лишь наиболее распространенный территориальный диалект, на котором, правда, говорит до 70% населения Китая на такой же примерно части его территории[9]. Общим для всех участников дискуссии было единодушное признание ведущей роли северного (пекинского) диалекта в процессе формирования китайского национального языка.

В итоге дискуссии была доказана правота первой точки зрения. Центральный орган партии — газета «Жэньминьжибао» писала: «Наш современный язык сохраняет все преимущества, свойственные ему издревле, а из чужих языков он воспринял необходимые новые элементы лексики и грамматики. Поэтому наш современный язык еще совершеннее, чем язык древних эпох, еще богаче по силе своей выразительности. Товарищ Мао Цзэ-дун и великий писатель Лу Синь дают образцы того, как нужно пользоваться этим гибким, богатым и прекрасным языком»[10].

Дискуссия обнаружила полное единство мнений о путях формирования китайского национального языка: оно шло и идет не путем выработки некоей средней арифметической нормы или единой равнодействующей для живых территориальных диалектов Китая и тем более не путем скрещения диалектов или образования качественно нового национального языка, а путем укрепления ведущей роли пекинского диалекта в этом процессе, путем победы северного (пекинского) диалекта над остальными местными диалектами Китая, путем растворения последних в общем русле единого национального языка.

В вопросе о перспективах развития территориальных диалектов китайского языка между участниками дискуссии не было особых разногласий. Лишь один проф. Хуан Дянь-чэн высказал в своей статье мнение, что для некоторых ответвлений китайского национального языка не исключена возможность самостоятельного развития и превращения в отдельные языки[11]. Все участники дискуссии подчеркивали, что общность словарного состава и грамматического строя исключает трактовку диалектов как отдельных языков. Общим для всех оказалось и положение, что сроки подчинения территориальных диалектов китайскому национальному языку и их в конечном итоге растворение в нем будут зависеть от окончательной экономической и политической консолидации Китая.

Выдвигая указанное принципиальное положение, все участники дискуссии подчеркивали вместе с тем, что существование территориальных диалектов китайского языка в настоящее время является существенным фактом китайской действительности, что было бы крайне ошибочным недооценивать значение этого факта и не заниматься диалектами или недоучитывать их, например, при проведении реформы письма. Поэтому и Институт языка Народной Академии Наук взял в своей работе твердую установку: наряду с изучением строя китайского национального языка упорно работать над китайской диалектологией.

Последний вопрос в общей проблеме китайского национального языка — вопрос о литературной норме и, в частности, вопрос об оценке старой литературной нормы (вэньянь), непонятной уже более на слух и, следовательно, мало доступной китайским народным массам. После опубликования в Китае гениальных трудов И. В. Сталина по языкознанию положение о примате живой речи народа над литературной нормой языка (что, конечно, не исключает, а наоборот, предполагает и влияние литературной нормы на устную речь) становится очевидным для каждого китайского лингвиста и принимается всеми в качестве основного положения при подходе к решению вопроса о литературной норме языка. Однако народные истоки старой китайской литературной нормы теряются в глубине веков. Отсюда попытка некоторых участников дискуссии рассматривать старый китайский литературный язык как классовый жаргон. Например, проф. Жэнь Минь-шань пишет в октябре 1951 г.: «попытки (искусственно) развивать язык в отрыве от законов его развития или принудительное его использование другими силами, например, господствующей феодальной аристократией и т. п. приводят к утрате им национальной научной, массовой принципиальной базы и превращают его в нечто классовое. А тогда это, точнее говоря, уже не язык, уже не национальный язык, а „классовый жаргон“, — уродливое орудие, принадлежащее только одному классу. Он не способен развиваться, не может принадлежать людям, не входящим в состав

---

[8] См. статью Чжан Жуй-гуана «Что дают работы И. В. Сталина по языкознанию в вопросах китайского языка», «Дагунбао», Шанхай, 3 и 4 сентября 1950 г.

[9] См. статью Жэнь Минь-шаня «Основные вопросы китайского языка и письма», журнал «Синьчжунхуа», № 20, 16 октября 1951 г., стр. 34—38.

[10] Цитированная выше передовая статья от 6 июня 1951 г.

[11] См. статью Хуан Дянь-чэн «Общий язык, диалекты и их фиксация в письме», журнал «Синьвэньцзы чжоукань», № 51—53, декабрь, 1950 — январь, 1951, Шанхай.

данного класса. Наши предшественники называли это нечто, уже не являющееся языком,... словом „вэньянь". Оно уже не представляет собою форму национального языка...» Это уже не язык, а надстроечное явление...»[12]

Так порочная установка о надстроечном характере старого литературного языка в конкретных условиях развития Китая приводила к мысли, что бóльшая часть достижений китайской национальной культуры с древнейших времен и до XX в., бóльшая часть всей богатейшей литературы Китая оказывается зафиксированной на... классовом жаргоне. Другие участники дискуссии энергично противопоставили этому мнению другую точку зрения, наиболее ярко выраженную проф. Ли Цзинь-си: если даже китайский письменный язык и разошелся с общенародным живым языком, он все же составляет часть китайского национального языка.

Очевидно, раскрытие народных корней старого литературного языка (в восточных диалектах древнекитайского языка), выявление его роли в обслуживании феодального общества в целом, освещение основных моментов его истории (сближение его с устной речью масс в одни эпохи и удаление от нее — в другие), оценка его в качестве литературного стиля и, наконец, признание его роли в формировании национального китайского языка и особенно новой литературной нормы последнего,— такой должна быть трактовка этого вопроса на основе учения И. В. Сталина. И здесь исключительно важное значение имеет тезис тов. Мао Цзэ-дуна, выдвинутый им еще в 1942 г. в работе «Против шаблонов в партийной литературе», где вождь китайского народа сказал: «Нам нужно еще учиться языку древних. Современный народный язык в большей части передан нам от древних. Сокровищница языка древних еще может подвергаться разработке. Мы должны воспринять из нее все, что в ней есть живое, чтобы этим обогатить наши сочинения, речи и выступления. Конечно, мы решительно против использования мертвых классических трафаретов,— это определено твердо,— но все хорошее, рациональное еще нужно воспринять»[13].

IV

Вопрос о необходимости научного изучения грамматического строя китайского языка был остро поставлен китайскими лингвистами в самый момент опубликования трудов И. В. Сталина по языкознанию. В статье «Критика грамматики и улучшение литературного стиля» 2 июля 1950 г. проф. Ли Цзинь-си указывал на недостатки постановки изучения грамматики и преподавания ее в китайских школах. Неудовлетворительность грамматической литературы, особенно учебной, недостаточное внимание к вопросам изучения и преподавания грамматики вместе со спешкой и небрежностью, с которой пишутся статьи и произведения, указывал в этой статье проф. Ли,— все это приводит к появлению в печати статей и всяких других сочинений, совершенно неудовлетворительных с точки зрения грамматики и стиля. Необходимо было со всей серьезностью быстро приняться за изучение грамматического строя китайского национального языка и заняться постановкой преподавания грамматики в школах. Эта проблема приобрела сугубо политическое значение в связи с борьбой партии за всеобщую грамотность. Вот почему вопросами грамматики занялась партия, причем газета «Жэньминьжибао» опубликовала лекции по грамматике и стилистике китайского языка проф. Люй Шу-сяна и Чжу Дэ-си. Лекции эти занимали большие полосы в газете в течение полугода — с 6 июня по 15 декабря 1951 г. Начиная публикацию этих лекций, «Жэньминьжибао» в передовой статье призвала всех партийных и общественных работников, всех авторов и публицистов бороться за чистоту национального языка и следующим образом объясняла необходимость изучения грамматики: «Необходимо указать, что правильное пользование языком для выражения мысли сегодня во всей работе, руководимой коммунистической партией, приобретает огромное политическое значение. В эпоху гоминдана и в предшествующие эпохи рамки пользования письмом и роль последнего в руках бюрократов и политиканов были ограничены. Поэтому если бюрократы и политиканы писали неправильно, если их статьи оказывались и длинными и нудными, это не оказывало особого влияния на судьбы страны и благосостояние народа. Совершенно иначе обстоит дело в Китае, находящемся под руководством коммунистической партии. Теперь каждый документ партийных организаций или правительственных органов, каждый доклад, каждая газета, каждое печатное издание, все это должно нести в массы правду, указывать им задачи и методы их разрешения. Влияние такого печатного слова на массы огромно. Поэтому необходимо, чтобы любой документ, доклад, газета или печатное издание выражали мысли правильным языком, чтобы массы правильно овладели идеей; только в этом случае она может стать подлинной материальной силой»[14].

---

[12] Жэнь Минь-шань, цит. соч.
[13] Мао Цзэ-дун, Собр. соч., Харбин, 1948, стр. 961.
[14] Цитированная выше передовая от 6 июня 1951 г.

Значение «Лекций», опубликованных в «Жэньминьжибао», велико. Эти лекции представляют собой тот теоретический минимум знаний науки о языке, которым отныне должен владеть каждый член партии, каждый рабкор, каждый автор политической статьи или художественного произведения.

V

Проблема реформы письма, неоднократно поднимавшаяся в литературе и до победы народной революции, приобрела особое значение после образования Китайской Народной Республики в связи с задачей поднятия грамотности широких масс трудящихся. Сложность и громоздкость иероглифического письма требовали реформы, и именно поэтому Центральное Народное правительство уже с первых дней своего существование поручило специально сформированному комитету изучение вопросов реформы китайского письма и подготовку этой реформы. Однако: 1) нельзя отрицать известной приспособленности китайского иероглифического письма к особенностям лексики и грамматики китайского языка (например, соответствия иероглифа корнеслогу, отличающемуся в китайском языке особой устойчивостью и выражающему единицу значения); 2) необходимо учесть возможное распыление сил китайского народа при замене единой иероглифической письменности любой алфавитной системой письма, которая неизбежно должна будет отражать территориальные диалекты, и 3) необходимо задуматься над культурным наследством китайского народа, ибо, как сказано уже выше, бо́льшая часть унаследованной от старого Китая литературы не может быть просто транскрибирована звуковым письмом и с переходом китайской письменности на алфавит либо должна быть подвергнута переводу (что возможно лишь для незначительной части этой литературы), либо должна будет погибнуть. Вот почему эта проблема требует углубленной теоретической разработки.

Для иллюстрации этого положения сошлемся только на две статьи: на тезисы доклада проф. Ли Цзинь-си «К вопросу о значении труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» в движении за реформу китайского письма» и на статью проф. Чжан Жуй-гуана «Что дают работы И. В. Сталина по языкознанию в вопросе о китайском языке и письме»[15]. Основные положения выступления проф. Ли Цзинь-си следующие: 1) письменность не надстройка. Она не меняется со сменой надстройки. Однако китайская письменность разошлась с языком и является застойной, стесняющей естественное непрерывное развитие языка; 2) письменность не является классовой, но в Китае она была отдана в руки господствующего меньшинства в ущерб широким народным массам; 3) область действия языка шире надстройки; изменение базиса и надстройки отражается на словарном составе языка, вызывая его непрерывные изменения; китайская письменность не может угнаться за ростом лексики; 4) учение И. В. Сталина об отсутствии взрывов в развитии языка, конечно, не имеет в виду системы письма. Общий вывод: реформа китайского иероглифического письма нужна. Эта реформа должна параллельно проводиться в трех направлениях: а) совершенствование и упрощение системы иероглифического письма с ограничением числа употребляемых письменных знаков; б) снабжение знаков иероглифического письма боковыми значками фонетического алфавита; в) введение звукового алфавитного письма. По мнению проф. Ли, начинать надо с пункта «б», одновременно подготавливая и постепенно вводя остальные элементы реформы.

Основные положения статьи проф. Чжан Жуй-гуана таковы: 1) живой базой для выработки фонетического письма китайского национального языка должен быть пекинский диалект; попытка развивать местные диалекты в отдельные языки была бы ошибочной; 2) нормы письма не могут быть оторваны от живой речи; поскольку же звуковые различия — существенный элемент в китайской устной речи в настоящее время — пренебрежение этим фактом при разработке системы нового письма было бы грубой ошибкой; 3) поскольку развитие языка не знает взрывов, сложная картина территориальных диалектов в Китае, на которых говорят значительные массы населения, не может быть сразу изменена. Нормы письма, построенного на пекинском диалекте, должны быть, однако, удобными и для освоения их населением, говорящим на других диалектах; 4) существующая сейчас сложная и трудная система китайского письма должна быть реорганизована и упрощена на основе указанных выше трех принципов, чтобы сделать ее удобной для изучения и употребления широкими народными массами.

Комитет по реформе китайского письма работает уже свыше двух лет. 27 декабря 1951 г. агентство Синьхуа сообщило о реорганизации этого комитета, который отныне возглавляется проф. Ма Сюй-лунем, одним из крупнейших знатоков теории китайского иероглифического письма.

---

[15] Цитированы выше.

*

Было бы неправильно думать, что значение трудов И. В. Сталина по языкознанию для Китая ограничивается только перечисленными проблемами. Влияние этих гениальных трудов далеко выходит за пределы самого языкознания. В широком массовом движении за общую идеологическую перестройку, движении, охватившем в настоящее время весь Китай, гениальным трудам И. В. Сталина принадлежит важнейшая руководящая роль. И в этом еще и еще раз проявляется всепобеждающая сила великих идей марксизма-ленинизма.

И. М. Ошанин

КОРЕЙСКАЯ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

После того как Советская Армия освободила в августе 1945 г. корейский народ от ига японских империалистов, в Северной Корее развернулась большая работа по изучению корейского языка и письменности. Уже в 1946 г. начал свою работу «Комитет по изучению корейского языка и письменности», который объединил многих ученых-языковедов. В 1947 г. Временный Народный комитет Северной Кореи принял «Постановление об изучении корейского языка и письменности», на основании которого было создано «Общество по изучению корейской филологии» под председательством известного филолога Син Гу Хён. В октябре 1948 г. председателем общества стал один из самых известных ученых-лингвистов Ли Гык Но, перешедший в апреле 1948 г. с юга в Северную Корею.

Постановлением правительства Корейской Народно-демократической Республики обществу было поручено подготовить в печати к концу 1949 г. «Грамматику корейского языка» и «Словарь корейского языка». В работе общества принимал активное участие крупнейший корейский ученый-филолог, доктор филол. наук Ким Ду Бон, ныне председатель Президиума Верховного Народного собрания Кореи. В августе 1948 г. Ким Ду Бон читал лекции по корейскому языку в университете им. Ким Ир Сена на конференции преподавателей высших учебных заведений Северной Кореи. В работе конференции приняло участие свыше 200 человек. Ким Ду Бон выступил на конференции с двумя докладами: «О новой орфографии корейского языка» и «О проекте реформы письменности».

15 января 1949 г., выступая на торжественном заседании, посвященном пятьсот пятой годовщине создания корейского национального алфавита, Ким Ду Бон снова подчеркнул, что необходимо осуществить реформу орфографии, и изложил свои соображения относительно реформы письменности. Вся дальнейшая работа по составлению грамматики и словаря проводилась под наблюдением и при деятельном участии Ким Ду Бона.

Самым большим событием явилось вытеснение иероглифического письма из прессы — большинства газет и многих журналов — и переход на корейское буквенно-слоговое письмо. Газеты и журналы вследствие этого стали доступны широким массам трудящихся. В короткий срок были созданы учебники по корейскому языку и корейской литературе для школ и высших учебных заведений. В декабре 1949 г. вышла из печати «Грамматика корейского языка». Над составлением ее работал организованный в октябре 1948 г. специальный комитет в составе 12 человек.

«Грамматика» явилась результатом большой научно-исследовательской работы. К несомненным достоинствам «Грамматики» следует отнести иллюстрирование грамматических явлений примерами из произведений крупнейших современных корейских писателей Ли Ги Ёна, Хан Сор Я, Ли Тхэ Чжуна, Лим Хва и др. В «Грамматике» хорошо разработаны фонетика, учение о слове, словообразование, в частности, словообразование имен существительных. Собран богатый языковой материал по глаголу, по именному составному сказуемому. Однако ценность «Грамматики» снижается из-за того, что она приспособлена к тем правилам орфографии, которые еще не введены в действие. Не лишена «Грамматика» и некоторых методологических недостатков; основным недостатком ее является нечеткость в установлении границ между явлениями морфологии и явлениями синтаксиса. Нет в ней также исторического освещения грамматических явлений корейского языка.

Была проведена также огромная лексикографическая работа. Большой коллектив авторов подготовил материалы для «Словаря корейского языка», который должен был содержать 100 тысяч слов.

В 1949 г. начала издаваться «Библиотека по корейскому языкознанию». Первой книгой в этой ценной серии научных трудов была совместная работа филологов Чон Мон Су и Хон Ги Муна «Перевод и комментарии к „Хунминчжоным“» — первому своду корейского национального алфавита (1443 г.). Указанное исследование является важ-

ным вкладом в дело изучения истории корейского национального письма. Вторую книгу этой же серии составила «Фонетика корейского языка» Ли Гык Но, явившаяся результатом его многолетнего труда по экспериментальному исследованию звукового состава корейского языка. Вопросам стилистики корейского языка посвящена работа известного корейского писателя и филолога Ли Тхэ Чжуна «Лекции по новой стилистике», изданная в июне 1949 г.

Большим событием в развитии корейского языкознания явился выпуск лингвистического журнала. С апреля 1949 г. «Общество по изучению корейской филологии» начало издавать свой ежемесячный журнал «Изучение корейского языка» («Чосон-ёнгу»). Этот лингвистический журнал стал центром лингвистической мысли в Корее. В журнале, вокруг которого объединились крупнейшие ученые-лингвисты и филологи, печатались исследования по корейскому языку, статьи по общему языкознанию, записи фольклорных материалов, ответы на вопросы читателей. Из работ, опубликованных в журнале, следует назвать статьи Чон Мон Су «Система фонем „Хунминчжоным“» и «Фонология корейского языка», Ким Су Гёна «Буквы-вставки (буквы-разделительные знаки) в „Ёнбиочхонга“», «Ким Ду Бон как исследователь корейского языка», Ким Бён Чже «Культурное значение составления словаря корейского языка», Пак Сан Чжуна «О заимствованиях из китайского языка и вопросы употребления иероглифического письма», Син Гу Хёна «Жизнь и деятельность Чу Си Гёна—зачинателя движения за развитие корейского литературного языка». В журнале печатались материалы по лексикологии корейского языка, большое внимание уделяется вопросам орфографии и письменности.

Нельзя, однако, не отметить, что исследования корейских лингвистов носили все же несколько односторонний характер: подавляющее большинство работ было посвящено вопросам лексики, причем лексики не современного корейского языка, а древних памятников. Работ по грамматике почти совсем не было.

Журнал был подвергнут справедливой критике за то, что он оторвался от насущных проблем языкового строительства Корейской Народно-демократической Республики и почти не уделял внимания вопросам составления грамматики и словаря. Много критических замечаний в адрес редколлегии журнала было высказано на читательской конференции журнала «Изучение корейского языка», состоявшейся в ноябре 1949 г.

Корейские языковеды стремились учиться у советских ученых. Однако редколлегия журнала и прежде всего один из ведущих корейских ученых-языковедов Ким Су Гён оказались в плену у «нового учения» о языке, которое «ученики» Марра выдавали за достижение передовой советской лингвистики, за теорию, основанную на методе диалектического материализма. Некоторые корейские языковеды в своих работах использовали антимарксистские положения «теории» Марра и его последователей. Но «новое учение» о языке не могло оказать большого влияния на молодое корейское языкознание. Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания, разгромившие антимарксистскую «теорию» Марра, дали корейским языковедам правильную методологическую базу для дальнейшей работы.

Через пять дней после выхода в свет работы И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании», 25 июня 1950 г., на Корейскую Народно-демократическую Республику было совершено разбойничье нападение лисынмановских банд, действующих по указке американских империалистов. Мирный труд корейского народа был нарушен. Надо было мобилизовать все силы для отпора врагу. Сотни тысяч людей, пламенных патриотов своей родины, ушли на фронт. Добровольцами ушли на фронт и многие ученые, в том числе лингвисты Чон Мон Су — декан филологического факультета университета им. Ким Ир Сена, Ким Су Гён — заведующий кафедрой корейского языка и др. В боях за свободу и независимость своей родины пал смертью храбрых известный корейский ученый, один из выдающихся языковедов тов. Чон Мон Су.

Несмотря на огромные трудности военного времени, продолжали свою работу и корейские ученые-языковеды. Выход в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию ознаменовал новый этап в развитии корейского языкознания. Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания были вскоре переведены на корейский язык и опубликованы в центральной печати, а также вышли отдельной книгой.

С огромным энтузиазмом принялись корейские ученые-языковеды за изучение трудов И. В. Сталина по языкознанию. Изучая работы И. В. Сталина, они стали черпать в гениальных сталинских трудах новые творческие идеи, новые положения, новые импульсы к плодотворной научно-исследовательской работе.

В журнале «Народ» была опубликована статья Ки Сок Пока «Сталинская теория языкознания», в которой автор излагает основные положения гениальных трудов И. В. Сталина по языкознанию. Он указывает, что труды И. В. Сталина произвели коренной переворот в развитии науки о языке. Они разоблачили немарксистскую, антинаучную сущность теории Марра, дали гениальный критический анализ марровских формул о «классовости» языка, о языке как надстройке, марровской теории скрещения языков, марровской теории стадиальности в развитии языка и мышления. Труды И. В. Сталина точно определили сущность языка как общественного явления, его спе-

цифические особенности, его общественные функции, структуру, связь с мышлением, основные законы и пути его развития. В заключение Ки Сок Пок пишет, что труды И. В. Сталина заложили прочную теоретическую основу для дальнейшего развития советского языкознания, они как маяк освещают пути развития корейского языкознания.

Центром научной мысли в Корейской Народно-демократической Республике в настоящее время является университет имени Ким Ир Сена — детище и гордость освобожденного Советской Армией корейского народа.

В звериной злобе американские воздушные пираты подвергали университет варварским бомбардировкам, а когда им удалось временно захватить Пхеньян, они разграбили библиотеку университета, насчитывающую свыше ста тысяч томов, уничтожили лаборатории и кабинеты, расхитили их оборудование, взорвали уцелевшие корпуса. Университет укрылся в горах. Профессора и преподаватели, аспиранты и студенты ушли в горные ущелья. В горных теснинах, укрывающих от разбойничьих налетов вражеской авиации, в небольших крестьянских глинобитных домиках расположились теперь учебные аудитории и кабинеты, библиотека и лаборатории, столовые и общежития. Труженики города и деревни шлют студентам рис, бумагу, посуду, обувь, одежду. От друзей из Советского Союза, Китайской Народной Республики и европейских стран народной демократии приходят подарки: приборы и оборудование для научных лабораторий и кабинетов, учебные пособия.

Студенты и преподаватели университета преодолевают все трудности и лишения, чтобы своими знаниями, своим трудом помочь своему народу в его героической борьбе и претворить в жизнь призыв Ким Ир Сена, имя которого носит университет: «Народный университет должен и будет жить, народный университет должен и будет готовить кадры».

Постановлением Кабинета Министров КНДР создана Комиссия, которой поручено провести общую подготовительную работу с тем, чтобы к 15 августа с. г. (к седьмой годовщине освобождения страны основать Академию Наук КНДР).

Истекшие два года прошли под знаком методологического перевооружения корейских ученых-лингвистов. В свете работ И. В. Сталина по языкознанию пересматриваются программы основных теоретических курсов по языкознанию, лекции, учебные пособия, пересматриваются планы и разрабатывается тематика научно-исследовательских работ для студентов и аспирантов, специализирующихся в области языкознания, выдвигаются новые проблемы для научно-исследовательской работы ученых-языковедов.

Большое внимание уделяется изучению основного словарного фонда и словарного состава, морфологии и синтаксиса корейского языка.

Вернувшийся с фронта в университет Ким Су Гён, один из выдающихся современных корейских ученых-лингвистов, ныне декан филологического факультета и заведующий кафедрой корейского языка, работает над вопросами грамматического строя и основного словарного фонда корейского языка.

При активном участии Ким Су Гёна подготовлен сборник, посвященный вопросам философии, истории и языкознания в свете работ И. В. Сталина по языкознанию. Статьи по языкознанию написаны Ким Су Гёном и Хван Бу Ёном. Лим Ён Ок работает над кандидатской диссертацией на тему: «Основной словарный фонд корейского языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», Сон Со Рён работает над темой по истории корейского языка.

Научно-исследовательская работа корейских ученых-языковедов, подготовка молодых научных кадров в области языкознания принимают большой размах. В сентябре 1951 г. был проведен прием в аспирантуру университета им. Ким Ир Сена по кафедрам корейского языкознания, корейской литературы, русского языкознания, русской литературы, английской филологии. Корейские ученые внимательно следят за работой советских ученых-языковедов, тщательно изучают новые работы советских ученых. Изданный в 1950 г. Московским Государственным университетом сборник «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина» явился полезным пособием для корейских лингвистов в деле изучения вопросов языкознания в свете трудов И. В. Сталина.

На филологическом факультете университета им. Ким Ир Сена состоялось обсуждение статей советских ученых по вопросам языкознания.

Подобные обсуждения были проведены также в Высшей партийной школе, где работает известный филолог Син Гу Хён, в Академии общественных наук, где работает известный корейский лингвист-лексиколог Ким Бён Чже, а также в Пхеньянском педагогическом институте, директором которого назначен ученый-языковед, один из авторов «Грамматики корейского языка» Хо Ик.

В свете сталинских трудов по вопросам языкознания работу по изучению словарного состава и основного словарного фонда корейского языка ведет «Общество по изучению корейской филологии». В ноябре 1951 г. была закончена подготовка к печати большого «Словаря корейского языка», законченного составлением еще в 1949 г. Руководителем авторского коллектива по составлению этого словаря является крупный

лексиколог Ким Бён Чже. В подготовке рукописи словаря принимали участие видные ученые Корейской Народно-демократической Республики. Выпуск «Словаря корейского языка» сыграет огромную роль в установлении и развитии научной терминологии.

Большая работа ведется также по изучению грамматического строя корейского языка. Вскоре будут изданы «Лекции по корейскому языку и письму», в которых излагаются вопросы грамматики корейского языка, а также вопросы унификации корейской орфографии.

Корейское языкознание развивается в тесной связи с практикой школьного обучения языку. Министерство просвещения при участии видных ученых ведет работу по пересмотру, исправлению и дополнению новыми материалами учебников для школ.

Труды И. В. Сталина по языкознанию стали основой для коренного улучшения преподавания корейского и русского языков. Изучение учителями и работниками сети народного просвещения трудов И. В. Сталина привело к активизации и более глубокой постановке методической работы в области преподавания корейского языка.

Таким образом, за истекшие два года проделана значительная работа по перестройке преподавания языков в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. Возрос интерес к изучению русского языка, открывающего широкие возможности для овладения всеми научными и культурными сокровищами, созданными великим русским народом.

Корейские языковеды испытывают огромный творческий подъем в связи с выходом в свет гениальных трудов И. В. Сталина по языкознанию. Залог дальнейших успехов корейских языковедов в том, что они полны решимости на марксистской основе развернуть широкую программу развития корейского языкознания по пути, предначертанному в гениальных трудах И. В. Сталина.

Ю. Н. Мазур

БОЛГАРИЯ

Научное изучение болгарского языка, начатое русскими славистами Ю. И. Венелиным, В. И. Григоровичем и другими еще в первой половине XIX в., в самой Болгарии стало возможным лишь с 80-х годов XIX в. С этого времени началась деятельность Л. Милетича, Б. Цонева, С. Аргирова, А. Теодорова-Балана, Д. Матова, позже С. Младенова, С. Романского и ряда других языковедов. С именами этих ученых связана серьезная разработка ряда важнейших научных проблем болгарского языкознания. Глубокое и благотворное влияние на деятельность болгарских лингвистов оказала русская наука («московская школа» акад. Ф. Ф. Фортунатова, «казанская школа» И. А. Бодуэна-де-Куртенэ и др.).

После первой мировой войны и установления в Болгарии фашистской диктатуры научные связи между нашей страной и Болгарией были прерваны. Ряд болгарских лингвистов подпал под влияние модных на Западе различных соссюрианских и неососсюрианских школ и направлений. Особенно сильное влияние оказал структурализм, наиболее активным сторонником которого в Болгарии был славист Иван Леков. Все это не прошло бесследно для болгарского языкознания. После первой мировой войны было создано очень мало крупных работ, посвященных болгарскому языку. После периода подъема болгарского языкознания, связанного прежде всего с деятельностью Милетича и Цонева, наступил длительный период застоя.

После прихода к власти правительства Отечественного фронта и установления режима народной демократии окрепли связи между советской и болгарской наукой. Однако в области языкознания упрочению этих связей мешали сторонники Марра, которые стремились выдать антимарксистское «новое учение» акад. Марра за марксистско-ленинское учение о языке. Под влияние марровской «теории» подпали некоторые болгарские лингвисты, философы и историки (проф. Ив. Леков, акад. Т. Павлов, проф. Ал. Бурмов). Получили широкое распространение взгляды на язык как на идеологическую надстройку, язык был признан классовым, решительно отвергался сравнительно-исторический метод, считалось, что признание генетического родства языков приводит исследователя к расизму. Особенно упорно пропагандировал теорию Марра в Болгарии заведующий кафедрой славянского языкознания Софийского университета, член-корр. Болгарской академии наук Ив. Леков. Выступив в печати еще до войны с рядом работ, в которых он защищал основные положения структурализма, Леков с 1945 г. заявил себя горячим сторонником «нового учения» о языке. Он решительно отверг сравнительно-исторический метод, генетическое родство языков (в частности, славянских) и в своих многочисленных популярных статьях последних лет выступал ярым защитником «нового учения» о языке.

Леков не был одинок. В самые последние годы с популяризацией отдельных положений «нового учения» начали выступать проф. Л. Андрейчин — крупный специалист в области современного болгарского языка и проф. С. Стойков — автор ряда работ по

диалектологии и фонетике. Руководимый ими журнал «Език и литература», предназначенный для учителей средних школ, стал рупором «нового учения» в Болгарии. Однако большинство болгарских лингвистов отрицательно относилось к «новому учению». С наиболее активными из них болгарские сторонники теории Марра вели упорную борьбу. Крупный болгарский лингвист Вл. Георгиев подвергался со стороны последних шельмованию. Всех, кто выступал против «нового учения», демагогически обвиняли во враждебном отношении к советской науке вообще.

Все это не могло оказать благотворного влияния на развитие языкознания в Болгарии. За последние годы не было издано ни одной значительной работы по истории болгарского языка, по диалектологии, по истории современного литературного языка. Высшая школа оставалась без хороших учебников и учебных пособий по языкознанию. Учебники, изданные в 1948—1949 гг., были неудовлетворительными.

Начавшаяся 9 мая 1950 г. в СССР на страницах газеты «Правда» лингвистическая дискуссия нашла горячий отклик в Болгарии. Вл. Георгиев выступил со статьей «О некоторых вопросах языкознания» (на русском языке; написана 19 мая 1950 г., напечатана позже), в которой, «соглашаясь почти всецело с положениями, высказанными проф. А. Чикобава»[1], остановился более подробно на вопросах сравнительно-исторического метода и на ряде убедительных примеров показал антинаучный характер палеонтологического анализа Марра. Автор пришел к выводу, что теория Марра противоречит марксизму.

20 июня 1950 г.— важнейшая дата в истории современной науки вообще и языкознания в особенности. В своем гениальном труде «Относительно марксизма в языкознании» И. В. Сталин не только разоблачил антимарксистскую сущность «нового учения», но и поднял самую науку о языке на новую ступень. И. В. Сталин дал гениальный образец творческого применения марксизма к вопросам языка. Лингвистические труды И. В. Сталина сыграли первостепенную роль в судьбах современной болгарской науки. Они освободили болгарских лингвистов, историков, философов от антинаучных марровских схем и вывели их на широкий путь свободного научного творчества.

Изучение сталинских работ по языкознанию приняло в Болгарии всенародный характер. Они сразу же были напечатаны во всех газетах и журналах. Не только в научных учреждениях, но и в школах, на фабриках, заводах, новостройках, в селах, в воинских частях создавались семинары, читались лекции по сталинскому учению о языке. Весь народ принял участие в обсуждении лингвистических проблем, поставленных И. В. Сталиным. Сторонники «нового учения» о языке выступили в печати с заявлениями о том, что они отказываются от своих прежних взглядов и обещают в дальнейшем работать на основе сталинского учения о языке.

Перед Болгарской Академией наук и Софийским университетом была поставлена задача глубокой перестройки всей научной деятельности в духе работ И. В. Сталина по языкознанию. В октябре 1950 г. в Академии наук с большим докладом о новых задачах выступил акад. Т. Павлов, в котором он признал и собственные ошибки в оценке «нового учения» о языке[2].

4 и 5 декабря 1950 г. состоялась большая научная сессия в Софийском университете, на которой с докладом «Сталинское учение о языке и проблемы болгарского языкознания» выступил проф. Вл. Георгиев. В прениях по докладу высказалось 16 человек; некоторые из выступавших в прошлом разделяли марровские взгляды[3]. 25 декабря в Академии наук состоялась торжественная сессия, посвященная 71-й годовщине со дня рождения И. В. Сталина. На сессии были заслушаны доклады: Т. Павлова «Теоретико-методологическое значение нового труда И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“» и Вл. Георгиева «Значение нового труда И. В. Сталина для развития болгарского языкознания»[4]. После сессии было принято постановление о реорганизации Института болгарского языка Академии наук; его директором был назначен проф. Георгиев. Обе сессии (особенно университетская) представляют большой интерес, и, несомненно, сыграют значительную роль в дальнейшем развитии языкознания и ликвидации последствий марровского учения.

Проф. Георгиев в своем докладе от 4 декабря указывает, что с появлением лингвистических трудов И. В. Сталина начинается новый этап в истории языкознания. «Участие великого корифея науки в дискуссии было праздником не только для

---

[1] «О некоторых вопросах языкознания», София, 1950 г., стр. 5 (Отдельный оттиск из «Годишник на Софийския университет», Историко-филологически факултет, т. XLVI, кн, 4, 1950).

[2] Т. Павлов, Теоретико-методологическото значения на новия труд на И. В. Сталин «Марксизъмът и въпросите на езикознанието», София, 1950.

[3] См. «Проблемите на българското езикознание в светлината на сталинското учение за езика», София, 1951.

[4] «Тържествена научна сесия по случай 71-годишнината от рождението на Иосиф В. Сталин посветена на труда му „Марксизъмът и въпросите на езикознанието“ 25 декември 1950 година», София, 1951.

языкознания, но и для всех наук»[5]. Докладчик подробно осветил основы сталинского учения о языке. Излагая содержание ответа И. В. Сталина на вопрос: «Верно ли, что язык был всегда и остается классовым, что общего и единого для общества неклассового, общенародного языка не существует?», Георгиев справедливо указывает, что установление в Болгарии режима народной демократии не привело к созданию нового болгарского языка. Никаких изменений в грамматическом строе и основном словарном фонде не произошло. Болгарский язык продолжает так же хорошо обслуживать новое общество, новые надстройки, как он обслуживал до второй мировой войны старое общество.

Перейдя к изложению сталинского учения об основном словарном фонде и словарном составе, докладчик привел несколько примеров из болгарского языка. Словарный состав современного болгарского языка за последние 7 лет претерпел существенные изменения. Появилось много новых слов (например, *септемврийче*), ряд слов уже устарел (например, *ра́тник*, *кмет*), некоторые слова получили новое значение (например, *партиза́нин*). И несмотря на это, основной словарный фонд болгарского языка остался прежним.

Касаясь вопроса о скрещивании языков, Георгиев приводит факты из истории болгарского языка. В конце VII в. болгары-тюрки появились на Балканах и в районе Мизии, в это время уже заселенной славянами, основали новое государство. Вскоре тюрки были ассимилированы славянами. «Язык их постепенно исчез, оставив ничтожные следы в нашем славянском языке, который продолжал развиваться по внутренним законам своего развития» [6].

Проф. Вл. Георгиев является в Болгарии известным специалистом в области сравнительного языкознания. В последние годы им были сделаны крупные открытия в области минойской письменности[7]. Поэтому понятно, почему докладчик много внимания уделил вопросам сравнительно-исторического метода.

Проф. Георгиев убедительно показал, что марровская палеонтология с ее четырехэлементным анализом полностью противоречит данным науки. Одновременно он установил, что элементный анализ не являлся чем-то случайным, внешним в теории Марра. Все доказательства Марра, все его этимологии и в конце концов вся его теория языка строилась на этом анализе. Единственно научным методом в языкознании, по мнению Георгиева, является сравнительно-исторический метод. Отвечая своим критикам (прежде всего акад. Павлову), докладчик указывает, что его взгляды на сущность сравнительно-исторического метода не противоречат тому, что методологической основой языкознания, как и любой науки, является диалектический материализм. Сравнительно-исторический метод — это научный прием, с помощью которого лингвисты реконструируют уже исчезнувшие формы языка. «Диалектический материализм,— говорит Георгиев,— не исключает, а предполагает в каждой научной области наличие особых методов исследования, которые раскрывают специфический характер изучаемого предмета»[8].

Не со всеми положениями Вл. Георгиева о сравнительно-историческом методе и сравнительно-историческом языкознании можно согласиться. Нужно прямо сказать, что в решении данных вопросов докладчик недостаточно использует положения, сформулированные И. В. Сталиным. Выше мы упоминали о статье Георгиева «О некоторых вопросах языкознания», написанной 19 мая 1950 г., т. е. до появления сталинских работ. В вопросе о сравнительно-историческом методе эта статья и доклад 4 декабря 1950 г. ничем принципиально не отличаются. А между тем И. В. Сталин лаконично, но совершенно определенно высказал свое мнение по этим вопросам: 1) изучение языкового родства славянских наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка; 2) теория «праязыка» не имеет отношения к изучению языкового родства; 3) сравнительно-исторический метод, несмотря на все его недостатки, может быть использован лингвистами, так как он «толкает к работе, к изучению языков». Эти указания И. В. Сталина должны определить направление всей работы в области сравнительно-исторической грамматики и ее метода.

Перед болгарскими лингвистами стоит задача не возрождения старой сравнительно-исторической грамматики, а ее дальнейшего развития на основе сталинского учения о языке. Указание И. В. Сталина о том, что изучение языкового родства должно дать ценный материал для изучения законов развития языка, совершенно по-новому определяет основную задачу сравнительно-исторического языкознания. Специалисты по сравнительной грамматике давали богатый материал для теоретических обобщений, но сами этих обобщений, как правило, не делали. Докладчик прошел мимо этого. Прошел он и мимо второго положения — о теории «праязыка». Правда, после доклада ему пришлось отвечать на вопрос: «может ли сравнительно-историческое

[5] «Тъержествена научна сесия...», стр. 9.

[6] Там же, стр. 19.

[7] См. нашу заметку «Новое о языке минойских надписей», «Известия АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», 1951, № 2.

[8] «Тъержествена научна сесия...», стр. 20.

языкознание оперировать без понятия «праязыка?» Вопрос был вызван указанным выше положением И. В. Сталина. Ответ — «сравнительно-исторический метод показывает, что праязыки были»[9] — не раскрывает сталинской оценки теории «праязыка» и связи этой теории со сравнительно-историческим методом.

Ничего не сказал докладчик и о недостатках сравнительно-исторического метода, сославшись на то, что об этом он говорил уже прежде. Положение И. В. Сталина о сравнительно-историческом методе обязывает лингвистов четко определить сферы его применения и взаимоотношение его с другими приемами лингвистического исследования. Этого докладчик не сделал.

Проф. Георгиев подверг серьезной критике марровские извращения в области сравнительно-исторического языкознания, но не дал положительной программы, на основе которой можно было бы развивать в дальнейшем в Болгарии сравнительно-историческое изучение групп родственных языков, прежде всего славянских. А это сделать необходимо, так как кафедра славянского языкознания Софийского университета, возглавляемая проф. Лековым, нуждается в помощи лингвистической общественности Болгарии. Об этом, между прочим, говорит и выступление Лекова по докладу Георгиева, которое, по справедливому замечанию П. Зарева, содержало лишь одни декларации. Посвятив много времени выяснению вопроса о том, под влиянием чьих работ он стал сторонником Марра, проф. Леков не раскрыл порочного характера всей системы своих взглядов и фактически прошел мимо определения дальнейших задач исследований в области сравнительной грамматики славянских языков.

В своем докладе проф. Георгиев затронул вопросы изучения современного болгарского языка и его истории. Не будучи специалистом в этой области, он ограничился самыми общими замечаниями. Докладчик справедливо указал, что в этой области предстоит большая и напряженная работа. Он верно оценивает старые работы, в частности книги по истории болгарского языка Б. Цонева и С. Младенова, которые представляют собой собрание сырого материала. Отрицательно оценивается новый учебник по истории болгарского языка проф. К. Мирчева — «собрание обрывочно изложенных фактов и материалов».[10]

Вопросам истории болгарского языка было посвящено большое и содержательное выступление заведующего кафедрой болгарского языка Софийского университета Кирилла Мирчева. Отдельных вопросов касались и другие выступавшие. Проф Мирчев указал, что «новое учение» препятствовало научному изучению истории языка. Выдвигались теории, которые шли в разрез с фактами, противоречили им. «Некоторые дошли до того, что вместе с проф. Державиным утверждали, что аналитический строй болгарского языка является его исконным свойством»[11].

Борьба с теорией Марра не должна, по мнению Мирчева, заслонять борьбу с идеализмом и национализмом прежних историков болгарского языка. Нельзя забывать положение И. В. Сталина, что историю языка нужно изучать в связи с историей народа, говорящего на данном языке. Это положение Мирчев проиллюстрировал на отдельных фактах. Он справедливо указал на ошибочный подход историков болгарского языка (Милетича, Цонева, Младенова и других) к вопросу о так называемых *балканизмах* в болгарском языке, что объяснялось их буржуазным национализмом. С полным основанием он вспомнил и свою ошибочную работу, посвященную истории инфинитива в болгарском языке, в которой все усилия автора «были направлены на то, чтобы доказать изолированный характер этого явления».[12]

Не все конкретные примеры К. Мирчева, иллюстрирующие связь истории языка и народа, удачны и правильны. Не могу, например, согласиться с ним, что «возникновение в глагольной системе болгарского языка» форм пересказывания «связано с особыми условиями в эпоху турецкого рабства»[13]. Никаких убедительных доказательств этого положения, выдвигавшегося и до Мирчева, приведено им не было.

Совершенно верно указывает К. Мирчев что марровская теория скрещивания была тормозом, мешала изучению подлинной истории любого языка. И. В. Сталин кладет «конец этим заблуждениям и ясно уточняет роль скрещивания в развитии языков». Болгарский язык переживал скрещивание с другими языками, но несмотря на все эти скрещивания остался по своему грамматическому строю и основному словарному фонду *славянским* языком. Сталкиваясь с другими языками, он обычно выходил победителем и ассимилировал их (болгарский—тюркский язык, фракийский язык и др.). Мирчев указывает и на случай, когда был ассимилирован славянский язык. Именно так было на территории современной Румынии. Можно добавить, что аналогичный процесс в разное время был пережит в Греции и в Албании.

---

[9] Там же, стр. 60.
[10] Там же, стр. 46.
[11] Там же, стр. 107.
[12] Там же, стр. 109.
[13] Там же.

И. В. Сталин установил закон неравномерного развития отдельных сторон языковой системы. «Из учения И. В. Сталина о непосредственной связи языка с производством вытекает вывод о неравномерности темпов и о различиях законов изменений разных сторон языка, разных его элементов... Неравномерность языковых изменений и их темпов объясняется специфическим характером разных видов структурных объединений в языке, разной степени абстракции и качественными различиями между лексическими и грамматическими категориями и связями»[14]. И на эту сторону учения И. В. Сталина историки болгарского языка обратили внимание, справедливо отметив, что болгарский язык развивался и развивается неравномерно. Однако следует указать, что в доказательство этого бесспорного положения проф. Мирчев и другие приводили не всегда удачные примеры. На одном из этих примеров следует специально остановиться, так как он связан с одной очень распространенной, но глубоко ошибочной концепцией. Речь идет об отсутствии в болгарском языке именной флексии.

В своем выступлении по докладу Вл. Георгиева К. Мирчев сказал, что именная система болгарского языка развивалась быстро, а глагольная медленно. «Если в болгарском языке развитие именной системы отличается достаточно быстрым темпом, то глагольная система развивается значительно медленнее. Обратное положение наблюдается в большей части остальных славянских языков, в которых более быстрым темпом развития характеризуется глагольная система»[15]. В своей статье «История болгарского языка и высказывания И. В. Сталина по языкознанию» К. Мирчев идет еще дальше и утверждает, что грамматический строй болгарского языка развивается быстрее, «нежели в других славянских языках»[16]. Эти утверждения историка болгарского языка вновь воскрешают ошибочные и совершенно бездоказательные теории о том, что синтетические языки должны обязательно перейти в аналитические, что последние представляют якобы более высокий и развитый тип языковой структуры. Советские лингвисты показали антинаучный характер подобных теорий. Аналитизм болгарского языка есть его специфическая особенность, а вовсе не следствие того, что он в данном случае обогнал другие славянские языки. У нас нет никаких оснований утверждать, что, например, в русском языке именные флексии исчезнут.

Кратко остановился проф. Мирчев и на вопросе периодизации истории болгарского языка, затронув в связи с этим вопрос о языке среднеболгарских памятников. Он справедливо указал на сложность этих вопросов. Отметив, что наша статья о периодизации истории болгарского языка[17] поднимает «чрезвычайно интересные и важные» вопросы», проф. Мирчев, к сожалению, не высказался по существу этих вопросов. Как известно, средневековые церковные памятники дают сравнительно мало материала для изучения народных говоров. Более ценными источниками являются грамоты, частные письма, деловые бумаги, приходо-расходные и межевые книги и пр., но таких болгарских памятников почти не сохранилось. В этом состоит основная трудность, с которой сталкивается историк болгарского языка при изучении так называемого среднеболгарского периода. Ему приходится ограничиваться изучением сохранившихся церковных памятников, которые действительно для XIII—XIV вв. дают мало материала, характеризующего народный язык. Следует учесть еще, что болгарские книжники XIII и особенно XIV вв. превосходно владели старым церковным языком. Проф. Мирчев упрекает нас в том, что мы в своей статье недооцениваем значения среднеболгарских памятников и преувеличиваем разрыв между их языком и народными говорами. Речь идет, однако, преимущественно о церковных памятниках. Мы согласны с проф. Мирчевым и том, что не все средневековые памятники изучены. Необходимо продолжать исследование языка памятников. Нельзя не выразить сожаление, что в самой Болгарии уже много лет не появлялось значительных монографических исследований языка отдельных памятников. Это тормозит создание полной истории болгарского языка.

Не менее серьезным препятствием является пренебрежение к диалектологической работе. Последняя крупная монография по изучению болгарских говоров появилась 16 лет назад. Почти все сведения по восточноболгарским говорам извлекаются из двух уже давно устаревших монографий Л. Милетича. Ничего не делалось и в области лингвистического картографирования болгарского языка.

По вопросам диалектологии на сессии выступил проф. С. Стойков. В своем выступлении он очень мало сказал о самой болгарской диалектологии, о ее задачах и ограничился изложением лишь общих вопросов. А между тем проф. Стойков является руководителем болгарских диалектологов. Болгарская Академия наук приняла решение о развертывании диалектологической работы, о необходимости создания большого диалектологического атласа. Эта работа требует серьезного планирования и интенсивной подготовки кадров.

---

[14] В. В. Виноградов, Значение работ И. В. Сталина для развития советского языкознания. «Материалы объединенной сессии, посвященной трудам И. В. Сталина по языкознанию», 1951, стр. 50—51.

[15] «Тъержествена научна сесия...», стр. 111.

[16] «Език и литература», VI, 2, 1951, стр. 93.

[17] См. «Известия АН СССР, Отделение лит-ры и яз.», 1950, № 2.

Сессией была принята резолюция, в которой прежде всего подчеркивалось, что основной задачей болгарских лингвистов является внедрение марксизма в языкознание. Сессия призвала всех лингвистов к активной борьбе с пережитками «нового учения» о языке, а также с идеализмом, шовинизмом и расизмом в языкознании. В резолюции подчеркивается необходимость усиления внимания к современному болгарскому языку и к проблемам сравнительной грамматики славянских языков.

На академической сессии, посвященной 71-й годовщине со дня рождения И. В. Сталина, Вл. Георгиев выступил с докладом на тему «Значение нового труда И. В. Сталина для развития болгарского языкознания». В отличие от доклада на университетской сессии, здесь в центре внимания стояло определение тех задач, над которыми в ближайшие годы должны работать болгарские лингвисты. Докладчик выдвинул 10 положений, формулирующих задачи дальнейшей работы[18]:

1. Периодизация истории болгарского языка.

2. Отделение болгарского языка от общеславянского языка: обособление его как самостоятельного языка; его родство с другими славянскими языками; его основной словарный фонд и грамматический строй.

3. Установление древнеболгарского литературного языка: его словарный состав; влияние балканского субстрата; взаимоотношения между славяно-болгарским и болгарским (тюркским) языками; влияние греческого языка.

4. Развитие языка в период феодализма; переход от синтетического строя к аналитическому; появление членной формы; исчезновение инфинитива; появление так называемых форм для пересказывания; влияние турецкого языка и дальнейшее влияние греческого языка.

5. Появление, развитие и основные особенности болгарских диалектов; язык болгарского фольклора.

6. Возникновение болгарского национального языка в связи с развитием болгарского народа в нацию во время установления буржуазных отношений до и после освобождения от турецкого рабства; заслуги Каравелова и Ботева, П. Р. Славейкова и Вазова в создании болгарского литературного языка.

7. Огромное благотворное влияние русского языка при создании новоболгарского литературного языка; быстрое уменьшение турцизмов; болгарский язык среди других балканских языков.

8. Окончательное оформление современного литературного языка; грамматический строй, основной словарный фонд и словарный состав; заслуги болгарских писателей и языковедов после Освобождения; значение болгарской прогрессивной и партийной печати в деле обогащения болгарского языка.

9. Изменения в словарном составе болгарского языка в эпоху построения основ социализма в Болгарии и новое влияние русского языка после 9 сентября 1944 г.

10. Перспективы будущего развития болгарского языка.

В этой большой программе будущих исследований указаны почти все вопросы. К реализации некоторых уже приступлено. Так, по инициативе акад. А. Теодорова-Балана начата коллективная работа по истории болгарского литературного языка XIX в. Работы самого Теодорова-Балана и новейшие исследования о языке болгарских писателей, среди которых особенно выделяются статьи Л. Андрейчина о языке Каравелова, Ботева и Вазова[19], дают основание надеяться, что новый труд, который должен быть закончен к лету 1952 г., явится ценным вкладом в науку о болгарском языке.

В обширной и интересной программе Георгиева не выделены важнейшие вопросы, разработка которых должна вестись в ближайшие годы. Недостаточно подчеркнута необходимость усиления работы в области изучения языка памятников письменности. Мало сказано о задачах диалектологии. Работа над атласом болгарских говоров — одна из первоочередных задач болгарской науки. Изучение сравнительной грамматики славянских языков будет вестись только в связи с историей болгарского языка. Думаю, что такое ограничение нецелесообразно. Почему-то некоторые проблемы (например, изучение связи болгарского языка с другими балканскими языками) указываются в различных разделах.

Удачно и вполне убедительно был решен проф. Георгиевым вопрос о македонском языке, поставленный акад. Павловым. Решение это было дано на основе сталинского учения о языке и диалекте. «Бывают и обратные процессы, когда единый язык народности, не ставшей еще нацией в силу отсутствия необходимых экономических условий развития, терпит крах вследствие государственного распада этой народности, а местные диалекты, не успевшие еще перемолоться в едином языке,— оживают и дают начало образованию отдельных самостоятельных языков»[20]. Это положение И. В. Сталина

---

[18] «Тържествена научна сесия...», стр. 50—51.

[19] Л. Андрейчин, Език и стил на Л. Каравелов, Годишник на Софийския университет, т. XLVI, кн. 4; Език и стил на Христо Ботев; Иван Вазов и българският език, сб. „Иван Вазов", София, 1950.

[20] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 44.

дает ключ к пониманию природы македонского языка. До XIX в. никакого *самостоятельного* македонского языка не существовало. Македонские местные говоры входили в состав болгарского народного языка. В XIX в., вследствие того, что Македония не вошла в состав Болгарии, развитие македонского языка пошло своим особым путем, и в связи с созданием особой македонской нации сформировался на основе центральных говоров македонский национальный язык, который теперь в титовской Югославии подвергается искажению и искусственной сербизации. Пресловутый «македонский вопрос» научно может быть разрешен лишь на основе сталинского учения о языке.

Еще до декабрьских сессий началась коренная перестройка преподавания лингвистических дисциплин в Софийском университете. Особый размах она получила после сессий, которые дали богатый материал для пересмотра программ, для нового построения лингвистических дисциплин. Особое внимание лингвисты уделяют созданию учебников по введению в языкознание, истории болгарского языка, диалектологии, современному болгарскому языку. Предполагается издание сборников по теоретическим вопросам языкознания.

Годовщина выступления И. В. Сталина по вопросам марксизма в языкознании была отмечена в Болгарии конференцией, посвященной современной болгарской орфографии[21].

Большая работа в настоящее время ведется в Институте языкознания Академии наук. Много сделано за 1951 г. в области лексикографии. Подготовлен к печати первый выпуск «Словаря болгарского литературного языка». Начато составление большого русско-болгарского словаря. На заседаниях секций Института было прочитано много докладов по различным вопросам болгарского языкознания. Нахо- Вышел из печати сборник «Вопросы языкознания в свете сталинских работ по языкознанию». Институт начал издавать новый лингвистический журнал «Български език».

Неузнаваемо изменилось положение в болгарском языкознании после выхода в свет книги И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Болгарская наука о языке переживает сейчас серьезный подъем. Болгарские лингвисты прекрасно понимают, что предпосылкой успешной научной работы является углубленное изучение марксизма-ленинизма. Внедрение марксизма в языкознание — вот основная задача, стоящая в настоящее время перед лингвистами.

С. Б. Бернштейн

ВЕНГРИЯ

Венгерское языкознание по праву гордится богатыми традициями, связанными с разработкой Я. Шайновичем и Ш. Дярмати положений сравнительно-исторического языкознания на угро-финском языковом материале. Венгерские языковеды внесли большой вклад в изучение венгерского, тюркских и других языков. В языковедческих кругах широко известны имена венгерских языковедов Кереши Чома, Буденца, Реваи, Шимони, Синнеи, Балашши и др. О давних традициях языкознания в Венгрии свидетельствует и тот факт, что венгерский филологический журнал «Мадяр Нельвёр» («Страж венгерского языка») в прошлом году отмечал свое 75-летие.

Нужно отдать справедливость венгерским языковедам, что «новое учение» о языке в их среде успеха не имело. Правда, в журнале «Мадяр Нельвёр» в годы, предшествовавшие появлению гениальных трудов И. В. Сталина по языкознанию, печатались некоторые работы последователей Марра, а в учебных заведениях изредка читались лекции по тематике так называемого «нового учения» о языке. Однако псевдомарксистские положения «нового учения» о языке могли только запутать венгерских языковедов, а непонятность этих положений вызывала в них чувство неуверенности, беспомощности. В особенности смущало венгерских языковедов шельмование Марром сравнительно-исторического метода, так как они никак не могли себе представить, каким образом сравнительно-исторический метод может быть заменен четырехэлементным анализом и стадиальной классификацией языков.

Однако методы буржуазного языкознания, которыми до этого пользовались венгерские языковеды, не могли удовлетворить возросших требований передовой науки в условиях строительства социализма. Заместитель председателя Венгерского филологического общества Л. Тамаш в своей статье «Год перелома в языкознании» писал об этом «...ни в коем случае нельзя утверждать, будто бы то, что являлось прогрессивным в языковедческой науке прошлого столетия, мы можем развивать и впредь, что мы можем удовлетвориться сравнением родственных слов отдельных языковых

---

[21] Л. Андрейчин, Основните проблеми на съвременния български правопис. Доклад на конференции в Болгарской АН, София, 1951.

групп», и далее: «...в нашей языковедческой науке ведущее место все еще занимают вопросы истории звуков, исследование нарицательных имен и географических названий» [1].

В этой статье, посвященной вопросам венгерского языкознания в свете учения И. В. Сталина о языке, хотя и сжато, но довольно точно определены основные недостатки венгерского языкознания: увлечение частными темами и пренебрежение к теоретическим вопросам, исследование языка в отрыве от истории народа. Можно отметить и другие ошибки венгерских лингвистов, например, неправильное отношение к морфологии и переоценку синтаксиса. В этом вопросе некоторые венгерские языковеды бессознательно повторяли ошибку сторонников «нового учения» о языке. Это видно хотя бы из переведенной у нас работы Й. Балашши «Венгерский язык», в которой автор прямо заявляет, что морфология не нужна, потому что она относится, с одной стороны, к учению о слове, а с другой — к синтаксису [2]. Недооценка морфологии проникла и в практику преподавания языка. Учебники венгерского языка в последние годы были разработаны «на синтаксической основе».

Таким образом, языковедческая наука в Венгрии оказалась в состоянии застоя. Она нуждалась в толчке, в живительной струе, в правильных, подлинно научных указаниях. Такие указания содержались в гениальных трудах И. В. Сталина по языкознанию. Эти указания дали венгерским языковедам, имеющим хорошую лингвистическую подготовку и, главное, горячо желающим плодотворно работать на благо своей родины, строящей социализм, ту прочную методологическую базу, опираясь на которую, они могут уверенно идти вперед, могут дальше развивать свою науку.

Появление на страницах «Правды» работ И. В. Сталина венгерская общественность встретила с огромным воодушевлением. Работы И. В. Сталина были опубликованы во всей венгерской печати.

Легко представить себе, что это величайшее событие прогрессивной науки явилось праздником для венгерских языковедов. Журнал «Мадяр Нельвёр» опубликовал полные переводы работ И. В. Сталина по языкознанию. На общем собрании членов Венгерского филологического общества от 4 июля 1950 г. акад. Миклош Жираи в своей вступительной речи подробно охарактеризовал значение работ И. В. Сталина, подчеркнул политическое значение того факта, что в условиях напряженной международной обстановки вождь прогрессивного человечества ведет не секретные переговоры с начальниками военных штабов, а пишет исследование об основных методологических вопросах специальной науки, оказавшейся в тупике. Акад. Жираи закончил свою речь словами: «работники венгерской филологической науки теперь ясно видят, что нужно делать, в чем состоят их обязанности: они должны ликвидировать остатки марризма и изучать классиков марксизма-ленинизма, чтобы с хорошей специальной и идеологической подготовкой развивать дальше венгерское языкознание» [3].

В конце октября 1950 г. состоялась трехдневная выездная сессия Венгерского филологического общества в г. Дебрецен. В докладах на сессии было отмечено, что уже ведутся работы по подготовке венгерского диалектологического атласа, по сбору географических названий, развертывается работа по составлению диалектологического и исторического словарей и продолжается составление научной описательной грамматики. Таким образом, материалы сессии свидетельствовали о значительном подъеме в области языковедческой науки. Л. Тамаш посвятил свой доклад на сессии вопросу об основном словарном фонде и словарном составе в свете учения И. В. Сталина, проф. Дебреценского университета, составитель этимологического словаря венгерского языка Г. Барци говорил о перспективах выяснения при помощи сравнительно-исторического метода состояния древневенгерских диалектов до прихода венгров на территорию современной Венгрии. Л. Леринце доложил о перестройке пятилетнего плана языковедческих работ в свете учения И. В. Сталина.

В 1950 г. вышло в свет 9-е издание академического орфографического справочника. Пополнение его новыми материалами свидетельствует о том, что Венгерская академия наук теперь живо откликается на нужды народных масс и окончательно порвала со своими старыми традициями, в результате которых она в начале XX в. в течение двух десятилетий тормозила установление единой венгерской орфографии. О тесном контакте работы Венгерской академии наук с органами народного образования свидетельствует также и предисловие к орфографическому справочнику, в котором сообщается о работе комиссии по подготовке реформы правописания.

Значительным событием в развитии венгерской науки явилась состоявшая в конце 1950 г. торжественная сессия Венгерской академии наук, посвященная 125-летию ее существования. Доклады и выступления акад. Д. Немета, Г. Барци, Д. Пайжа, М. Жираи, Л. Тамаша, директора Института языкознания акад. Ж. Телегди и зам. председателя Венгерской академии наук Л. Лигети были посвящены дальнейшей разработке проблем, выдвинутых И. В. Сталиным: вопросу об основном словарном фонде

[1] «Magyar Nyelvör», № 5, 1950, стр. 329.
[2] Й. Балашша, Венгерский язык, Иноиздат, 1951, стр. 39.
[3] «Magyar Nyelvör», 1950, № 4, стр. 314—315.

и словарном составе, о языке как общественном явлении, о сравнительно-историческом методе. Резкой критике были подвергнуты методологические ошибки так называемого «нового учения» о языке и порочная методология буржуазного языкознания. Наряду с этим намечались пути разработки подлинно марксистского языкознания. Участники сессии призывали следовать примеру советских языковедов и поддерживать с ними теснейшую связь, они отмечали дружескую помощь, оказываемую венгерской науке со стороны советских ученых.

Важным событием в работе Венгерской академии наук явился выпуск в свет в 1951 г. большого русско-венгерского словаря с приложенной к нему грамматикой русского языка (Hadrovics-Gáldi, Orosz-magyar szótár). Словарь означает шаг вперед в нормализации венгерского национального языка, особенно в отношении передачи советизмов, калькированных переводов русских слов, словосочетаний, обозначающих понятия, связанные с развитием социализма в Венгрии. В этой области до появления словаря господствовал большой разнобой, даже в одних и тех же органах печати употреблялись различные термины. Следует отметить, что словарь свидетельствует о тщательном отборе лексики, чувствуется обдуманная работа над передачей оттенков слов, умелое использование советских словарей. Большой академический русско-венгерский словарь имеет огромное значение и для советского словарного дела.

Среди венгерских языковедов повысился интерес к решению теоретических проблем. Страницы журнала «Мадяр Нельвёр», которые прежде почти целиком были заняты обсуждением вопросов нормализации языка, терминологии и правильности употребления отдельных слов и выражений, в 1950—1951 гг. были предоставлены статьям, посвященным разработке теоретических вопросов, выдвинутых И. В. Сталиным, и информацией о работе советских языковедов в области языкознания.

Все это показывает, что работы И. В. Сталина оказали огромное влияние на развитие языковедческой мысли в Венгрии.

К. Е. Майтинская

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1952

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О СТАТЬЯХ ПРОФ. А. В. АРЦИХОВСКОГО ПО ПОВОДУ ОТКРЫТИЯ НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

ДРАГОЦЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В советской лингвистической литературе вопрос о том, следует ли считать язык памятников деловой письменности древней Руси («Русской правды», договоров, грамот) русским литературным языком, не является дискуссионным.

Советскими языковедами было с полной неопровержимостью доказано, что язык деловой письменности, характерный своей близостью к живой устной речи, в то же время отличается от нее своей обработанностью, в частности в области синтаксиса, своим богатством лексики (особенно терминологической).

Исключительная точность формулировок «Русской правды», замечательного памятника старой русской письменности, несомненно, свидетельствует об определенной длительной традиции в составлении юридических документов, о том, что возникновение древнерусского делового языка следует отнести не к периоду сложения «Русской правды» (начало XI в.), а к более раннему времени.

О том же говорят и древнерусские грамоты, из которых древнейшая датированная грамота—великого князя Мстислава Володимировича и его сына Всеволода относится к первой половине XII в. (написана около 1130 г.).

Богатство, тщательная отработанность синтаксических конструкций даже в самых древних грамотах — яркое свидетельство длительной литературной традиции.

В недавно опубликованной работе Д. С. Лихачева «Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы» совершенно правильно указывается, что так называемые деловые памятники содержали элементы литературного художественного творчества, при этом «задолго до того, как на русской почве появились первые переводы греческих литературных и церковных произведений»[1].

Это является еще одним доводом в пользу мнения, что деловые древнерусские документы написаны на русском литературном языке.

Огромное количество грамот, сохранившихся от XII — XIV вв., давно позволяло предполагать, что грамотность в древней Руси была широко распространена, что к письму прибегали в быту не только для написания частных актов (духовных, данных, вкладных, купчих, меновных, раздельных и т. д.), но и в других целях; такое предположение, однако, оставалось лишь предположением вплоть до последнего времени.

Доказательства были получены в 1951 г. в результате исключительно успешных археологических раскопок в г. Новгороде, произведенных экспедицией, возглавляемой проф. А. В. Арциховским. Итогам экспедиции посвящена статья А. В. Арциховского «Новые открытия в Новгороде»[2], откликом на которую и является наша заметка.

Найденные при раскопках десять грамот на бересте и предметы домашнего обихода с надписями на них свидетельствуют о широком распространении грамотности уже в древней Руси.

Из десяти грамот одна относится к XI в., одна к XI—XII вв. (эта грамота из-за расслоения волокон бересты пока не прочитана), одна — к XII в., одна — к XIII в., одна — к XIII—XIV вв., остальные пять — к XIV веку.

Грамоты не имеют даты, но датировка, предложенная археологами, участниками экспедиции, не вызывает возражений. Она установлена на основании того, в каком культурном слое, между какими настилами деревянных уличных мостовых найдены грамоты, каковы палеографические особенности грамот и т. д.; некоторые возможные в дальнейшем уточнения датировки не изменят общей картины.

Главная ценность находки заключается не только в том, что найдены десять грамот и, следовательно, получен новый материал, расширяющий наши сведения в целом

[1] Д. Лихачев, Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы, «Вопросы истории», 12, декабрь, 1951, стр. 45.

[2] А. Арциховский, Новые открытия в Новгороде, «Вопросы истории», 12, декабрь, 1951.

ряде областей, в частности в области русского языка, важнее то (и это с полным основанием подчеркнуто в статье А. В. Арциховского), что «берестяные древнерусские грамоты до сих пор были совершенно неизвестны науке», что найденные грамоты по своему содержанию — записи частных лиц, частные письма.

Палеография располагала до последнего времени лишь весьма ограниченными данными о том, что береста служила материалом для письма; ни в одном из древнерусских произведений нет указания на широкое распространение бересты в качестве материала для письма, ни тем более нет указаний на берестяные грамоты.

Вполне понятно поэтому, что палеографы говорили о бересте как редком материале для письма, хотя, казалось бы, и возможно было предполагать наличие многочисленных памятников письма на бересте, поскольку пергамен стоил дорого.

Такое предположение, однако, исключалось: историки языка были уверены, что письменность в древней Руси была достоянием сравнительно узкого круга лиц из привилегированных сословий, что ею пользовались лишь в редких случаях, создавая летописи, художественные произведения, а также важные документы, государственные или частные, для которых не приходилось жалеть дорого стоящего материала—пергамена[3].

Лишь полная уверенность в том, что письменность служила в это давнее время и целям частной переписки (а такой уверенности не было), неизбежно привела бы к выводу о большом распространении другого материала (помимо пергамена), материала дешевого, не требующего большой обработки.

Следует отметить, что еще до новгородских раскопок 1951 г. одно открытие заставляло предполагать широкое распространение письменности даже в X в. Мы имеем в виду надпись, относящуюся к первой четверти X в., на осколках глиняной корчаги (амфоры), найденной в 1949 г. в одном из Гнездовских курганов близ Смоленска. Эту надпись (она состоит из одного единственного слова) читают по-разному (М. Н. Тихомиров — как *горухща* [4], П. Я. Черных — как *горушина* [5]), переводя ее как «горчица» или «горчичные» (семена, зерна). Таким образом, данная надпись указывала, что́ хранится в сосуде. Эта находка давала право предположить, что письменность была распространена в древней Руси и в быту. Подобная надпись на предмете бытового обихода (на деревянной крышке кадушки) найдена и экспедицией, открывшей десять берестяных грамот.

Обнаружена эта кадушка в культурном слое XII в. Надпись, в которой первая буква *м* глаголическая и две последующие *н*, *ь* кирилловские, А. В. Арциховский читает предположительно как *мень* «налим».

Наличие в надписи глаголической буквы не кажется случайным: в ряде памятников русского письма глаголические буквы встречаются рядом с кирилловскими. Характерно при этом, что в одном из таких памятников — Евгеньевской псалтыри XI в. все три случая употребления глаголической буквы приходятся именно на начало слова (глаголическая буква — первая буква в слове и является прописной, а так как данное слово начинает псалом, то и орнаментированной).

Читая *мнь* как *мень*, А. Арциховский считает, повидимому, что в этом слове пропущена буква *е*. Такое предположение вполне допустимо. Возможно, что здесь описка, однако, странным кажется, что описка не была замечена и исправлена путем постановки *е* над *н* (способ, имевший место в древнерусских памятниках).

Заметим, однако, что в отдельных севернорусских диалектах, рядом с *мень*, встречаем вариант звучания этого слова в виде *минь* (ср. в украинском *минь*). Если допустить, что в древнем Новгороде также употреблялось *минь*, то вероятным кажется намеренный пропуск *и*, вызванный внешним сходством *н* и *и* [6], а также частым употреблением вязи — связного написания этих двух букв.

Наше предположение остается только предположением, так как не может быть подтверждено данными других древнерусских памятников, в которых данное слово вообще не встречается. Первые засвидетельствованные случаи употребления этого слова встречаем в памятниках XVI в. (Писцовые книги Обонежской пятины 1563 г., Книга расходная Николаевского Карельского монастыря 1560—1563 гг.).

---

[3] Характерно, что даже такой большого значения документ как Грамота великого князя Мстислава Володимировича и его сына Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю на село Буйцы, полюдье и серебряное блюдо хотя и написан золотым раствором, но на небольшом лоскуте пергамена.

[4] Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров, Древнейшая русская надпись, «Вестник Академии Наук СССР», т. IV, 1950.

[5] П. Я. Черных, Две заметки по истории русского языка, «Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка», т. IX, вып. 5, 1950.

[6] Это сходство усилилось, когда в букве *н* поперечная черта, шедшая с левой вертикальной черты, сверху, к правой вертикальной черте, вниз, стала приближаться к горизонтальному положению, что мы находим уже в древнейших рукописях, но что не имеет места в рассматриваемой нами надписи на кадушке и в новгородских грамотах, написанных на бересте

В этих памятниках слово *мень* стоит в косвенных падежах: *мни ловят* (Писцовые книги), *пятдесят мнѣи свѣжих* (Книга расходная). Выпадение *е* говорит о начальной форме *мень*, а не *минь*.

Но как бы ни расшифровывать надпись *мнь*, факт остается фактом: надпись на кадушке сделана в целях обозначения содержимого в ней, следовательно, в определенных бытовых хозяйственных целях.

Остановимся на грамотах, открытых А. В. Арциховским.

Содержание их весьма различно. Тут и перечень феодальных повинностей, и запись должников, и частные письма (семь грамот), и поэтический текст-загадка («есть градъ межу нобомъ и землею а к ному еде посолъ безъ пути самъ нимъ везе грамоту непсану»).

Особенный интерес представляет частное письмо XI в., на котором мы и сосредоточим основное наше внимание. Это письмо прекрасно сохранилось, и на снимке отчетливо виден весь текст: + ѿ гостѧты къ васильви еже ми отьць даѧлъ и роди съдаѧли а то за нимь а нынѣ водѧ новоую женоу а мънѣ не въдасть ничьто же изби въ роукы поустилъ же мѧ а иноую поѧлъ доеди добрѣ сътворѧ».

А. В. Арциховский не колеблется признать имя Гостята мужским именем и сопоставляет его с новгородскими летописными именами Гостилец и Гостомысл, делая это с полным основанием.

В древнерусских летописях и грамотах находим большое количество имен и прозвищ на *та* (приводим все фонетические варианты одного и того же имени): Васята, Воята, Вышата, Гордята, Гродята, Гурята, Гюрята, Жидята, Жирята, Климета, Климята, Лазута, Лугота, Нежата, Оншута, Петрята, Путята, Славята, Тешата, Федута (Федот), Ходота, Юрята.

Ни одно из перечисленных имен, действительно, не является женским именем, поэтому нет никаких оснований считать, что автор письма (Гостята) — женщина, и делать из этого допущения какие бы то ни было выводы, касающиеся, в частности, толкования текста грамоты.

Следует отметить, что лицо, писавшее грамоту, прошло хорошую школу письма. Об этом мы имеем право говорить не только на основании самого почерка, четкого, ясного, уверенного, но и на основании орфографии документа.

Так, в грамоте сохраняются ъ и ь в любом положении (*къ васильви, отьцъ, съдаѧли, мънь, въдасть, ничьто же, сътворѧ*).

Отметим для сравнения, что в памятнике того же XI в. (второй половины) — в Тмутороканской надписи 1068 г. мы находим *кнѧзъ* вместо *кънѧзь* (в этом слове ъ не имел поддержки в других формах того же слова или в других словах с тем же корнем с ъ в сильном положении). Последовательное сохранение ъ и ь в слабом положении, возможно, свидетельствует о том, что указанная грамота относится к первой половине XI в.

Вот почему мы не можем признать правильным то уточнение хронологии, выразившееся в расширении хронологических границ, которое имеет место в статье А. В. Арциховского «Археологические открытия в Новгороде», опубликованной в № 12 «Вестника Академии Наук СССР» за 1951 год. А. В. Арциховский пишет об этой грамоте (№ 9): «...по форме букв и по залеганию относится к XI—XII векам» (стр. 66).

Как мы полагаем, и форма букв свидетельствует в пользу XI в.: все буквы (см. в частности *з, к, ц*) — древнейшего типа.

Не считаем нарушением определенной орфографической нормы случай, где ь стоит на месте ожидаемого *е* в слове — названии одушевленного предмета, которое в древнерусском языке принадлежало к склонению основ на *о*, но в данной грамоте имеет форму дат. п. ед., ч., образованную по типу основ на *й*: *Васильви* (от бытового *Василь*, а не от более частого книжного *Василий*)[7].

Как известно, названия предметов одушевленных на *о*, *jo* часто образовывали форму дат. п. ед. ч. по типу основы на *й*, в мягком варианте соответственно с сохранением мягкости согласного основы (*Игореви, Лавареви*).

В нашей грамоте отмечена форма *Васильви*, возникшая в данном памятнике, как мы полагаем, не без влияния формы им. пад. *Василь*[8]. В первой половине XI в. (мы высказали выше предположение, что грамота написана в первой

---

[7] См. случаи употребления имени *Василь* в более поздних памятниках — в 1-й Новгородской летописи по Синодальному списку (вторая половина XIII — первая половина XIV в.), в Лаврентьевской летописи 1377 г., в Троицкой летописи 1408 г., в частных новгородских и псковских грамотах XV в. и др.

[8] Подобные случаи колебания *е* — ь, *о* — ъ в окончании дательного падежа, образованном под влиянием основ на *й*, см. в надписи XII—XIII вв. на песчанике в Киевской пещере: «ги помози рабоу своемоу феодосъви и феофилови...» (А. С. Орлов, Библиография русских надписей XI—XV вв., АН СССР, М.— Л., 1936, стр. 48—49).

половине XI в.) глухие сохраняли свое произношение не только в сильном положении, но, возможно, и в слабом положении.

Как показатель твердых орфографических навыков у написавшего грамоту отметим написание приставки *из* без *ъ* (употребление *ъ* в этой приставке не имело бы оснований; в древнецерковнославянских памятниках приставка *из* перед согласными также пишется без *ъ*): *изби*.

Следуя правилам русского произношения и русского письма, составитель грамоты последовательно пишет *оу*,*ю* на месте ѫ и ѭ: *водѧ новоую женоу*,*въ роукы*,*а иноую полъ*.

Употребление ѧ не свидетельствует о носовом произношении гласного: мы находим эту букву в грамоте не только там, где ѧ было исконным, но и на месте ѫ, при этом как после согласного, так и после гласного (в рассматриваемой грамоте нет ни одного случая с ѫ): *ѡгостѧты*, *даѧлъ*, *създаѧли*, *водѧ*, *мѧ*, *поѧлъ*, *сътворѧ*.

Написав слова *нынѣ*, *мънѣ*, *добрѣ*, согласно установившейся орфографии, с буквой *ѣ* составитель грамоты заменил *ѣ* буквой *е* в одном слове: *доеди*.

Таким образом, после согласного звука последовательно употребляется *ѣ* (там, где оно является исконным), после же гласного стоит *е*, которое в данном положении произносится, как *йе*.

Грамота не содержит никаких указаний на смешение *ц* и *ч*. С каждым из этих согласных мы имеем по одному случаю, причем нет ни замены *ц* буквой *ч* (чоканье), ни замены *ч* буквой *ц* (цоканье): *отьць*, *ничьто же*.

Отмеченные написания говорят не о том, что новгородцу, писавшему грамоту, была чужда типичная для новгородского говора черта, представленная в древнейших новгородских памятниках[9], а о выдержанности орфографии, что мы уже отмечали выше.

Морфологические особенности памятника свидетельствуют о его бесспорной древности и особых замечаний не вызывают.

Мы отметили уже форму *Васильви* по типу основ на *й*. Укажем еще употребление аориста от глагола совершенного вида *избити* — *изби*. Характерно, что аорист образован от глагола, который не входил в застывшую юридическую формулировку (типа: *се купи*, *се приехаша посли* и т. д.). В типичной для древнерусских памятников форме мы находим аорист от глагола *въдати* — *въдасть* (контекст позволяет установить, что эта форма аориста, а не форма будущего простого) [10].

То, что в небольшой по объему грамоте дважды употреблен аорист, подтверждает высказанную нами в работе «Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение)» мысль, что аорист был нормальной формой в древнерусских памятниках делового языка. В той же работе материалами древнерусского языка подтверждается и ранее высказывавшаяся русскими лингвистами (П. А. Лавровский, А. А. Потебня) мысль, что аорист являлся формой живого русского языка, и рассматривается грамматическое значение аориста [11].

Наличие аориста в частном письме XI в. является новым свидетельством в пользу имеющегося мнения об аористе, как форме живого русского языка [12].

Отметим последовательное употребление формы перфекта в 3-м лице ед. ч. и мн. ч. без вспомогательного глагола: *отьць даѧлъ*, *роди създаѧли*, *въ роукы пуостиль же мѧ*, *иноую поѧлъ*.

Таким образом, уже в XI в. форма перфекта 3-го лица без связки была нормой. Эта норма не была нарушена и в дальнейшем в памятниках делового письма. В исследованных нами 219 грамотах, относящихся к XII — началу XVII вв., встретилось 883 случая с 3-м лицом перфекта, причем только в трех случаях из 883 находим связку: в смоленской грамоте около 1230 г., в рязанской грамоте 1356 г., в двинской грамоте XV века.

---

[9] См. Служебную Минею 1095г. (*въ црѣвѣ*, *коньчь*, *старьчь*[7] и др.), Служебную Минею 1096 г. (*ѡвьча*, *коньцаниѥ* и др.), Служебную Минею 1097г. (*вѣньчь*, *отроца* и др.)

[10] См. ряд примеров с формой аориста *дасть* в двинских грамотах XV в. в нашей работе «Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение)», Львов, 1949, стр. 159.

[11] «Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение)», стр. 162.

[12] Об этом же говорит одна из надписей бытового содержания, сохранившихся на столбах и стенах Новгородского Софийского собора и относящихся к XI—XII вв.: «Ѧкиме стоѧ оусъне а рьта и о камень не ростепе». В. Н. Щепкин правильно отмечает: «...следующие формы убеждают, что аорист еще существовал в русском языке: ростепе, оусъне» (В. Н. Щепкин, Новгородские надписи Graffiti, «Древности». Труды Московского археологического общества, т. XIX, вып. III, М., 1902, стр. 44).

В пользу указанного мнения свидетельствует и надпись 1133 г. на «Стерженском кресте», в которой дважды употреблен аорист: «в л(ѣт) о 6641 м(ѣ)с(я)ця июля 14 д(е)нь почяхъ рыти рѣку сю язъ иванко павловіць і кр(е)сть сь поставхъ» (А. С. Орлов, Библиография русских надписей XI—XV вв., стр. 12).

Несомненный интерес лингвиста вызывает встретившаяся в грамоте форма причастия на *-я* от глагола совершенного вида — *сътворѧ*. Этот случай — первый по времени факт употребления указанной формы (при этом со значением прошедшего времени) в памятнике деловой письменности и отражает нормы живого русского языка.

Мы полагаем, что *сътворѧ*, как и *водѧ*, является в предложении сказуемым, но не главным, а второстепенным — тяготеющим к главному сказуемому, выраженному глаголом, и не равносильным глагольному сказуемому. Устойчивое сочетание *водѧ жену* близко по значению к словосочетанию, в которое входит глагол,— «имеет жену». Что *водѧ* является второстепенным сказуемым, а не определением и тем более не обстоятельством, видно из постановки союза *а* между сказуемым, выраженным причастием водѧ, и глагольным сказуемым *не въдасть* (удельный вес *не въдасть* в предложении более значителен, чем *водѧ*).

В примере с сочетанием *добрѣ сътворѧ* причастие *сътворѧ* не связано союзом с глаголом, следовательно, нет твердых оснований считать причастие второстепенным сказуемым. В пользу предположения, что причастие *сътворѧ* является второстепенным сказуемым,— древность памятника: в XI в. именная форма причастия действительного залога не превратилась в деепричастие, и поэтому не могла быть обстоятельством, с другой стороны, в грамотах эта форма причастия не бывает и определением.

Остановимся на синтаксических конструкциях грамоты (частично мы затронули выше отдельные вопросы синтаксиса).

В начале грамоты — номинативное назывное предложение с опущенным именем существительным *грамота*, благодаря чему потерян самый характерный признак номинативного предложения — наличие имени существительного в им. п.: *+ѿ гостѧты къ васильви.*

Такое начало грамоты мы встречаем в многочисленных официальных документах более позднего времени: «Отъ князя Ярослава ко Рижаномъ и к болшимъ и къ молодымъ, и кто гоститъ, и ко всемъ» (Новгородская грамота, писанная между 1266—1272 гг., пропускная грамота князя Ярослава Ярославича); «От посадника сидора и от рагуила и от всехъ сътьскых. и от всех пльсковиць къ ратьманомъ въ ригу. и къ всемъ рижаномъ» (Грамота псковского посадника Сидора в Ригу о выдаче Нездилца XIV в.); «от ко княгини андреевое и от е детеи. ото князя семона ото князя. ивана. ко всимъ ратьманомъ. и ко вьсимъ купьцомъ» (Грамота вдовы Полоцкого князя Андрея в Ригу о белке конца XIV в.) [13] и др.

Важно подчеркнуть, что не только в официальных документах, но и в частной переписке имеет место определенная трафаретная формула начала грамоты, письма, что, как мы полагаем, свидетельствует об отсутствии резкой границы в отношении языка между древнейшими официальными документами — грамотами и частными письмами.

Отметим попутно, что и в грамоте, обозначенной в статье А. В. Арциховского номером третьим и относящейся к более позднему времени, мы находим начало, которое тоже характерно для официальных документов: *поклонъ ѿ грикши къ Ѥсифу* (такое же начало в грамоте под № 6, принадлежащей XIII в.: *Поклоно от Филипа*. Дальше сохранились лишь отдельные буквы).

Отметим для сравнения начало официальных документов-грамот: «Поклонъ от князя от михаила. къ отьцю ко влдце» (Новгородская грамота, написанная между 1294—1301 гг.— договорная грамота князя Тверского Михаила Ярославича с Новгородским владыкою и со всем Новгородом); «Поклонъ от Князя Федора къ Пискупу и к Мастеру и къ Ратманомъ» (Грамота Смоленского князя Федора Мстиславича в Ригу 1284 г.) и др.

Мы полагаем, что можно восстановить начало текста грамоты под № 5, от которой оторвана часть первой строки. Как отмечено в статье, сохранившийся текст начинается словами: «...сифа къ Матфею...» (не приводим текста полностью). Перед *с* сохранилась часть (нижняя) буквы *е*. Поэтому предположение А. В. Арциховского, что имя автора текста — *Есифъ*, считаем правильным. На снимке совершенно отчетливо видна часть буквы *н*, за ней, повидимому, нижняя часть буквы *ъ* (или *о*), после нее часть буквы, не дающая представления о букве в целом, затем почти полностью сохранившаяся буква *д*, полностью сохранившаяся буква *а* и нижняя часть, как мы полагаем, буквы *в*. Так как грамоты часто начинались словами *поклонъ ѿ* (в частности, грамоты под № 3 и № 6, о которых мы говорили выше), то, принимая во внимание и пространство в грамоте от левого края до уцелевшей справа в первой строке части текста, мы считали бы возможным прочесть начало грамоты: *поклонъ ѿ давыда. и ѿ есива къ матѳью.*

Отметим, что имя Давыд (с *ы*, а не с *и*) часто встречается в новгородских грамотах, как частных, так и официальных.

Возвращаясь к рассмотрению текста грамоты № 9, отметим, что за назывным предложением следует сложно-подчиненное предложение, в которое входит придаточное

[13] В целях облегчения набора, прибегаем в примерах из памятников, не подлежащих специальному рассмотрению в статье, к некоторым упрощениям и заменам.

предложение подлежащее, являющееся по своему составу сложно-сочиненным предложением с союзом *и*: «*еже ми отьць даѧлъ и роди съдаѧли а то за нимь*».

Союз *а* служит здесь не для связи придаточного с главным (главное по своему составу — неполное предложение: опущено сказуемое), а в целях усилительных.

Данное предложение говорит не только о том, что конструкции с придаточными предложениями широко употреблялись в литературном языке XI в., но и о том, что подчинительная связь оформлена с достаточной степенью четкости и ясности.

В приведенном предложении останавливает внимание конструкция главного предложения, формальная неполнота состава которого (отсутствует сказуемое — вспомогательный глагол) объясняется влиянием разговорной речи. Мы перевели бы это предложение: «а то принадлежит ему» или «а то в его ведении, власти». Дальше следует пять простых предложений, из которых три имеют в начале предложения союз *а* (в древнерусских памятниках было широко распространено присоединение — нанизывание предложений при помощи союза *а*), а два — не имеют (в одном из них при глаголе-сказуемом стоит *же*, соединяющее два однородных члена — сказуемых).

Несмотря на то, что грамота принадлежит XI в., текст ее, кроме нескольких устойчивых словосочетаний (*водѧ... женоу, въ роукы поустилъ, женоу поѧлъ*), не требует перевода. Легко объясняются два приведенных словосочетания: *водѧ... женоу* (выше мы останавливались на этом словосочетании) (*женоу*) *поѧлъ* («взял в жены»).

Как отмечает А. В. Арциховский, «не совсем понятны слова „в руки пустил“» В статье того же автора «Археологические открытия в Новгороде», о которой мы уже упоминали выше, говорится, что возможно чтение: «избивъ рукы, пустил же мя», т. е. «избив по рукам, прогнал меня» (стр. 66). Мы полагаем, что слова «*въ роукы поустилъ*» следует перевести на основании сопоставления со сходным словосочетанием *ходити въ руку* (словосочетание в *роукы поустилъ* в других памятниках не встретилось), имеющим значение «действовать в подчинении», как «заставил подчиниться».

Не останавливаемся подробно на других грамотах, принадлежащих к более позднему времени, но тоже важных и интересных для лингвиста.

Отметим широкое применение прямой речи в грамоте под № 3 (относится к XIV в.), о которой мы уже говорили выше.

Относительно одного места в грамоте под № 5 (грамота XIII — XIV вв.) А. В. Арциховский пишет: «Трудно понять только выражение „не дасть“».

Приведем текст грамоты «(поклонъ ѿ давыда и ѿ е)-сиѳа къ матѳѣею постои за нашего сироту молви дворѧнину павлу петрову брату дать грамотѣ не дасть на него».

Мы считаем, что *дасть* является 3-м л. ед. ч. аориста от глагола *дати* и что конец текста следует перевести: «Скажи дворянину Павлу Петрову брату дать грамоты: не дал на него».

Такой перевод предполагает, что *на него* указывает на какое-то третье лицо, которое составитель грамоты не счел необходимым назвать, как не назвал он и имя сироты-крестьянина (возможно потому, что записка и была послана с этим крестьянином).

В статье А. В. Арциховского «Археологические открытия в Новгороде» предлагается возможное толкование этого места. А. В. Арциховский пишет: «Грамота содержит просьбу оказать протекцию и исхлопотать документы. Трудно понять только выражение «не дасть». Впрочем, «ть» перед словом «грамоте» может быть сокращением указательно-усилительной частицы «ти» (такое «ть» в летописи встречается); тогда перевод будет: «да грамоты не даст на него» (стр. 65).

Такое предположение не вызывает особых возражений со стороны лингвистической. Следует, однако, отметить, что, приняв это толкование, мы должны будем рассматривать письмо как содержащее просьбу добиться нарушения закона, а именно того, чтобы грамоты не были выданы «на сироту» (против сироты как ответчика).

Как мы полагаем, в письме речь идет о том, чтобы сирота-истец смог осуществить свое законное право — получить грамоту «на» ответчика (против ответчика).

Наше понимание текста грамоты (оно в основном совпадает с толкованием А. В. Арциховского, если только не принять второй части его вывода, опровергающей первую часть) вытекает из рассмотрения формы *дасть* как формы аориста (3-е лицо ед. ч. аориста от глагола *дати* в форме *дасть* широко распространено в древнерусских памятниках, в частности, как мы отметили выше, в грамотах).

Десять берестяных грамот, найденных в результате раскопок в Новгороде в 1951 г., представляют собой драгоценные памятники древнерусской письменности.

Как указывает А. В. Арциховский в своей статье «Новые открытия в Новгороде», эти десять грамот — лишь незначительная часть того, что еще может быть найдено: «Культурный слой в Новгороде, по крайней мере, в Неревском конце, настолько насыщен берестяными грамотами, что общее их число на этой большой территории надо исчислять тысячами, если не десятками тысяч: ведь вскрыта ничтожная часть территории, меньше, чем десятитысячная часть».

Разделяя уверенность автора в успехе дальнейших экспедиций, мы не сомневаемся что будут найдены новые, ценные материалы, которыми значительно обогатятся сведения о русском языке древнейшей поры, о древнерусской культуре, высокой и самобытной.

В. И. Борковский

НОВГОРОДСКАЯ БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА № 9

Среди древнерусских берестяных грамот, найденных советскими археологами летом 1951 г. при раскопках «Холопьей улицы» в Новгороде, особый интерес вызывает наиболее ранняя из них по времени, и в то же время лучше других сохранившаяся, грамота № 9 [1].

Вот что пишет о ней в своей первой печатной публикации [2] руководивший раскопками проф. А. В. Арциховский.

«Грамота № 9 найдена на глубине 4,56 м. между 16 и 17 строительными ярусами, возле мостовой [3]; по форме букв и по залеганию относится к XI веку. Эта древнейшая из грамот отличается наилучшей сохранностью и наибольшей четкостью. Текст гласит: «От Гостяты къ Васильви. Еже ми отьць даялъ и роди съдаяли, а то за нимь. А ныне, водя новую жену, а мъне не въдасть ничьтоже. Изби, в рукы пустилъ же мя. А иную поялъ. Доеди, добре сътворя». Имя Гостята родственно новгородским летописным именам Гостилеп и Гостомысл. Имена с окончанием на «ята» часто встречаются в новгородских летописях XI—XII вв., позже они становятся редки. Слова «роди съдаяли» означают, вероятно, «родные также дали». Выражение «водити жену» имеется в церковном уставе Ярослава XI в. и в уставной грамоте Ростислава Мстиславича 1150 г.; слово «водимая» означает жену в летописном рассказе о Владимире I. Не совсем понятны слова «в руки пустил». Глагол «поять» в смысле «взять в жены» летописи, в том числе новгородские, употребляют неоднократно в XI — XII вв., говоря о княжеских браках, начиная от Владимира I, в том числе о свадьбах Мстислава Владимировича и Святослава Ольговича с дочерьми новгородских посадников. После XII в., судя по словарю И. И. Срезневского, этот глагол имел форму «понять». Содержание этого древнейшего частного письма можно понять следующим образом. Гостята жалуется на своего отца, женившегося на двух новых женах и отнявшего по этому случаю у него имущество. Отец здесь является носителем традиций большой семьи, патриархально распоряжаясь имуществом ее членов. Сын опирается на новые, городские нормы, требуя отдельного владения. Он обращается к некоему Василию, надеясь, что тот приедет, сотворив добро, то есть поможет. Здесь мы имеем возможность познакомиться с разговорной речью XI века».

Не вдаваясь в систематический орфографический и морфологический анализ текста грамоты (он дается в помещенной в этом же номере статье проф. В. И. Борковского), остановимся на разборе ее содержания.

Итак, по истолкованию проф. Арциховского, грамота является письмом к «некоему Василию» Гостяты-сына, который жалуется «на своего отца, женившегося на двух новых женах и отобравшего по этому случаю у него имущество». Такое содержание письма дает повод А. В. Арциховскому характеризовать его как отражение извечной борьбы между старым и новым, между «носителем традиций большой семьи», представителем ее патриархального уклада, с одной стороны, и активным защитником «новых городских норм»,— с другой.

Нам представляется, однако, такое толкование найденного памятника (да еще с далеко идущими выводами автора статьи), по меньшей мере, не имеющим достаточного основания.

В самом деле, если допустить, что письмо составил некий Гостята-сын, который жалуется на действия своего отца, то перед нами возникают недоуменные и не находящие себе ответа вопросы.

Какому случаю или обычаю был обязан сын получением от отца и родных какого-то (очевидно, ценного) имущества?

Если сын не был выделен (что объясняло бы причину полученных им «даяний»), а жил вместе с отцом (как и думает проф. Арциховский, приписывающий «сыну» «требование отдельного владения»), то, очевидно, он пользовался общим имуществом, принадлежавшим всей семье. Что же это за особое и ценное имущество, которое сын, живший в семье, считал только своим и которое так понадобилось отцу, «женившемуся на двух (!) новых женах»?

Кроме того, подчеркнем, что грамота, как было указано, датируется XI в. Судя по глубине культурного слоя, где она была найдена, грамота должна быть близка к XII в. По крайней мере грамоты № 8 (XI—XII в.) и № 7 (XII в.) отделены от письма Гостяты лишь несколькими сантиметрами слоя и всего одним рядом (16-м) древней мостовой.

---

[1] Найденные десять грамот обозначались номерами в порядке их нахождения.

[2] См. А. Арциховский, Новые открытия в Новгороде, «Вопросы истории», 1951, № 12, стр. 77—87.

[3] Раскопками были вскрыты 25 строительных ярусов — деревянных мостовых, датируемых от X до XVI в.

Но даже и при допущении того, что грамота относится к концу XI в. [4], мы не должны забывать, что ко времени ее написания от официального принятия христианства прошло уже по крайней мере 100 лет.

Хорошо известно, что христианская церковь всегда своими уставами утверждала и защищала единобрачие. Руководящие представители епископата с первых же лет официального признания христианства на Руси стремились не только оформить юридически положение церкви, но и закрепить его получением в свою юрисдикцию целого ряда дел из области гражданского права. Первые князья той эпохи (Владимир, Ярослав) всячески, как подчеркивают в своих исследованиях наши историки права, шли в этом вопросе навстречу церкви. В Уставе Ярослава мы находим длинный перечень правонарушений, переданных в ведение духовного суда.

В частности, церковь не оставалась и не могла оставаться безразличной к открытым нарушениям той морали, которую она проповедовала, и того брачного кодекса, какой она совместно с государственной властью устанавливала: случаи «умыкания», насилия, самовольного развода, двоеженства предусматривались церковными уставами и строго карались.

По Уставу Ярослава двоеженец карался 40 гривнами штрафа. Штраф значительный, равный штрафу за убийство (см. «Русскую правду»).

Сомнительно поэтому, чтобы «сын», якобы имевший со «своим отцом» имущественные споры, прошел мимо явно преступных действий отца (двоеженство), к тому же послуживших причиной «отобрания» имущества. Но памятник и не дает оснований интерпретировать его как жалобу на «отобрание» имущества. Никакого существительного, обозначавшего «имущество», в письме нет. Наличие местоименных слов *еже* (=«все, что...»), *то* и отрицательного местоимения *ничьтоже* (=«ничего»), употребленных именно с этим очевидным здесь значением во всех трех случаях, где даны эти слова, не связывается с представлением о каком-либо насильственном «отобрании»: «все то, что мне *даял*» («давал, подарил»), а *то ва нимь* (=«поступило и находится в „его" распоряжении»), *не въдасть ничьтоже* (=«не отдал ничего»).

Сравнивая фотоснимок грамоты [5] и оттиски рисунка, сделанного с подлинного изображения надписи [6], с текстом, который дается А. В. Арциховским при его разборе, можно видеть ту предварительную обработку, какой автор статей подверг грамоту: пять неполных строк сплошного текста грамоты разбиты им на отдельные слова и на предложения (расставлены точки, запятые), графика документа («ять», «юсы», «омега» и т. д.) заменена современными буквами.

По поводу разбивки текста на слова мы будем еще говорить дальше, но здесь укажем лишь, что автор статьи, производя деление на предложения и разбирая текст, напрасно не обратил никакого внимания на союз *а*. Союз этот особенно часто употреблялся в древности, как присоединительный, связывающий цепочку предложений и слов. Здесь же, из четырех случаев его употребления, два раза он имеет ярко выраженный характер противопоставления, усиленного особыми словами («а ныне», «а иную»). Зачем же были даны эти противопоставления?

Обратимся теперь к основной, по нашему мнению, ошибке приведённого толкования. Она заключается в неправильном, с нашей точки зрения, понимании имени автора письма Гостяты. Дело в том, что общий смысл грамоты (вместо того странного содержания, какое находит в ней А. В. Арциховский) станет совершенно иным и значительно более правдоподобным при одном предположении, что авторство письма принадлежало не мужчине, а женщине.

Первое возражение, какое можно сделать (и уже делалось) по поводу этого предположения,— это отсутствие в известных нам памятниках и документах древней Руси упоминания хотя бы одной женщины с именем на *-ата* (*-ята*).

Действительно, все известные нам (от XI—XIII вв., главным образом новгородские) имена на *-ата* (*-ята*) принадлежат мужчинам.

Такими, например, были: ходивший походом на Царьград Вышата Добрыныч, тысяцкий Киевский; Жирята, тысяцкий псковский; Гюрята Рогович, новгородец; Вышата Остромирович, сын новгородского воеводы; носивший такое же имя, соединенное с христианским именем отца, Вышата Васильевич Новгородец, возглавлявший удачный поход на Емь; имевшие прозвища, присоединенные к христианскому имени: новгородские епископы Лука Жидята и Лука Жирята, новгородский священник Герман Воята и др.

Однако это возражение, несмотря на кажущуюся его основательность, еще не является доказательством того, что автор письма — Гостята — не женщина.

Дело в том, что Гостята собственно не имя, а прозвище. К тому же прозвище,

---

[4] В своей второй статье, в основном с тем же содержанием, А. В. Арциховский, очевидно, учитывая замечания палеографа, датирует грамоту № 9 уже XI—XII в. (см. проф. А. В. Арциховский, Археологические открытия в Новгороде. «Вестник АН СССР», 1951, № 12, стр. 60—69).

[5] См. вклейку у стр. 65 «Вестн. АН СССР», 1951, № 12.

[6] Там же и в «Вопросах истории», 1951, № 12, стр. 83.

образованное не от христианского имени. Следовательно, оно (как и ряд других и, вероятно, более многочисленных, чем известные нам) употреблялось в дохристианское время и в первые века христианства на Руси. Наследием письменности этой эпохи мы не богаты. Памятников древнее XI в. (если не считать отдельных слов, написания которых найдены в смоленских и последних новгородских раскопках) у нас нет совсем, а от XI—XII вв. их сохранилось очень мало.

Поэтому неудивительно, если летописи и другие немногочисленные памятники не донесли до нас многих имен и прозвищ, принадлежавших женщинам тех времен. Случаи упоминания имен княгинь — Ольги, Рогнеды, Переславы — единичны. Имен женщин других слоев общества и совсем нет, и мы их, таким образом, просто не знаем.

Между тем по своему составу слово Гостята с равным основанием может быть отнесено к собственным именам как мужского, так и женского рода.

Корень *гост*-мог не только употребляться в имени (прозвище) мужчины (например, в известных нам именах — Гостомысл, Гостило, Гостилец), но и входить в состав не дошедших до нас прозвищ женщин.

Что же касается суффикса *-ата* (*-ята*), то он дает лишь значение уменьшительности, указания же на род суффикс *-ата* не имеет. Следовательно, он мог входить в состав прозвища как мужа, так и жены, как сына, так и дочери.

С тем же значением уменьшительности и без указания на род (обычно с добавлением суффикса *-к*, дающего оттенок пренебрежения) суффикс *-ата* (*-ята*) дожил в диалектах и до наших дней. Ср. Ваня — Ванята — Ванятка и Маня — Манята — Манятка.

Кстати и вся основа слова *Гостята* упомянута в грамоте № 9 не впервые — она встречалась, но только не в ономастике, а в топонимике: в новгородских писцовых книгах упоминается дер. *Гостятино*[7].

Все приведенные выше соображения по поводу имени Гостята не доказывают, конечно, принадлежности его женщине. Но в данном случае вполне достаточным является уже и одно лишь признание такой возможности. Содержание грамоты, со своей стороны, полностью подтверждает авторство женщины.

Выше нами был поставлен вопрос, по какому случаю «сын» должен был получить имущество? При допущении, что письмо пишет не сын, а дочь, ответ становится ясным— она пишет о полученном ею от отца приданом и о подарках от родных, полученных ею при выходе замуж. Вполне понятно, что приданое жены поступало в распоряжение мужа. В таком случае в выражении *а то за нимь* местоимение *он* обозначает мужа, а не отца.

В дальнейшем изложении Гостята противопоставляет время написания грамоты тому времени, когда она выходила замуж, и прибегает для этого к выражению *а ныне:* «А ныне привел новую жену, а мне не отдал ничего». Ни о каком отборе имущества нет и речи: муж получил в свое время приданое Гостяты, а теперь женился на новой жене (и, очевидно, получил и новое приданое!), покинутой же Гостяте из ее приданого ничего не отдал, не возвратил.

Дальше текст допускает различные толкования, но они уже нисколько не противоречат установленному нами общему смыслу грамоты (за исключением слов *а иную*, о чем речь будет ниже). Арциховский делит текст так: *изби, в рукы пустилъ же мя, а иную поялъ*, считая лишь непонятным выражение *въ рукы пустилъ*.

Необходимо, однако, разобраться сначала в значении отдельных слов. Глагол *пустить* принадлежит к основному словарному фонду русского языка. Слова основного фонда «существуют века», так существует и слово *пустить*, причем до наших дней оно сохраняет свое основное значение: «открыть путь кому-либо куда-либо». Но поскольку основной словарный фонд все же подвержен изменениям, и глагол *пустить* сохранил до нашего времени не все свои прежние значения.

Одно из переносных значений этого глагола, позднее им утраченное, было значение развода. *Пустить жену* — значило «развестись с женой»[8]. Были и производные от слова *пустить*, сохранявшие тот же основной смысл развода: *отпуст* «самовольный развод», *пущеница* «разведенная жена».

Следовательно, слова грамоты— *пустилъ же мя, а иную поялъ* означают: «развелся со мной, а на другой женился». Здесь второе отчетливое противопоставление первой, разведенной жены — другой, новой жене. Едва ли можно теперь сомневаться, что ни о какой второй женитьбе «на двух новых женах» (вот откуда двоеженство!) здесь и речи нет. Еще более странным было бы противопоставлять женитьбу мифического отца (*а иную поялъ*) изгнанию (*изби, въ рукы пустил же мя*) столь же мифического сына.

Конец грамоты не вызывает сомнений, и здесь следует полностью согласиться с А. В. Арциховским. *Доеди, добре сотворя* — очевидно, равнозначно современному:

---

[7] См. издание Археографической комиссии в шести томах «Новгородские писцовые книги», т. III, стр. 773 и Указатель к ним, стр. 123 (1915 г.).

[8] См. словари Срезневского («Материалы для словаря древнерусского языка», т. II, Пб., 1902) и Даля («Толковый словарь великорусского языка»), т. III, изд. 3 и 4, стр. 14—15).

Приезжай, будь добр. Остаются все же неразобранными слова перед глаголом *пустил*. Что значит *изби въ рукы*?

Глагол *бить* и существительное *руки* могут быть объединены во фразеологическом обороте. А здесь, конечно, именно подобный оборот, так как слово *рукы* дано в винительном падеже множественного числа: если бы это слово относилось к Гостяте — автору письма, то было бы «руцѣ» (винительный падеж двойственного числа).

Широко известно давнее сочетание *бить, ударить по рукам* — в значении «договориться, завершить сделку». В этом значении, но чаще в эллиптической форме, оно употребляется и сейчас («По рукам?» — «По рукам!»).

Но было и другое, архаическое теперь значение специального сложного слова *рукобитье* — в значении свадебного сговора.

Думается, что разделить слова в тексте грамоты надо не *изби, въ рукы*, а *избивъ рукы*, где *избивъ* является причастием прошедшего времени.

Точного значения этого выражения у нас также нет, но здесь возможна догадка о том, что оно выступает в смысле противоположном *рукобитью*: совершить *рукобитье*— заключить свадебный договор, а *избить руки* — его нарушить.

Следовательно, Гостята, жалуясь на невозвращение ее приданого после развода, в конце письма подчеркивает и нарушение брачного обета ее мужем, который развелся с ней, а на другой женился.

Такое содержание имеет эта грамота, сохранившая нам жалобы разведенной жены, какой-то Гостяты, жившей около 900 лет назад.

Вероятнее всего, эта Гостята была не княжеского происхождения, но едва ли она принадлежала к семье, стоявшей на низших ступенях тогдашней социальной лестницы: там не могли бы позволить себе роскошь официального развода и тяжбы о каком-то ценном приданом. Вероятнее всего, Гостята принадлежала к богатым,торговым кругам.

Возможно, что Гостята жила и не в Новгороде: в письме есть просьба приехать (*доеди*); следовательно, автор письма и адресат жили на каком-то дальнем друг от друга расстоянии. Письмо же, найденное у мостовой Холопьей улицы, могло быть или брошено по прочтении его адресатом, или потеряно автором (передатчиком) до его отправки.

Интересен и характер жалобы отвергнутой Гостяты: она нигде не говорит о незаконности действий своего мужа. Он нарушил брачный обет, но он развелся и вновь женился, очевидно, не нарушая существовавших положений.

В Уставе Ярослава имеется статья (4-я), излагающая законные причины развода. Таких причин было установлено семь, все они говорят лишь о вине жены. В двух случаях говорится (в откровенной лексике той эпохи) о супружеской (со стороны жены) измене. В трех — о попытках жены или о ее помощи другим в злых умыслах на мужа («аще подумаетъ жена на мужа зельем»; «велит мужа своего красти», и «иметь кто мыслити на мужа ея, она ведаетъ, а не скажетъ»). В двух — о хождении жены «опричь мужа своего» на игрища или на пир[9].

В чем провинилась разведенная Гостята — остается неизвестным.

В заключение необходимо отметить значительность самого факта, что автором письма XI в. была женщина. До сих пор мы знали только одну подпись женщины того времени — Анны, дочери Ярослава, жены французского короля Генриха I и матери короля Филиппа. Сохранился акт, подписанный ею во Франции в 1063 г. Славянские буквы подписи говорят о том, что Ярославна еще в доме отца училась грамоте, а пропуск буквы «g» в слове regina говорит о ее южнорусском произношении, которому не было свойственно романское взрывное «г».

Однако Анна была дочерью великого князя, а Гостята, вероятно, принадлежала к иным кругам, и факт написания ею письма, несомненно, имеет исключительное значение для изучения древнерусской культуры. Возможно, конечно, что она писала не сама, а писал по ее поручению какой-то грамотей, не позабывший поставить и знак креста в начале письма.

Но в этом случае находка женского письма, которое не было чем-то исключительным для его автора, а явно носило характер обычного, заурядного способа общения, представляет собой поразительный факт, свидетельствующий о глубоких корнях и широком распространении русской письменности, начало которой до сих пор соотносили лишь с появлением в XI в. таких официальных памятников, как дошедшие до нас церковнослужебные книги — Остромирово евангелие, Новгородские служебные минеи да княжеские «Сборники Святослава».

Письмо Гостяты — первый образчик частного письма древнейшей поры. В сжатой форме простой разговорной речи оно рассказало нам об одном из бытовых фактов далекого прошлого, о семейной драме, пережитой неудачливой женой, неведомой Гостятой.

Ф. Ф. Кузьмин

---

[9] См. статью С. В. Юшкова «Правосудье митрополичье», в «Летописях занятий Археографической комиссии за 1927—1928 годы», вып. 35, АН СССР, Ленинград, 1929.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1952

ХРОНИКА И ИНФОРМАЦИЯ

ДИСКУССИЯ О ВНУТРЕННИХ ЗАКОНАХ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА В УЧЕНОМ СОВЕТЕ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

С 4 по 7 февраля 1952 г. в Институте языкознания АН СССР состоялась дискуссия по вопросам, связанным с изучением внутренних законов развития языка. Дискуссия вызвала огромный интерес в среде советских языковедов: на заседаниях присутствовало до 1000 человек — научных работников, преподавателей, аспирантов. Актуальность и исключительная важность поставленной на обсуждение проблемы обусловлены основополагающим указанием И. В. Сталина о том, что изучение внутренних законов развития языка является главной задачей языкознания.

Организованная Институтом языкознания дискуссия, как отметил открывший заседание зам. директора Института В. И. Борковский, имела целью выяснение содержания понятия — внутренние законы развития языка, конкретизацию путей научного исследования в этой области, раскрытие всех возможностей, которые определяются основополагающими указаниями И. В. Сталина.

Решение проблемы внутренних законов развития языка невозможно без определения самих понятий «закон», «внутренний закон» и «развитие» в общей системе марксистско-ленинской философии и понятия «внутренний закон развития языка» в системе марксистского языкознания. Этот вопрос был всесторонне освещен во вступительном докладе акад. В. В. Виноградова (см. № 2 нашего журнала).

Б. А. Серебренников в докладе «К выяснению сущности внутренних законов развития языка» отметил, что функция общения, свойственная языку и составляющая его специфику, должна рассматриваться как одна из главных и основных причин наблюдаемых в языке общих закономерностей или, вернее, закономерных тенденций, получающих конкретизацию, специфическое направление и национальное своеобразие во внутренних законах развития отдельного конкретного языка.

К таким общим закономерным тенденциям относится прежде всего тенденция к типизации, создание выдержанных типов и способов изменения слов, без чего невозможно общение посредством языка. В разных сферах языка эта присущая любому языку тенденция находит специфическое выражение. В области фонетики она находит свое выражение в закономерных изменениях звуков, так называемых фонетических законах; в области морфологии — в создании закономерных типов склонения и спряжения, образовании закономерно повторяющихся формативов; в области синтаксиса — в наличии выдержанных и регулярно повторяющихся конструкций; в области лексики — в закономерных и регулярных формулах словообразования, а также в тяготении определенных разрядов слов к той или иной части речи.

Докладчик охарактеризовал на материале различных языков такие причисляемые им к закономерным тенденциям развития языка явления, как стремление к однозначности грамматической формы и содержания; стремление к сохранению дифференцирующего момента в системе, без чего невозможно существование языка как средства общения; тенденция к сокращению числа параллельных способов выражения грамматических значений; тенденция к улучшению техники произношения в области фонетики; тенденция к установлению доминирующих, превалирующих способов образования типов, отодвигающих в системе конкретного языка на задний план частные и менее распространенные типы.

Б. А. Серебренников остановился также на вопросе о разных типах развития в языке, разграничив изменения, в которых нельзя искать собственно прогресса языка (например, переход носовых гласных в неносовые в славянских языках), явления «относительного прогресса» и, наконец, явления абсолютного прогресса языка, к которым относится развитие лексики, расчлененность средств выражения отношений между словами и т. д. Докладчик подчеркнул связь этих последних явлений с историей общества.

В докладе В. Н. Ярцевой «Внутренние законы развития языка и система языка» основное внимание было уделено вопросу отношения внутренних законов раз-

вития языка к различным сторонам жизни языка и историческим преобразованиям самой этой системы.

Системный характер языка, отмечает докладчик, сохраняется во все периоды его развития, поскольку это определяется спецификой языка, самим назначением языка — быть средством общения между людьми. Системность языковых явлений имеет свою специфику в различных сторонах языка — лексике, грамматике, фонетике, что обусловлено, в частности, неравномерностью темпов развития разных сторон языка. Внутренние законы развития языка сосредоточены в первую очередь в «основе языка», в грамматическом строе и основном словарном фонде, которые, обеспечивая сохранение языком своего «качества», своей национальной самобытности, находятся между собой в отношениях тесной взаимозависимости: помимо того, что грамматический строй, охватывая весь словарный состав, тем самым охватывает и слова основного словарного фонда, он связан с ними и более частными отношениями, поскольку внутренние законы развития грамматического строя данного языка находят свое отражение в процессах развертывания основного словарного фонда, в законах словообразования этого языка.

Внутренние законы языка, говорит в заключение докладчик, это те основные закономерности, которые определяют направление изменений системы языка, будучи сами тесно связаны со специфическими чертами этой системы. Можно поэтому сказать, что сам тип системы языка в известной мере указывает на формы ее дальнейшего развития.

Доклад члена-корр. АН СССР В. М. Жирмунского был посвящен выяснению вопроса о внутренних законах развития языка на материале немецкого языка.

Под внутренними законами развития языка, говорит докладчик, мы понимаем общие закономерные тенденции, устойчивые и в то же время исторически изменяющиеся, которые характеризуют качественные особенности данного языка, определяют пути его развития и совершенствования и проявляются в частных закономерностях его изменения.

Для группы родственных языков эти общие тенденции заложены уже в языке-основе как внутренние законы его развития. Законы эти продолжают действовать в отдельных языках данной группы «в течение эпох»: в этом проявляется устойчивость языка. Но вместе с тем они претерпевают с течением времени качественные изменения: в этом осуществляется развитие языка, его развертывание и совершенствование, постепенное накопление элементов нового качества, отличающих данный язык от языка-основы и от других родственных языков той же группы.

Самокритически оценив свою старую работу «Развитие строя немецкого языка» как неправильную и построенную на основе порочной теории «морфологической стадиальности», рассматривающей явления исторической грамматики немецкого языка с точки зрения «прогрессивного» развития от флексии к анализу, В. М. Жирмунский указывает на основные внутренние закономерности в развитии немецкого языка в области фонетики, словарного состава и грамматического строя.

В. А. Звегинцев выступил с докладом на тему «Развитие и функционирование языка». Докладчик различает законы развития языка разных порядков. Во-первых, законы, которые по отношению к прочим общественным явлениям оказываются внутренними для языка, но в пределах языка они являются всеобщими. Так как они в обязательном порядке присутствуют в развитии каждого языка, хотя в конкретном своем применении получают многообразное выражение в зависимости от наличного качества языков, их можно назвать внутренними общими законами развития языка.

Во-вторых, наличие закономерных процессов, вытекающих из структурных особенностей, из качества каждого языка в отдельности и оказывающихся устойчивыми в той мере, в какой оказывается устойчивым качество языка. Процессам этого порядка и представляется возможным присвоить наименование внутренних частных законов развития языка.

Общие законы не противопоставляются внутренним, они сливаются друг с другом.

Рассмотрев далее основные признаки внутренних законов развития языка, В. А. Звегинцев переходит к разграничению понятий закона развития и правил функционирования языка. В проблеме внутренних законов речь идет об историческом движении языка, о тех факторах, которые приводят к становлению правил функционирования языка. Таким образом, грамматические правила, существующие на каждом данном этапе развития языка,— это результат деятельности внутренних законов развития языка, но не сами эти законы.

Доклад М. М. Гухман был посвящен теме «Внутренние законы развития языка и родство языков». Сравнительное изучение внутренних законов развития языков одной группы должно стать одним из важных разделов сравнительного языкознания.

В развитии родственных языков, в характере развертывания и совершенствования элементов структуры этих языков может быть обнаружена общность внутренних законов их развития, обусловленная в конечном итоге строем языка-основы. Эта общность проявляется в средствах и структурных типах, характерных для развития словообразовательной системы каждого из родственных языков, в развитии их грамматического

строя, наконец, в фонетических закономерностях. В близкородственных языках эта общность внутренних законов развития выступает значительно явственнее и определеннее, чем при сопоставлении развития языков, связанных более далеким родством.

Однако самый факт языкового обособления, непосредственно связанный с историей племен и народностей, говорящих на родственных языках, ведет к языковой дифференциации, к постепенной дифференциации внутренних законов развития этих языков. Несмотря на исконную структурную близость в своей дальнейшей истории, каждый родственный язык развивается весьма своеобразно. Каждый из родственных языков имеет поэтому свою неповторимую систему.

Общность и близость внутренних законов развития проявляется у родственных языков как в судьбе старых категорий, так и в возникновении и развитии новых языковых категорий. Однако эта общность неизменно проявляется в самобытной, характерной для каждого из родственных языков форме. Сравнительное изучение родственных языков должно раскрывать сложную и противоречивую картину соотношения общих тенденций развития родственных языков и специфических особенностей, характерных только для данного языка, внутренних законов развития группы родственных языков и самобытной формы развития отдельного языка.

В заключительной части своего доклада М. М. Гухман развивала положение о том, что изучение языкового родства, сравнительно-историческое изучение внутренних законов развития родственных языков помогает раскрыть сложную картину соотношения внутренних законов развития языка и истории народа — творца и носителя этого языка.

Поставленные в докладах вопросы были широко и всесторонне обсуждены в многочисленных выступлениях участников дискуссии.

В. А. Аврорин и Е. М. Галкина-Федорук остановились на вопросе о соотношении в языке закономерностей, присущих языку вместе с другими общественными явлениями, и внутренних законов развития языка как специфического общественного явления.

Е. М. Галкина-Федорук кратко остановилась на вопросе о причинности в развитии языковых фактов, отметив, что эта проблема не получила в докладах достаточного освещения.

Многие из выступавших (В. А. Аврорин, Е. М. Галкина-Федорук, Ю. Д. Дешериев, П. С. Кузнецов, О. П. Суник, А. Я. Рожанский, В. Д. Левин, В. П. Сухотин) затрагивали вопрос о соотношении общих внутренних законов развития языка и частных внутренних законов развития отдельных языков, придя к единодушному мнению о неправомерности наметившейся было на дискуссии тенденции резкого противопоставления этих категорий, одновременно отметив и их своеобразие и отличие. Особенно широко рассматривался по дискуссии вопрос о частных внутренних законах развития конкретных языков, поскольку именно они обеспечивают национальное своеобразие, национальную специфику и характерность языков.

В связи с этим В. А. Аврорин в своем выступлении подчеркнул, что внутренние законы развития каждого отдельного языка определяют самостоятельный путь его развития, обеспечивают неповторимый, национально-самобытный облик каждого отдельного языка, и в этом смысле специфические законы развития всех прочих языков для каждого отдельного языка оказываются посторонними.

Поэтому весьма ценным итогом дискуссии надо считать тот факт, что во многих выступлениях делались попытки не только решать общетеоретические вопросы, но и наметить пути изучения внутренних законов развития различных языков. Так, из закономерных процессов внутреннего развития грамматического строя русского языка Н. С. Поспелов выделяет как важнейшие—процессы родовой дифференциации типов склонения существительных, грамматизацию категории числа, абстрагирование категорий вида, времени и наклонения глагола, процессы морфологического опрощения состава слова (т. е. создание новых непроизводных основ), окачествление причастий, развитие разнообразных средств выражения модальности, развитие присоединительных конструкций, переход различных частей речи в категорию состояния и др.

В. Г. Адмони остановился на внутренних законах развития немецкого языка в области синтаксиса. Основные внутренние законы развития синтаксического строя немецкого языка, отмечает В. Г. Адмони, заключаются в ослаблении непосредственной связи между словом и предложением, т. е. в усилении роли синтаксических групп, как посредников между словом и предложением, и в более тесном и строгом объединении предложения, в усилении структурных тенденций в его оформлении.

К. А. Левковская рассмотрела некоторые закономерности, характерные для словообразования современного немецкого языка, в которых отражаются внутренние законы развития немецкого языка. Особое внимание при этом было уделено взаимоотношению лексики и грамматики, проявляющемуся в этих закономерностях.

Конкретный языковой материал содержался также в выступлениях В. И. Абаева, Б. В. Горнунга, Ю. Д. Дешериева, П. С. Кузнецова, О. П. Суника, В. А. Аврорина, Т. П. Ломтева, И. М. Ошанина и др. Последний, в частности, отметил неправильную трактовку омофонии китайского языка в докладе В. А. Звегинцева.

Против утверждения, что национальная самобытность отдельного языка определяется особенностями его внутренних законов развития, выступил О. П. Суник. Законы всех языков, говорит О. П. Суник, едины, но материальное воплощение, реализация этих законов в разных языках различны, что связано с историей народа — творца и носителя языка и что определяет национальную специфику языка. В подтверждение своих положений О. П. Суник привел слова К. Маркса о том, что «наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми» [1]. Однако, как известно, далее Маркс указывает, что, несмотря на это, «именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их (языков) развитие» [2].

Во многих выступлениях рассматривалось своеобразие в проявлении внутренних законов развития языка в разных его сторонах — лексике, грамматическом строе, звуковой системе. Наибольшие разногласия вызвал вопрос о внутренних законах развития языка в области фонетики. В выступлениях В. А. Аврорина, В. Г. Адмони, А. А. Реформатского, В. Н. Сидорова, П. С. Кузнецова, В. Д. Левина выражалось несогласие с содержавшимся в докладах В. А. Звегинцева и В. Н. Ярцевой ограничением внутренних законов в области звуковых изменений только теми процессами, которые непосредственно отражаются в других сферах языка и получают грамматическое значение.

В выступлении В. Н. Сидорова подчеркивалось то положение, что внутренний закон развития следует понимать широко, как любое языковое явление, имеющее характер постоянства и вызванное причинами, лежащими в природе самого языка; поэтому отнесение к внутренним законам только тех изменений, которые касаются лексической и грамматической структуры, неправомерно и не вытекает из содержания работы И. В. Сталина. В этом ограничении В. Н. Сидоров видит некоторую переоценку семантики. Рассматривая язык как целое, мы не можем вывести за пределы внутренних законов развития языка те регулярные фонетические процессы, которые способствуют изменению фонетической системы языка, даже если они не приводят к изменениям в грамматической и лексической структуре (например, переход *ѣ* в *е* в русском языке). Ведь и фонетическая система языка имеет национальное своеобразие и определяет специфику языка.

Развитие всех сторон языка подчинено внутренним законам развития, хотя и в специфических формах, отмечает П. С. Кузнецов. При этом важно иметь в виду, что в каждом языке есть более общие и более частные закономерности; последние также играют определенную роль в общем развитии языка. С этой точки зрения нет оснований для исключения звуковых законов из числа внутренних законов развития языка.

А. А. Реформатский также считает, что исключение из внутренних законов многих явлений фонетики неправомерно. Нельзя, например, выводить сингармонизм в тюркских языках за пределы внутренних законов развития языка, так как он служит тем добавочным средством, которое позволяет слабо соединенные, агглютинированные части объединить в одно целое, подчинить одному целому — слову.

Попытки решать проблему внутренних законов развития языка, опираясь не на всю систему языка, а на отдельные его части, исключая из рассмотрения другие его разделы, например, фонетику или словарный состав, подверглись критике и в выступлении В. П. Сухотина.

Во многих выступлениях затрагивался вопрос о взаимоотношении структуры языка, правил функционирования его в системе и внутренних законов его развития. О необходимости отграничения законов развития языка, где налицо причинная зависимость, от правил и норм употребления языка как системы, где такой зависимости нет, говорили В. Н. Сидоров, Т. П. Ломтев, В. А. Аврорин и др. В то же время отмечалась и взаимозависимость этих категорий. А. А. Реформатский подчеркивает, что при любом подходе к языку — при описательном или историческом — язык всегда остается системой. С этой точки зрения следует подвергнуть критике и пересмотру рассуждения де Соссюра о синхронии и диахронии.

В этой связи особое значение приобретает факт определяемости развития языка его наличной структурой, системой. Эта определяемость, говорит в своем выступлении Т. П. Ломтев, может принимать разные формы. Новые накопления могут содействовать сохранению, укреплению и шлифовке накопленных уже ранее средств языка, которые таким образом подчиняют себе эти новые накопления (хотя при этом возможны и некоторые изменения в функциях или значениях этих господствующих моделей), но могут привести и к ограничению, отмиранию ранее накопленных средств языка, к образованию элементов нового качества, новой структуры. В этом случае накопленное ранее в языке служит лишь ступенью, материалом для развития элементов нового качества. Эти положения Т. П. Ломтев обосновывал материалом славянских, языков, преимущественно русского и белорусского. Этих же вопросов на материале различных языков касались И. К. Кусикьян, О. П. Суник, Ю. Д. Дешериев и др.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 175.
[2] Там же.

О. П. Суник и Ю. Д. Дешериев из несомненного факта взаимозависимости и взаимоопределяемости законов развития и правил функционирования делают вывод о неправомерности самого разграничения этих понятий. Поскольку системный характер — это всеобщее свойство языка, постольку и внутренние законы развития языка приобретают реальный смысл лишь в пределах определенной конкретной системы языка, говорит Ю. Д. Дешериев. Законы функционирования системы языка и есть внутренние законы его развития.

Большинство выступавших, однако, указывало, что исследование внутренних законов развития языка невозможно без достаточно строгого отграничения их от явлений хотя и близкого, но все же иного порядка, в частности, без различения законов развития как законов исторических, законов динамики, и правил употребления языка в определенный момент его развития.

О характеристике системы языка говорил М. Н. Петерсон. Решение этого вопроса на материале конкретного языка должно, по его мнению, предшествовать решению проблемы внутренних законов развития языка. Системность языка — в разных ступенях обобщения: словарный состав обобщает предметы, признаки, явления; морфология обобщает разряды предметов, признаков, явлений (формы словообразования) и объединяет слова в части речи (формы словоизменения); синтаксис обобщает отношения между предметами, признаками или явлениями. Весь этот процесс обобщения осуществляется в предложении. В этой связи М. Н. Петерсон высказал мысль о неправомерности учения о членах предложения, причем обосновывал это неоднократно и ранее выдвигавшееся им положение ссылкой на указание И. В. Сталина о том, что синтаксис — это правила соединения слов в предложении.

В выступлении В. И. Абаева внимание было сосредоточено на не получившем достаточного освещения вопросе об отношении между вутренними законами развития языка и внешней историей языка — взаимодействии данного языка с другими языками (которое может иметь характер субстрата или внешних влияний), а также взаимодействия между диалектами и литературным языком. В. И. Абаев предостерегает от отнесения к внутренним законам развития языка явлений, которые определяются внешней историей, и критикует с этой точки зрения одно из положений доклада об образовании семей языков, прочитанного в конце 1951 г. на дискуссии по вопросам этногенеза.

В. И. Абаеву отвечал Б. В. Горнунг, один из авторов доклада о развитии языковых семей на дискуссии по этногенезу. Б. В. Горнунг, отметив, что исторические данные должны сопутствовать всякому лингвистическому исследованию, подчеркнул, однако, опасность некритического отношения к теории субстрата, как средству объяснения языковых явлений. Например, неосторожное обращение с этим понятием привело ряд исследователей к ошибочному выведению из неиндоевропейского субстрата так называемого первого общегерманского передвижения согласных.

Отдельные замечания по вопросу о разграничении внешнего и внутреннего в развитии языка содержались и в выступлениях Н. С. Поспелова, В. А. Аврорина, А. Я. Рожанского, В. А. Лифшица, О. П. Суника. Последний, в частности, в отличие от всех остальных выступавших по этому вопросу, утверждал, что законы, отражающие связь языка с другими общественными явлениями или другими языками, и внутренние законы развития данного языка вообще не следует разграничивать, поскольку в языке они существуют не изолированно, а в единстве. Такое разграничение, говорит О. П. Суник, может производиться лишь в методических целях.

В выступлениях на дискуссии был затронут и ряд других связанных с проблемой внутренних законов развития языка вопросов.

М. Н. Петерсон высказал мнение, что употребление в докладах слова «тенденция» вместо «внутренних законов» означает лишь замену терминов, которая не только неспособна что-либо разъяснить в поставленной на обсуждение проблеме, но и создает будто бы самоуспокоенность и уводит от исследования фактического материала.

Возражая М. Н. Петерсону, И. К. Кусикьян отметил, что для того, чтобы установить закономерности и законы, надо подметить именно тенденции, что поможет и выяснению особенностей системы изучаемого языка. Не каждую из найденных тенденций развития того или иного языка мы можем уверенно охарактеризовать как закон, но сама констатация этих тенденций развития поможет вывести и закон развития языка. Эти положения И. К. Кусикьян иллюстрировал материалом армянского языка.

А. И. Попов говорил о внутренних законах развития семьи родственных языков, в частности, о параллельном развитии общих или близких явлений в родственных языках уже после распадения языка-основы.

Подчеркивая сходство внутренних законов развития родственных языков, А. И. Попов оставил в тени другую сторону вопроса — национальное своеобразие в законах развития отдельных входящих в семью языков, самостоятельные законы развития этих языков. Однако можно отметить, что исследованию внутренних законов развития родственных языков было уделено на дискуссии слишком мало внимания.

П. Г. Пустовойт в своем выступлении останавливался на спорных, с его точки зрения, положениях и формулировках доклада Б. А. Серебренникова. К ним

он относит формулировку о том, что развитие мышления является одним из стимулов развития языка. В этом положении П. Г. Пустовойт видит отрыв мышления от языковой «природной материи». Считая, что, кроме прогресса в языке, есть и регресс, который испытывают побежденные и постепенно отмирающие языки, П. Г. Пустовойт полемизирует с В. А. Аврориным, отрицавшим возможность такого процесса и тем самым, по мнению выступающего, пришедшим к выводу о неизбежности внезапной смерти языка, т. е. взрыва.

А. А. Реформатский затронул важный и мало разработанный вопрос о речевых стилях или жанрах, которые варьируются и меняются в разные периоды жизни народа, будучи непосредственно связаны с конкретными формами человеческого общения.

В. П. Сухотин в своем выступлении отметил и сформулировал некоторые наиболее бесспорные положения, выдвинутые и развитые в докладах и выступлениях на дискуссии: понимание лингвистического закона, данное в докладе акад. В. В. Виноградова, уяснение соотношения общих и частных внутренних законов развития языка, особенности развития родственных языков и др. Высоко оценив работу Института, В. П. Сухотин отметил также и некоторые недостатки в организации дискуссии, в частности, неравномерность представленных на дискуссии языков; так, например, специалисты по тюркологии совсем не приняли участия в обсуждении поставленных вопросов.

Следует сказать, что подавляющее большинство участников дискуссии отмечало, наряду с некоторыми недостатками в организации и проведении дискуссии, ее несомненную положительную роль, оценивая ее как важный шаг в разработке одной из важнейших проблем советского языкознания, подчеркивало атмосферу свободы мнений и критики, царившую на дискуссии. Исключение составили по существу лишь выступления т. Степанова и т. Дмитриева-Кельды, которые пытались огульно зачеркнуть, опорочить всю проделанную на дискуссии работу, объявить ее «парадом», «праздником» и т. д. на том основании, что прочитанные на дискуссии доклады были заранее написаны и подверглись обсуждению в группе общего языкознания Института. В выступлении Дмитриева-Кельды отчетливо звучало стремление обелить и реабилитировать «новое учение» Марра, выдвинуть какие-то «здоровые элементы социологизма Марра».

Выступления Степанова и Дмитриева-Кельды были по достоинству оценены многими выступавшими, так что попытки зачеркнуть положительные стороны проделанной работы получили должный отпор.

После заключительных слов докладчиков выступил акад. В. В. Виноградов, который подвел итоги дискуссии. Четырехдневная дискуссия по вопросу о внутренних законах развития языка, сказал акад. В. В. Виноградов, проходившая в атмосфере борьбы мнений и свободного искания истины, привела нас к некоторым общим выводам, помогла установить единство в некоторых основных точках зрения на этот вопрос и наметить пути дальнейшего изучения этой проблемы.

В заключение акад. В. В. Виноградов отметил: несмотря на то, что не весь круг вопросов был поднят и получил глубокое и всестороннее решение на дискуссии, она представляет шаг вперед на пути внедрения марксизма в языкознание, на пути достижения цели, поставленной перед советскими языковедами товарищем Сталиным.

В. Д. Левин

*

20—22 января 1952 г. в Ленинграде состоялась сессия Института языкознания АН СССР, посвященная проблеме «Внутренние законы развития языка». В работе сессии приняли участие также языковеды Ленинградского университета, Педагогического института им. Герцена, Педагогического института им. Покровского и других научных учреждений города.

Сессия открылась вступительным словом директора Института языкознания АН СССР акад. В. В. Виноградова. Затем были прочитаны доклады: Б. А. Серебренниковым «Тенденции, обусловленные ролью языка как средства общения, и внутренние законы его развития», В. Н. Ярцевой «Внутренние законы развития языка и система языка», чл.-корр. АН СССР В. М. Жирмунским «К вопросу о внутренних законах развития языка». После докладов развернулись прения.

Р. А. Будагов сказал, что решение проблемы внутренних законов развития языка зависит от разрешения вопроса о соотношении между общими и внутренними его законами. Советские лингвисты заинтересованы в выяснении связей внутренних законов развития языка с общими закономерностями развития языка как общественного явления. После того как будут изучены закономерности каждого отдельного языка, откроются возможности перехода к глубокому изучению родственных языков. Внутренние законы языка не являются универсальными, потому что если закон становится универсальным, то он уже выходит из ряда законов внутреннего развития.

Р. А. Будагов подверг резкой критике идеалистическую концепцию де Соссюра о связи языка и общества. Де Соссюр полагал, что нет необходимости знать условия, в которых развивается тот или иной язык. Наше понимание общих закономерностей внутреннего развития языка противоположно этой идеалистической концепции. Он критиковал также Марра, который, отождествляя внешние условия развития языка с внутренними его законами, отрицал всякую самостоятельность языкового развития. Понятие «внутреннего» в языке Марр признавал идеалистической концепцией, поэтому в «новом учении» о языке центр тяжести исследования перемещался на внешние условия развития языка, на скрещивание и связанные с ним явления.

Акад. И. И. Мещанинов высказал убеждение в специфичности внутренних законов каждого отдельного языка, опровергающей «теорию» стадиального развития языков. Языки могут быть сходны типологически, но это сходство зачастую является чисто случайным, поэтому сравнительно-типологическая методика «нового учения» оказывается несостоятельной. Типологические сопоставления с целью установления исторического прошлого в особенности бесписьменных языков ни к чему не приведут. И. И. Мещанинов подверг критике прошлые свои ошибочные положения о наличии *языковых стадий и марровскую типологическую классификацию языков.*

О. П. Суник констатировал в лингвистической литературе последнего времени чрезмерно широкое и неопределенное применение термина «внутренний закон развития языка» и высказал мнение, что нельзя объявлять внутренними законами частные языковые явления. Он признал неверным объяснение качественных отличий различных языков качественными и принципиальными отличиями их внутренних законов развития. По его мнению, законы развития языков в основном и главном едины, но материальная форма их проявления, результаты их действия конкретно-историчны и своеобразны.

В. А. Аврорин выдвинул положение о необходимости разграничения внутренних законов развития языка и законов его функционирования как средства общения, выражения и передачи мыслей, то есть о необходимости отграничения законов развития от результатов или продуктов развития. Но это отграничение отнюдь не должно означать отрыва и изоляции. Отрывать законы развития языка от законов его функционирования, как это делал де Соссюр, значит впадать в идеализм.

К внутренним законам, по его словам, можно отнести все характерные для каждого отдельного языка законы развития, которые, с одной стороны, отражают закономерные процессы развития данного общества и мышление говорящих на этом языке людей, а с другой — вызываются внутренней необходимостью совершенствования и упорядочения самой системы языка. Выдвигаемый многими авторами в качестве основания для отнесения к внутренним законам критерий «прогрессивности» развития является расплывчатым и шатким, так как все изменения в языке, если их взять в совокупности и в определенной системе, в конечном счете не могут не оказаться прогрессивными.

В. А. Аврорин высказался против признания О. П. Суником внутренних законов развития языка лишь за частные проявления одних и тех же общих законов, свойственных *всем языкам мира.*

В. Г. Адмони остановился на вопросе «прогресса» в языке и сделал вывод, что совершенствование языка чрезвычайно противоречивое явление: выигрывая в одном, язык в то же время может проигрывать в другом.

Э. И. Каратаева указала на неправомерность противопоставления внутренних и общих законов развития языка, которое имело место в докладах и выступлениях некоторых языковедов.

Ю. С. Маслов выдвинул положение, что внутренние законы конкретного языка или группы родственных языков распространяются не только на основу языка — его грамматический строй и основной словарный фонд, но охватывают все элементы языковой системы, так как грамматический строй и основной словарный фонд — это сущность, но не вся специфика языка. Он признает фонетические законы также внутренними законами. Останавливаясь на фонетических изменениях славянских языков, Ю. Маслов назвал в качестве одного из характерных внутренних законов славянских языков закон открытых слогов.

Ф. П. Филин выступил с критикой «теории» скрещивания Марра, указав, что по этой «теории» любое существенное изменение языка объяснялось как результат развития внешних факторов, лежащих за пределами языка. Таким образом, марровская «теория» потеряла объект своего исследования и тем самым лишилась качества, присущего каждой области науки, перестала быть наукой. И. В. Сталин, разоблачив антинаучную сущность «теории» скрещивания, повернул советское языкознание в сторону изучения внутренних законов развития языка.

Э. А. Якубинская согласилась с мнением, что внутренние законы развития языка могут быть выявлены только в истории языка, так как нельзя понять языковых явлений, не раскрыв всего исторического процесса развития языка. Именно *поэтому чисто описательные труды по грамматике и другим разделам языкознания* являются только материалом для дальнейших исследований.

Т. П. Иванова предложила классифицировать внутренние законы язы-

ка на законы функционирования и законы развития и распределять их по степени длительности действия в истории языка. В качестве примера «длительного» закона внутреннего развития Т. П. Иванова назвала закон открытых слогов в славянских языках; в качестве примера «недлительного» закона — переход *е* в *о* в русском языке.

Ю. С. Сорокин возражал против противопоставления внутренних законов развития языка общим его законам. По его мнению, общие законы развития языка есть лишь высшая ступень познания закономерностей развития языка, но они не существуют сами по себе; в каждом отдельном языке, в каждой группе родственных языков они находят свое частное и особое проявление. Неуместно говорить о двух рядах законов, одни из которых распространяются на все языки, а другие — на отдельные языки или на группы родственных языков.

Общие законы развития языка выступают в действительности только в частных законах. Частные законы развития отдельных языков есть лишь одна из форм проявления общих законов. К общим законам возводится в конечном счете все разнообразие развития отдельных языков, но эти общие законы существуют и обнаруживаются только через специфическое развитие конкретных языков. Общие законы развития языка определяются общими законами развития общества, законами истории народа. А над общими законами развития общества, включающими в себя и особые законы развития языка, как общественного явления, оказываются сохраняющие свою силу наиболее общие законы развития — законы материалистической диалектики.

Ю. С. Сорокин полемизировал с В. А. Аврориным, признавая нечетким его терминологическое разграничение внутренних и внешних законов развития языка. У языка нет внешних законов развития. Развитие вообще может быть только внутренним.

В прениях также выступили А. В. Десницкая, В. И. Цинциус, А. Г. Руднев и др.

Сессия закончилась заключительным словом акад. В. В. Виноградова, указавшего на эффективность дискуссии, проходившей в атмосфере свободного и честного искания истины по вопросу о внутренних законах развития языка и приведшей к некоторым положительным результатам. В заключение он сказал, что творческая дискуссия помогла продвинуться несколько вперед в решении вопроса о внутренних законах развития языка и достигнуть в ее понимании некоторого единства, которое теперь должно быть доказано при исследовании законов развития отдельных языков.

М. М. Орлов

ПОСТАНОВЛЕНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР ОТ 7 ФЕВРАЛЯ 1952 ГОДА

I. В итоге проведенной, согласно решению Президиума АН СССР, на шести открытых заседаниях Совета 4—7 февраля, дискуссии о внутренних законах развития языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию Ученый совет, заслушав развернутое вступительное слово акад. В. В. Виноградова, доклады Б. А. Серебренникова, В. Н. Ярцевой, В. М. Жирмунского, В. А. Звегинцева и М. М. Гухман и 27 выступлений по докладам, констатирует:

1. Дискуссия о внутренних законах развития языка проходила в обстановке свободной критики, свободного обмена мнений, причем все заслушанные доклады и отдельные развернутые выступления подверглись широкому обсуждению.

2. В разработке советскими языковедами проблемы внутренних законов развития языка можно наблюдать коренной сдвиг — от споров по самой постановке вопроса, что характеризовало, например, дискуссию, проведенную весной 1951 г., советские языковеды перешли к конкретным исследованиям, посвященным как теоретическому освещению разных специальных сторон этой проблемы, так и исследованию внутренних законов развития отдельных языков и групп языков, хотя в этой последней области разработка конкретного материала продвигается вперед еще очень неравномерно.

II. На дискуссии в докладах и выступлениях были поставлены следующие основные вопросы:

1) понятия «лингвистического закона» и «внутреннего закона развития языков» в общей системе марксистского языкознания;

2) соотношение общих и частных внутренних законов развития языков в связи с самобытностью языков и путей их развития;

3) особенности развития разных сторон языка, их взаимосвязи и взаимообусловленности;

4) соотношение внутренних законов развития языка и правил функционирования языка в системе;

5) изучение внутренних законов языка в неразрывной связи с историей народа;

6) вопрос о проявлении внутренних законов развития языка у семьи родственных языков;

7) соотношение тенденций развития и отдельных изменений в языке с внутренними законами развития конкретного языка.

III. На основе гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в результате свободного обсуждения указанных вопросов с широким привлечением материалов различных языков, оказалось возможным сформулировать некоторые выводы и общие положения:

1. Исходя из понимания закона и закономерности в марксистско-ленинской философии, совещание единодушно пришло к пониманию законов внутреннего развития языка как динамических законов взаимосвязи изменения структуры языка в разных его звеньях. Поэтому не следует ограничиваться констатированием отдельных фактов в истории языка без уяснения связей всех структурных сторон языка.

2. Внутренние законы развития язвыка охватывают все элементы структуры языка: фонетические, грамматические и лексические, но не каждое отдельное изменение или даже более общая тенденция развития перерастает в закон развития.

3. Внутренние законы развития языка, как динамические, следует отграничивать от правил функционирования языка в системе, однако правила функционирования языка нельзя отрывать от внутренних законов развития, результатом действия которых они являются, так же как и само направление внутренних законов развития определяется наличной системой данного языка.

4. Внутренние законы развития языка обеспечивают национальную самобытность развития отдельных языков и определяют их качество; общие внутренние законы развития языка определяют общее направление и тип изменений структуры языка, проявляясь в материи и форме каждого конкретного языка и сливаясь с внутренними законами его развития: нет основания поэтому разрывать общие и частные внутренние законы развития языка.

5. Изучение развития языков должно проводиться в неразрывной связи с историей народа,— носителя и творца языка. Здесь одинаково неприемлемы как вульгарный социологизм Марра и его последователей, так и антиисторический отказ от установления этих исторических закономерностей, характерный для современного буржуазного языкознания. Следует помнить, что переход от языков родовых к племенным, от языков народностей к языкам национальным связан с выработкой различных жанров и стилей, непосредственно отражающих развитие форм общения при трансформации общества. Однако эти вопросы не получили в дискуссии достаточного освещения и требуют дальнейшей углубленной разработки.

6. Изучение внутренних законов в развитии родственных языков должно стать неотъемлемой частью сравнительно-исторического языкознания. В этой области требуются углубленные исследования на материале различных семей языков.

7. Дискуссия установила, что рядом языковедов, пытавшихся уточнять понятие «внутренних законов развития языка» на основе трудов И. В. Сталина, были допущены ошибки (попытки количественно- и качественно-измерительной характеристики внутренних законов развития языка, схематическое выделение различных типов «скачков» в развитии природы и общества и перенесение некоторых из этих типов в область развития языка).

8. В ходе дискуссии выяснилось, что до сих пор имеют место случаи полного непонимания специфики внутренних законов развития языка, попытки подмены анализа этих законов общими рассуждениями о зависимости языковых изменений от развития общества, с начетническим использованием вырванных из контекста высказываний И. В. Сталина (выступления И. Д. Дмитриева-Кельды, И. Н. Гозалишвили).

IV. Ученый совет отмечает, что положительной стороной настоящей дискуссии является тщательная подготовка докладов, выразившаяся в их неоднократном предварительном обсуждении. Вместе с тем, Ученый совет считает, что подготовка дискуссии с организационной стороны была не вполне удовлетворительной (отсутствие печатных тезисов докладов), а также отмечает, что группа общего языкознания не сумела вовлечь в подготовку дискуссии все секторы института, чем и объясняется некоторая неравномерность конкретного языкового материала, на котором разрабатывалась проблема внутренних законов развития языка.

V. Ученый совет считает, что группа общего языкознания института в целях дальнейшей разработки проблемы должна продолжать обсуждение вопросов, поставленных на заседании Ученого совета, шире вовлекая в эту работу весь коллектив института и стимулируя этим исследование проблемы в применении к отдельным языкам, в первую очередь — к русскому языку и другим языкам народов СССР.

VI. Ученый совет считает необходимым издать доклады и выступления на настоящем заседании в виде отдельного выпуска «Докладов и сообщений Института языкознания АН СССР».

СЛОВАРЬ ЯЗЫКА ПУШКИНА

В работе «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин указал на близость современного языка к языку Пушкина: «Со времени смерти Пушкина прошло свыше ста лет. За это время были ликвидированы в России феодальный строй, капиталистический строй и возник третий, социалистический строй... Однако, если взять, например, русский язык, то он за этот большой промежуток времени не претерпел какой-либо ломки, и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина.

Что изменилось за это время в русском языке? Серьезно пополнился за это время словарный состав русского языка; выпало из словарного состава большое количество устаревших слов; изменилось смысловое значение значительного количества слов; улучшился грамматический строй языка. Что касается структуры пушкинского языка с его грамматическим строем и основным словарным фондом, то она сохранилась во всем существенном, как основа современного русского языка»[1].

В свете сталинского учения особенно большое значение приобретает подробное описание и изучение словаря великого писателя — основоположника русского литературного языка нового времени.

Во вступительной статье к I тому Словаря языка Пушкина акад. В. В. Виноградов пишет: «Историческая заслуга Пушкина заключается в том, что силой своего творческого гения он мощно содействовал развертыванию и совершенствованию элементов общенародного, национального русского языка. Пушкин обогатил язык русской художественной литературы новыми приемами стилистического использования народной речи, народной поэзии, новыми правилами стилистического сочетания и объединения разных элементов национального языка... В языке Пушкина вся предшествующая культура русского художественного слова не только достигла своего высшего расцвета, но и получила качественное преобразование».

Трехтомный Словарь пушкинского языка, составляемый группой сотрудников Сектора русского литературного языка Института языкознания АН СССР, должен содержать список и толкования всех слов, засвидетельствованных в основном тексте собрания сочинений Пушкина по 16 томам полного академического издания. Словарная статья, составленная с таким расчетом, чтобы читатель мог получить представление о всех значениях и оттенках значений слова у Пушкина, строится по следующей схеме: 1) заголовок, 2) указание на число случаев употребления слова, 3) указание на значение слова (в случае необходимости, толкование сопровождается грамматической пометой), 4) указание на число случаев употребления слова в данном значении, 5) примеры, иллюстрирующие значение слова, 6) перечень всех случаев употребления слова у Пушкина. В том случае, когда слово многозначно или имеет оттенки значений, пункты 3—6 повторяются. Например, слово *анекдот* будет представлено в Словаре следующим образом[2]:

АНЕКДОТ (43) 1. *Небольшой забавный рассказ* (39). Но дней минувших анекдоты от Ромула до наших дней хранил он в памяти своей. *ЕО* I 6. 12. Анекдот о трех картах сильно подействовал на его воображение. *ПД* 235.29. 2. *Происшествие, случай* [без доп. с предл. *о*] (4). Старики вспоминали прежнее время и анекдоты своей службы *БК* 119.29. Самый неприятный анекдот было — то, что сломались у меня колесы. *Пс* 292.2◆*Ед. И.* анекдот: 1. *ПБ* 61.32 *ПД* 235.29,37, 236.102. *Мы* 424.2...2. $Ж_1$ 150.22 *Пс* 292.2. 770.22; *Р.* анекдот: 1. $Ж_2$ 316.27; *В.* анекдот: 1. *ПД* 232.1 *Мы* 420.4... и т. д.

В тех случаях, когда слово употребляется Пушкиным только в составе устойчивого фразеологического выражения, Словарь дает соответствующие указания. Так, на-

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1951, стр. 9.

[2] В статье приводятся следующие шифры, принятые в Словаре языка Пушкина: C_1, C_2, C_3 — стихотворения I, II и III томов; *ЗС* — Песни западных славян (*З* — Битва у Зеницы-Великой, 4 — Феодор и Елена, 12 — Воевода Милош); *МЦ* — Мертвая царевна, *РЛ* — Руслан и Людмиал, *КП* — Кавказский пленник, *ГН* — Граф Нулин, *П* — Полтава, *МВ* — Медный Всадник, *ЕО* — Евгений Онегин, *БГ* — Борис Годунов, *АП* — Арап Петра Великого, *ПБ* — Повести И. П. Белкина (От издателя), *М* — Мятель, *БК* — Барышня-крестьянка. *ИГ* — История села Горюхина, *Д* — Дубровский, *ПД* — Пиковая Дама, *КД* — Капитанская дочка, *КВ* — Роман на кавказских водах, *Мы* — Мы проводили вечер, *ПА* — Путешествие в Арзрум, *ИП* — История Пугачева, *ЗМ* — Записки Моро-де Бразе, $Ж_1$, $Ж_2$ — Журнальные статьи XI и XII тт., *Пс* — письма (XIII — XVI тт.).

В ссылках, кроме шифра, приводятся: в стихотворениях — условный номер стиха и строка; в поэмах и драматических произведениях римской цифрой — глава или акт, арабской — строка; в *ЕО* — римской цифрой — глава, первой арабской — строфа, второй арабской — строка; в прозе — страница и строка; в письмах — номер письма и строка.

пример, в статье на слово *аничкин* указано, что оно употребляется 2 раза в названии: *Аничкин мост.*

АНИЧКИН (2). *В назв.* Аничкин мост: наконец у самого Аничкина моста догнал я гороховую шинель. *ИГ* 131.2.◆*Ед. Р. м. р.* Аничкина: *в назв. ИГ* 131.2; Аничк. ⟨ова⟩: *в назв. Пс.* 58.39.

Словарь стремится выделить не только значения слов, но и оттенки в пределах того или иного значения, отдельные случаи употребления, а также специфические для пушкинского времени конструкции, фразеологические сочетания, соединения слов. В то же время, ставя своей целью охарактеризовать язык Пушкина как язык его эпохи и, следовательно, не делая установки на раскрытие всего многообразия пушкинского употребления слов, Словарь все-таки не может не отмечать и чисто индивидуальные случаи использования того или иного слова или оборота в языке Пушкина. Так, в Словаре особыми пометами выделяются шутливое, ироническое, каламбурное употребление слова, олицетворения, переносы (метафорические), перифрастические случаи употребления. Например, в статье на слово *агнец* указано, что, наряду с обычным употреблением этого слова со значением «ягненок», у Пушкина есть случаи и переносного употребления.

АГНЕЦ (5). *Ягненок.* Милее мне смиренная девица — Послушная, как àгнец полевой; C_2 297.12. В ней... сидел безвинный Кочубей, С ним Искра тихой, равнодушный, Как àгнец, жребию послушный. *П* II 411. *Перенос. О кротком, безропотном существе.* Мефистофель. Ты думал: àгнец мой послушный! Как жадно я тебя желал! Как хитро в деве простодушной Я грезы сердца возмущал!— C_2 285.78.◆ *Ед. И.* àгнец: C_1 51.236 C_2 296.12 *П* II 41; *перенос.* C_2 285.78; *В.* агнца: *Пс* 65.12[3];

Лексический состав языка Пушкина, грамматические формы, типы управления и согласования слов, употребление союзов и их значение в массе своей представляют материал, совпадающий с современным словоупотреблением. Эта устойчивость языка, заключающаяся прежде всего в устойчивости основного словарного фонда и грамматического строя, определяет общепонятность пушкинских текстов для современного читателя. Но в то же время материалы пушкинского словаря, сопоставляемые с современным слово- и формоупотреблением, свидетельствуют и о специфических особенностях языка пушкинского времени, о том, что русский литературный язык за истекшие 150 лет не остался неподвижным.

Помимо наличия особых поэтических средств, которые отсутствуют в современном литературном языке, помимо особой стилистической функции отдельных слов и оборотов, язык Пушкина располагает целым рядом таких слов, которые либо отсутствуют в современном языке, либо, сохраняясь в нем, изменили свои значения или оттенки значений.

Встретив в произведениях Пушкина исчезнувшее сейчас слово, читатель легко найдет его в Словаре [4]. Что же касается слов, которые сохранились в современном языке, но изменили свое значение или оттенки значения, то осмысление их в пушкинском тексте с точки зрения нашего современного употребления может привести к неправильному пониманию, к искажению пушкинской мысли. Так, например, слово *любовник, любовница* в языке Пушкина, кроме современного значения, имело значение «влюбленный, возлюбленный»: Стократ блажен *любовник* тот, Который нежно пред тобою, Осмелясь, о любви поет (C_1 *К молодой актрисе*). Руслан нас должен занимать,... В душе герой, *любовник* верный (*РЛ* IV 190). Наши *любовники* были в переписке (*М* 77.30).

Слово *позор*, кроме современного значения, у Пушкина употребляется в значении «зрелище»: Но между тем какой *позор* Являет Киев осажденный? (*РЛ* VI 231). Вся литературная жизнь г. Каченовского была разобрана по годам, все занятия оценены, все простодушные обмолвки выведены на *позор* (на обозрение.— *А. Г.*) (Ж$_1$ 80.18).

В приведенных примерах современное понимание исказило бы мысль, общее содержание текста.

Иногда недостаточно точное понимание слова может привести если не к искажению текста, то к снижению его силы, значимости: А сын его Федор? На престоле Он воздыхал о мирном житие Молчальника... Бог возлюбил смирение царя И Русь при нем во славе *безмятежной* Утешилась (*БГ* V 132).

Здесь слово *безмятежный* имеет значение «лишенный мятежей, волнений», а не современное «покойный, невозмутимый, не знающий забот». Ср. также у Пушкина значение слова *возмутительный* — «вызывающий возмущение, относящийся к возмуще-

---

[3] В данной словарной статье цитируются следующие стихотворения: C_1 51 — «Тень Фонвизина», C_2 285 — «Сцена из Фауста», C_2 296 — Начало I песни «Девственницы».

[4] Например, употребляемые Пушкиным слова *абшид* (*Пс* 979.22), *вагенбург* (*ПА* 478.27) имеют соответствующие объяснения: *вагенбург*: «Обоз, который по мере надобности используется для защиты войска как преграда на пути неприятеля. Обычно сопровождается пушками» (Словарь яз. Пушкина, I); *абшид*: «Удостоверение об увольнении со службы; отставка» (там же).

нию, к бунту»: Чернь встретила его на берегу с образами и хлебом. Ей прочтен *возмутительный* манифест (*ИП* 70.14). Я был в связи со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. Все *возмутительные* рукописи ходили под моим именем (*Пс* 276. 26).

Современное понимание этого слова («вызывающий резкое неодобрение, осуждение») исказило бы мысль Пушкина, не вкладывавшего в это слово той отрицательной оценки, которую оно несет сейчас и которая появилась в нем в результате позднейшего развития и переосмысления.

Сопоставление словаря языка Пушкина с современным словоупотреблением позволяет сделать ряд общих наблюдений и выводов.

1. В пушкинском языке есть много таких слов, которые отсутствуют в активном языковом употреблении наших дней. Это могут быть слова различных рядов и групп: 1) слова, связанные с социальными явлениями дореволюционной эпохи: *вольный, заводской* (крестьянин), *батог, дыба, вид* (паспорт), *августейший, камер-лакей, камер-гер, камер-юнкер* и мн. др.; 2) слова, отражающие мифологические и религиозные представления того времени: *домовой, русалка*; 3) слова, отражающие дворянский быт того времени: *боливар, брегет, блонды, боскет* и др.; 4) слова дворянского жаргона: *кокю* (обманутый муж), *комераж* (сплетни), и др.; 5) слова, связанные с классической мифологией и выражающие основанную на них символику поэтического языка: *Марс, Венера, Психея, Зевс* и мн. др.

Бо̀льшая часть этих слов перестала быть широкоупотребительной в настоящее время, сохранившись в пассивном словарном составе современного языка или в составе многообразных фразеологических сочетаний.

2. Значительно больший интерес для исследователя и больше затруднений для широкого читателя представляют слова, пережившие изменения в своей семантике. По характеру последующей эволюции значений такие слова распределяются по двум основным группам. Первую группу составляют слова, которые у Пушкина употребляются в их первоначальных, исходных значениях, непосредственно опирающихся на этимологический состав слова. Дальнейшая история этих слов в основном заключается в развитии вторичного или вторичных значений и в утрате исходного. Эти вторичные значения могут намечаться уже в языке Пушкина, но они могут возникать и в последующее время. Сюда относятся такие слова, как *великодушный, малодушный, возмутить, безвластный, соблазнительный, смиренный, заманчивый, безмятежный* и мн. др. Так, слово *великодушный* в современном языке означает «обладающий великодушием», слово *малодушный*—«нерешительный, слабовольный». У Пушкина первое имеет значение «обладающий великой душой», второе — «имеющий мелкую, ничтожную душу». Ср.: — Ты нам не государь,— отвечал Иван Игнатьич, повторяя слова своего капитана... Пугачев махнул опять платком, и добрый поручик повис подле своего старого начальника. Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачева, готовясь повторить ответ *великодушных* моих товарищей (*КД* 325.8). Не дай остыть душе поэта, Ожесточиться, очерстветь, И наконец окаменеть В мертвящем упоньи света, Среди бездушных гордецов, Среди блистательных глупцов, Среди лукавых, *малодушных*... В сем омуте, где с вами я Купаюсь, милые друзья (*ЕО* прим. 40)[5].

Слово *соблазнительный* в языке Пушкина явно связано со словом *соблазн* и имеет значение «свойственный соблазнителю, связанный с соблазном»: Капитан Байрон, сын знаменитого адмирала и отец великого поэта, навлек на себя *соблазнительную* славу. Он увез супругу лорда Carmarthen и женился на ней тотчас после ее развода ($Ж_1$ 275.13). Зачем у вас я на примете?... Не потому ль, что мой позор Теперь бы всеми был замечен, И мог бы в обществе принесть Вам *соблазнительную* честь? (*ЕО* VIII 44.14).

Вторую группу составляют слова, которые у Пушкина имеют более широкий круг значений, чем в современном литературном языке. Дальнейшая история этих слов идет по линии сужения употребления слова, его специализации, определяющейся или стремлением языка к большей четкости, точности (когда это касается слов терминологического характера), или стремлением языка избавиться от возникающей дублетности, вызванной совпадением значений разных слов.

Примерами слов, утративших свои производные значения, сузивших круг своего употребления и терминизировавшихся, могут служить такие слова, как *водевиль, анекдот, басня, куплет* и некоторые другие.

Слово *водевиль* в современном языке имеет значение «комическая пьеса фарсового характера, первоначально с пением куплетов» (Словарь под ред. Ушакова, I, 325). У Пушкина употребление этого слова шире: *водевилем* он называет также сатирические песенки[6]: Алчность к деньгам соединилась с жаждою наслаждений и рассеянности;

---

[5] В то же время следует отметить, что эти слова у Пушкина имеют и другие значения, закрепившиеся за ними в современном языке (например, слово *великодушный* имеет у Пушкина также значение «снисходительный, лишенный злопамятства»).

[6] Ср. в Новом словотолкователе Н. Яновского (1803 г.): «*водевиль*, фр. В Париже называются сим именем площадные простонародные песни, которые иногда употребляются и на театре в шуточных операх» (I, 485).

имения исчезали... и государство распадалось под игривые припевы сатирических *водевилей* (*АП*3.32). Хотите ли послушать Прелестный *водевиль*?—И граф поет (*ГН*167).

Слово *куплет* обозначает сейчас название строфы песни или стихотворения. У Пушкина оно может обозначать также и самое стихотворение, разбитое на куплеты, строфы: Как истинный француз, в кармане Трике привез *куплет* Татьяне На голос, знаемый детьми... Меж ветхих песен альманаха Был напечатан сей *куплет*... (*ЕО* V. 27).

Слово *амвон* в современном языке является церковным термином и обозначает возвышение перед алтарем. У Пушкина это слово могло обозначать всякое возвышение, помост[7]. Например, в «Истории Пугачева» (стр. 79. 25): Вслед за отрядом кирасир ехали сани, с высоким *амвоном*. То же в «Борисе Годунове»: Н а р о д — Царевич нам боярина послал. Послушаем, что скажет нам боярин. Сюда! сюда! П у ш к и н (*на амвоне*) — Московские граждане, Вам кланяться царевич приказал («Лобное место»).

Ограничение круга значений слова в современном языке по сравнению с языком Пушкина коснулось и ряда слов, нетерминологического характера. Так, слово *вдруг* в современном языке значит «неожиданно, внезапно». Это же значение имеет оно и в пушкинских текстах, например: Дрожат уста, дрожат колени, Идет... и *вдруг*... иль это сон? *Вдруг* видит близкие две тени И близкий шопот слышит он (*Ц* 464, 465).

Но Пушкин может употребить слово *вдруг* и в значении «сразу, одновременно»: Богат, умен, ни перед кем Не кланяется в пояс, А как боярин между тем Живет, не беспокоясь; А подарит невесте *вдруг* И лисью шубу, и жемчуг (C_2 *Жених*). Богу угодно было лишить меня *вдруг* отца и матери (*КД*, 342.6).

Подобное значение слова представлено в современном языке лишь в разговорных сочетаниях: *всё вдруг*, *все вдруг* в значении «всё (все) сразу, одновременно».

Слово *ветхий* в современном языке имеет значение «дряхлый, разрушающийся от старости» и носит книжный оттенок (ср. Словарь под ред. Ушакова, I, 265). Наряду с этим значением слова *ветхий* мы находим у Пушкина значение «издавна существующий, древний»: Но с той поры, когда являлся он, Своих обид ожесточенный мститель, С литовцами под *ветхий* город Ольгин, Молва об нем умолкла (*БГ* XI. 41). Ср. то же значение в сочетании *Ветхий завет* (ср. *Новый Завет*).

К словам, сократившим круг своих значений, относится слово *вздор*, которое у Пушкина имеет значение «распря, ссора» (соответственно множ. число *вздоры*): Почтен, кто глупости людской Решит запутанные споры; Умен, кто хитрости рукой Переплетает меж собой Дипломатические *вздоры* И правит нашею судьбой (C_1 *К молодой вдове*).

Сокращение количества значений и переосмысление в подобных словах не приводит к обеднению языка: оно уточняет и вследствие этого улучшает выразительные возможности языка. Как известно, подобное сокращение может вызываться или утратой соответствующего понятия, или, как это имеет место в рассматриваемом случае, возникновением дублетов, т. е. слов, не разграниченных ни в смысловом, ни в стилистическом отношении (при отсутствии необходимости в подобном разграничении). Дальнейшая история этих совпадающих по смыслу слов обычно идет по пути их семантического или стилистического разграничения.

Образцом подобных дублетов по значению могут служить слова *безграмотный* и *неграмотный* в значении «не умеющий читать и писать». В современном языке в данном значении из этих двух дублетов употребляется преимущественно второй: употребление первого зафиксировано Толковым словарем под ред. Ушакова как возможное, но не основное для данного слова. В языке Пушкина в данном значении также представлены оба слова: *безграмотный* — 9 раз, *неграмотный* — 1 раз. Например: Рыбака задержали, пока не удостоверились, что он в самом деле был *безграмотный*... Губернатор отпустил его, сказав: Ступай, счастлив ты, что не умеешь читать. ($Ж_2$ 29.6). Старосты горюхинские имели обыкновение никогда ничего сами не читать. Староста был *неграмотен* (*ИГ* 138.36).

В эпоху Пушкина, как и в настоящее время, эти слова были стилистически нейтральны. И это отсутствие стилистических различий в словах с совпадающими значениями вызвало последовательное сокращение употребления одного из дублетов: в современном литературном языке *безграмотный* в значении «не умеющий читать и писать» почти не употребляется. Количественные соотношения, с которыми мы встречаемся у Пушкина, позволяют предположить для того времени более широкое употребление слова *безграмотный*[8].

---

[7] Ср. в Словотолкователе Н. Яновского: «софа — род амвона; возвышенный пол в части комнаты выше обыкновенного пола...» (III, 708).

[8] Определившаяся меньшая употребительность слова *безграмотный* в основном значении («не знающий, не умеющий читать и писать») не исключает параллельного употребления слов *безграмотный* и *неграмотный* в других значениях. Так, общим для этих слов является сейчас значение «содержащий много грамматических ошибок, малограмотный» (*безграмотное* сочинение и *неграмотное* сочинение). Дальнейшее употребление может закрепить это значение за словом *безграмотный* (с соответствующим сокращением употребления в этом значении слова *неграмотный*).

*

Говоря об изменениях, происшедших в языке со времени Пушкина до наших дней, И. В. Сталин указывает, что эти изменения коснулись и наиболее устойчивой части языка—его грамматического строя. Не нарушая основ грамматического строя, эти изменения шли по пути его улучшения, усовершенствования. «Что касается структуры пушкинского языка с его грамматическим строем и основным словарным фондом, то она сохранилась во всем существенном, как основа современного русского языка»[9].

Словарь языка Пушкина дает в этом отношении богатый и многообразный материал. Так, например, читатель может обратить внимание на наличие в языке Пушкина слов в другом грамматическом роде или в другом склонении, чем в современном литературном языке. Сейчас существительное *ниша* — женского рода; у Пушкина — мужского: И в темный *ниш*, где сумрак воцарился, Чуть крадется неверный свет дневной (C_1 *Сон*).

Слово *миф* сейчас мужского рода, у Пушкина — женского: Имя его казалось мне вымышленным и предание о нем пустою *мифою* (ИГ 127.29).

Слово *боа* — у нас среднего рода, у Пушкина — мужского: Он счастлив, если ей накинет *Боа* пушистый на плечо (ЕО VIII 30.10).

Слово *комод* представлено у Пушкина в формах и мужского и женского рода: Она догадывалась, что сурьма и белилы были похищены из ее *комода* (БК 120.19). Да сделай же одолжение: перешли мне мой опекунский билет, который оставил я в секретной твоей *комоде* (Пс 721.6).

Иногда употребление слова в том или ином роде осознается писателем как факт стилистический. Так, например, у Пушкина наблюдаем употребление слова *лебедь* в мужском и в женском роде. В форме женского рода оно встречается в «Сказке о Царе Салтане» (часто с фольклорным эпитетом *белая*) и в стихотворении «Чу, пушки грянули», где данная форма, может быть, определяется требованием рифмы: Чу, пушки грянули! крылатых кораблей Покрылась облаком [станица боевая], Корабль вбежал в Неву — и вот среди зыбей Качаясь плавает, как [*лебедь* молодая]. Во всех остальных случаях Пушкин употребляет слово *лебедь* в форме мужского рода, например: И тихая луна, как *лебедь* величавый Плывет в серебристых облаках (C_1 *Воспоминание в Царском Селе*).

Особый характер имеют колебания в употреблении слов одного рода, но разных типов склонения. Так, в языке Пушкина слово *постель* употребляется и с нулевой флексией (*постель*) и с флексией-*а* (*постеля*). Из форм этого слова встречаются следующие: именительный падеж — *постель* (1 случай) и *постеля* (3 случая); родительный падеж — *постели* (30 случаев); дательный падеж — *постеле* (4 случая); винительный падеж — *постель* (11 случаев) и *постелю* (13 случаев); предложный падеж — *постели* (1 случай) и *постеле* (34 случая).

Как видно, Пушкин шире использует данное слово в форме склонения на *-а*, т. е. в форме, которая не закрепилась в современном литературном языке.

Наличие параллельных форм встречается у Пушкина и в области синтаксиса. Примером могут служить синонимические формы выражения причинных отношений, сохранившиеся в основном и в современном языке. У Пушкина обычны конструкции: *не читал за недосугом*, *приложили руку за неумением писать*, *отложили за приданым* и т. д. В современном языке такие построения сохранились лишь в составе фразеологических единиц (*за неимением*, *за чем дело стало* и некоторые другие). Свободное употребление таких конструкций ограничено.

Для Пушкина обычны сочетания дательного падежа с предлогом *по* с причинным значением:... *дождь и снег. Тришка бит по погоде*; *по своей неопытности попадутся в беду*; *будем принуждены по недостатку слушателей* и т. п. В современном употреблении такие построения вытеснены конструкциями с предлогом *из-за* с родительным падежом (*из-за погоды*, *из-за недостатка слушателей* и т. п.). Различие между пушкинским и современным употреблением синонимических конструкций состоит не в коренных изменениях, не в ликвидации или ломке конструкции, а в ограничении круга слов, которые могут соединяться с предлогом *по* для выражения причинных отношений (*по глупости*, *по неведению*, *по незнанию*, *по недоразумению* и т. п.).

Сужение круга конструкций при передаче определенных отношений той или другой формой, при расширении и обогащении другой, синонимической, может постепенно привести к ликвидации одного из синтаксических синонимов. Например, из двух синтаксических синонимов — *плакать по кому* и *по ком*, шире представленных в языке Пушкина формой предложного падежа [*по старом рогаче вдовицы плач амурный* (C_3 *Когда за городом*); *она вздыхала по другом* (*ЕО* II 30. II)], в современном языке явно предпочитается форма с дательным падежом. Такая продуктивность конструкции с дательным падежом — явление, определившееся еще в допушкинское время. Вытеснение одной формы другой, наблюдаемое при сопоставлении пушкин-

[9] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1951, стр. 10.

ского и современного слово- и формоупотребления, приводит к частичным перемещениям внутри предложно-падежной системы.

Смена одного типа управления другим в отдельных случаях определяется утратой у того или иного слова определенного лексического значения, благодаря которому это слово входило в целую группу слов, связанных определенными типами синтаксических связей с другими словами. Например, у Пушкина глагол *петь* управляет следующими падежами: беспредложным винительным: Я *песню* для себя *пою* (*Ц* 270). Уж *пел* бессмертными стихами *Несчастье* Невских берегов (МВ II. 87). Вы *пели страсть* — и гордою рукою Красавицам несли свои венцы (C_1 *Любовь одна — веселье жизни хладной*). И *пел* при звуках лир Войны кровавый *пир* (C_1 *Батюшкову*); винительным с предлогом *про:* Пастух, плетя свой пестрый лапоть, *Поет про волжских рыбарей* (*ЕО* VI. 41. 4); творительным: Поэт, любимый небесами, Уж *пел* бессмертными *стихами*... Несчастье невских берегов. (*МВ* II 87); предложным с предлогом *о*; Но лира юного певца *О чем поет*? (C_2 *Андрей Шенье*).

Как видно из примеров, косвенный объект у Пушкина может выражаться предложным падежом с предлогом *о*, винительным падежом с предлогом *про* и беспредложным винительным. Беспредложный винительный в этой функции не типичен, он встречается у Пушкина при считанном числе глаголов dicendi (говорения). Поэтому вполне естественно возникает предположение о том, что при этих глаголах мы имеем у Пушкина не специальную функцию выражения косвенного объекта, а употребление, обусловленное особым значением данного слова: глагол *петь* выступает здесь в значении «воспевать», калькированном с французского и утратившемся впоследствии. Входя, таким образом, в особый и самостоятельный семантический ряд, слово *петь* приобрело и тип управления, характерный для этого ряда. Ср. *воспою тот славный час* (*КП Эп* 25)[10].

Кажется, к подобного рода случаям относится и наличие винительного падежа в функции косвенного объекта при глаголах *рассказать* — *рассказывать*, *сказать*: Фон-Визин тотчас *рассказал Свои* в том мире *похожденья* (C_1 *Тень Фонвизина*); Мы домой воротимся с тобою *И расскажем эту битву* нашим детям (*ЗС* 3.22); Кирила Петрович с великим удовольствием стал *рассказывать подвиг* своего француза (*Д* 196.24).

Словарь языка Пушкина, выделяя то или иное значение слова и отмечая грамматические особенности его употребления, поможет вскрыть причину и характер подобных расхождений с современным языком[11].

Систематизация в Словаре материала, относящегося к служебным словам, позволяет проследить изменения в пределах того или иного отношения, формирование или становление того или иного факта языка.

Известно, например, что целый ряд предлогов появился в языке сравнительно недавно — в XIX в. (*по причине*, *вследствие*, *ввиду* и др.). Многие из них до сих пор еще сохраняют свою былую знаменательность. Одним из таких новых предлогов является отглагольный предлог *благодаря*. Материалы Словаря Пушкина показывают, что употребление этого слова в функции предлога есть явление новое, становящееся. Предлог *благодаря* у Пушкина соединяется с дательным падежом преимущественно в тех случаях, когда дательный падеж представлен существительными неодушевленными (25 случаев на 1 с одушевленным): винительный падеж при этом же предлоге появляется в случаях сочетания его с существительным одушевленным (7 случаев): Скажи: не стыдно ли, что на святой Руси, *Благодаря тебя*, не видим книг доселе? (C_2 *Послание цензору*). О своих меркантильных обстоятельствах скажу тебе, что *благодаря отца моего*... я женился и обзавелся хозяйством (*Пс* 585.39). Ср. один случай с дательным падежом: Вся литература сделалась рукописною *благодаря Красовскому и Бирюкову* (*Пс* 1251. II).

В употреблении *благодаря* в сочетании с винительным падежом намечаются три типа: 1) *благодаря* синонимично с *из-за* в случаях с отрицательной причинностью: ранен *благодаря тебя* (*КД* 310.10), *благодаря тебя* не видим книг (C_2 *Послание цензору*); 2) *Благодаря* синонимично с *из-за*, но не утратило своего исходного лексического зна-

---

[10] Подобное употребление отмечено Словарем церковнославянского и русского языка 1847 г., где указано, что *петь* в 3-м значении означает *прославлять* или *изображать что-либо в песнях* (соврем. *воспевать*).

[11] Например, в статье на слово *надеяться* будет отмечено, что такие случаи, где слово *надеяться* управляет родительным падежом: (*новой милости* не смею *надеяться* (*Пс* 214.10); От тебя буду *надеяться письма* в Симбирске (*Пс* 837.23) и т. п. не являются синонимической формой к конструкции *надеяться на кого-что-н.*, но означают: «надеясь ожидать чего-н.» Ср. в «Русской грамматике» Александра Востокова, ч. II, гл. II, § 129: «Родительный движения мысленного, к предмету или от предмета, имеет место при глаголах и прилагательных, означающих *желание*, *ожидание*, *достигание*... *ожидание*: *ждать* случая, *чаять* спасения, *дожидаться* очереди, *надеяться* успеха». И немного ниже: «Глагол *надеяться* управляет также винительным падежом с предлогом *на*, когда имеет значение глагола *полагаться*, например, *надеяться на свою силу*».

чения в случаях с положительной причинностью: *благодаря отца* я женился и обзавелся хозяйством (*Пс* 585.39); 3) сочетание *благодаря кого* выступает в оборотах вводного характера и означает не причину чего-нибудь, а лицо, способствующее чему нибудь. В данном случае вводный оборот значит то же, что *благодарение кому*: «Мы на свое житье», сказал он, «*благодаря бога и барина*, не жалуемся» (Д 163.26); Опозиция русская, составившаяся *благодаря русского бога*, из наших писателей,... приходила уже в какое-то нетерпение (Пс 89.39).

Таким образом, анализ пушкинского словоупотребления показывает, что стирание лексического значения деепричастия и превращение его в собственно предлог началось прежде всего в тех случаях, где субъект обозначал отрицательную причину чего-нибудь. Вполне естественно, что в этих случаях раньше могла быть усвоена форма дательного падежа.

*

Пушкин для нас — не только носитель литературного языка, но и создатель его новых норм, художник, смело раздвигающий старые границы языка, обогащающий его выразительные средства. Поэтому Словарь языка Пушкина отражает не только то, что типично для него как носителя языка эпохи, но и особенности языка Пушкина-художника. В этом плане выделяются, с одной стороны, такие слова, которые являлись обязательной принадлежностью определенного литературного стиля или жанра (например, необходимые аксессусары поэтического языка, особая лексика публицистической речи), с другой стороны — такие, которые Пушкиным впервые введены в тот или другой жанр.Анализ лексики подобного рода должен идти по линии изучения того, как Пушкин использовал слова, специфические для различных стилей речи.

Словарь языка Пушкина не ставит своей задачей стилистическую характеристику слов. Эта работа еще ждет своего исследователя. Но, сгруппировав все случаи употребления того или иного слова, указав, где оно употреблено, Словарь даст будущему исследователю возможность изучить стилистическую окраску того или иного слова в языке Пушкина, выяснить жанрово-стилистические условия его употребления.

Из слов, употребляемых Пушкиным в традиционно-поэтическом плане, следует выделить следующие группы:

1. Имена мифологических богов и героев, имена классических писателей и художников, использующиеся поэтом как в собственном, так и в нарицательном, в переносном значениях. Многие из этих имен превратились в поэтические символы (*Венера* — «любовь», *Вакх* — «вино, веселье», *Аполлон* — «поэзия» и т. д.[12]).

2. Сравнительно небольшой круг слов из других языков, которые, не являясь специфическими для определенного литературного жанра, время от времени используются писателем для придания «местного колорита». Таковы слова: *абаз*, *ага*, *аманат*, *адех*, *аул*, *Авраил*, *вербана*, *бельмес*, *бешлык*, *бошняк* и др.

3. Церковнославянизмы, которые по своему значению и употреблению в языке Пушкина делятся на группы:

а) Слова, специфические для круга явлений, связанных с религией и церковью. Это слова-термины, типичные для узкой области употребления и не имеющие синонимов в литературном языке: *кадило*, *канон*, *акафист*, *богородица*, *вечерня* и др. Пушкин употребляет эти слова в художественно-поэтических целях, пользуясь приемом метафорического переноса; он вводит их в ткань поэтического языка для выражения атеистических идей или в целях расширения изобразительных возможностей литературной речи. Ср. употребление слова *богородица* в следующем контексте: Есть бог другой земного круга — Ему послушна красота, Он бог Парни, Тибулла, Мура, Им мучусь, им утешен я. Он весь в тебя — ты мать Амура, Ты *богородица* моя (C_3 *Ты богоматерь*).

Слово *кадило* также расширяет круг своего употребления и приобретает переносное метафорическое значение: На лире скромной, благородной Земных богов я не хвалил И силе в гордости свободной *Кадилом лести* не кадил (C_2 *К Н. Я. Плюсковой*). Мне жаль великия жены, Жены, которая любила [Все роды славы:] дым войны И дым *Парнасского кадила* (C_2 *Мне жаль великия жены*).

б) Церковнославянские по своему происхождению слова поэтической речи, входящие в литературном языке в определенные синонимические ряды. Одни из них выступают как смысловые и стилистические синонимы (*возгласить* — то же, что *сказать*, но *сказать громко и торжественно*; *вещать* — *говорить*, но *торжественно*, *в приподъ-*

---

[12] В «Евгении Онегине», например, мы встречаем использование слова *Автомедон* (имя искусного возницы Ахилла в «Илиаде») в нарицательном употреблении, которое окрашивает пушкинские строки легкой иронией: За то зимы порой холодной Езда приятна и легка. Как стих без мысли в песне модной Дорога зимняя гладка. *Автомедоны* наши бойки, Неутомимы наши тройки... (VII 35.5). Словарь укажет, что слово *Автомедон* Пушкиным используется всего один раз в нарицательном употреблении.

нятом тоне и т. д.); другие — как синонимы только стилистические (*очи — глаза, лоно — грудь, уста — губы, чело — лоб, ланиты — щеки, ведать — знать, ветр — ветер, ветвь — ветка, вельми — весьма, очень; велегласно — громко, чуждый — чужой*). Сопоставление этих синонимов позволяет изучить пути обогащения словаря новыми словами со строго определенным кругом значений. В этом отношении интересно проследить употребление синонимов *чужой* и *чуждый* в языке Пушкина и в современном литературном языке. В языке Пушкина эти слова были синонимичны во всех своих значениях: 1) *чужая земля, язык* и *чуждая земля, язык* в значении «принадлежащий другим, не собственный»; 2) *чужие люди* и *чуждые люди* в значении «не родной, посторонний»; 3) *я всем чужой* и *он скоро свету стал чужд, и чужд мне будет мир земной* в значении «далекий по духу; такой, с которым нет внутренней близости»; 4) *страх и горе Доныне чужды были мне* в значении «несвойственный, не присущий кому-нибудь». Возможность для современного языка использовать эти параллельные синонимические ряды значительно сузилась к нашему времени; по крайней мере, для первых двух значений слова *чужой* она исключена. Что касается значений 3-го и 4-го, то синонимика в употреблении этих значений отмечена в Словаре под ред. Ушакова, но уже пушкинский материал свидетельствует о закреплении этих значений за словом *чуждый*. Так Словарь языка Пушкина позволяет сопоставить современное употребление слова с употреблением начала XIX в. и проследить историю расхождения синонимов.

Сопоставление различных синонимов и наблюдение над их употреблением в произведениях Пушкина позволяет иногда с большей или меньшей достоверностью сделать вывод об отношении самого поэта к этим словам. Работа Пушкина как преобразователя русского литературного языка включала в себя отбор языковых средств различных стилистических пластов, сталкивание их в нейтральном контексте.

В качестве образца подобных стилистически разграниченных синонимов можно привести следующие ряды слов: *почто — зачем — почему — отчего*; *надоесть — наскучить — надокучить*; *совладеть — сладить — справиться*; *отменно — весьма — очень*. Если слова сугубо книжные и поэтические довольно легко получают в этом ряду синонимов свою стилистическую характеристику (поскольку с ними связана длительная традиция их соответствующего стилистического использования), то для слов, определяемых Словарем Академии Российской как просторечные или простонародные, жанрово-стилистические перемещения и стилистические функции в языке Пушкина не определяются с полной ясностью. Если же вспомнить, что Словарь Академии Российской отставал в своих стилистических оценках или вообще не давал их, то станут ясными те трудности, которые стоят перед исследователями лексики Пушкина в области ее стилистической интерпретации.

Словарь языка Пушкина, отражая все случаи употребления слова, может определить условия использования того или другого синонима и причины, определившие его выбор; сопоставление одних и тех же синонимов в языке Пушкина и в современном языке, с учетом высказываний современников Пушкина и данных словарей, даст возможность с большей или меньшей достоверностью определить оценку стилистической роли слова со стороны Пушкина. Так, сопоставление случаев употребления у Пушкина слов *заместо* и *вместо* позволяет сделать вывод об их стилистической окраске: *заместо* употребляется Пушкиным один раз: Брадатый староста Авдей С поклоном барыне своей *Заместо* красного яичка Принес ученого скворца (C_3 *Брадатый староста*); *вместо* — 122 раза. Текст, в котором употреблено слово *заместо*, а также единичность примера указывают на «простонародный» или просторечный его характер. Словарь Академии Российской вообще не дает слова *заместо*; Словарь церковнославянского и русского языка 1847 г. дает это слово с пометой «нар. стар.», а Словарь под ред. Ушакова указывает на его областной и просторечный характер.

Сравнительный анализ употребления у Пушкина синонимического ряда *зазорный — постыдный — поворный* дает следующие выводы: слово *зазорный*[13] встретилось у Пушкина всего два раза, в специфических текстах («Жених» и «Песни западных славян»), где имеет место стилизация. В «Женихе» слово *зазорный* встречается в речи свахи: — У вас товар, у нас купец; Собою парень молодец, И статный, и проворный, Не вздорный, не *зазорный* (C_3 *Жених*). Весь этот отрывок является образцом стилизации под «простонародную» речь. Зачин, представляющий собою типичную формулу сватовства, слова *парень, молодец*, параллельные синтаксические конструкции, повторы, наконец, слово *вздорный* в специфическом значении «склонный к ссорам, вздорам» — все эти языковые черты позволяют сделать вывод о том, что Пушкин хорошо осознавал простонародную окраску слова *зазорный* и употребил его с определенной стилистической задачей.

В «Песнях западных славян» («Воевода Милош») употребление слова *зазорный* обусловлено стилизованным характером всего языка песни: Над Сербией смилуйся,

---

[13] В Словаре Академии Российской: *зазорный* — «достойный порицания» (без пометы); дано также сочетание *зазорные дети* (внебрачные), свидетельствующее об употреблении его в разговорной речи.

боже! Заедают нас волки янычары!... Красных девок заставляют в насмешку Распевать *зазорные* песни И плясать басурманские пляски.

Употребление слова у Пушкина, предпочтение им того или иного синонима позволяет вносить коррективы в устаревшие и несовершенные стилистические характеристики, представленные в Словаре Академии Российской. Синоним слова *зазорный* — *постыдный* встречается у Пушкина 9 раз, в различных жанрах (стихи, «Граф Нулин», «Борис Годунов», «История Пугачева», журнальные статьи). Со стороны стилистической слово *постыдный* является более нейтральным. Ср.: Талант неволен, и его подражание не есть *постыдное* похищение — признак умственной скудости (*Ж*$_2$ 82.9).

Третий синоним — слово *позорный* употребляется чаще остальных (14 раз), также во всех жанрах и является стилистически нейтральным. Ср.: Но не таков Арзрум нагорный, Многодорожный наш Арзрум: Не спим мы в роскоши *позорной*... (*С*$_3$ *Стамбул гяуры нынче славят*).

В современном литературном языке слово *позорный* стилистически нейтрально: его большая употребительность определяется наличием у него 2-го значения, отсутствующего у Пушкина («крайне неудачный, плохой, вызывающий насмешку, пренебрежение»). В Словаре под ред. Ушакова слово *постыдный* дается с пометой «книжн.», *зазорный* с пометой «просторечн.». Можно отметить, что современное стилистическое разграничение этих трех слов в основном наметилось уже в языке Пушкина.

Количественное преобладание того или другого синонима является фактором, который следует учитывать при стилистической характеристике слова. Примером может служить употребление слов *брюхатая* (19 раз) и *беременная* (1 раз.). Вероятно, слово *брюхатая* в разговорной речи того времени было более обычным, чем в современном языке; слово *беременная* противопоставлялось ему как книжное. Книжный характер этого слова особенно хорошо подчеркивается употреблением его в «Истории села Горюхина», пародирующей по языку и стилю научно-историческую литературу того времени: «NB. Сие болото и называется Бесовским. Рассказывают, будто одна полуумная пастушка стерегла стадо свиней не далече от сего уединенного места. Она сделалась *беременною* и никак не могла удовлетворительно объяснить сего случая. Глас народный обвинял болотного беса — но сия сказка недостойна внимания историка...» (*ИГ* 134.36). Во всех остальных случаях — в художественных произведениях, в письмах — Пушкин употребляет только слово *брюхатая*. Попав в стилизованный под фольклор текст, это слово не нарушает общего звучания текста и вполне соответствует стилистической помете «простонародн.», приданной ему в Словаре Академии Российской, ср.: Мать *брюхатая* сидела, Да на снег лишь и глядела (*МЦ* 89); Стала пухнуть прекрасная Елена, Стали баить: Елена *брюхата* (*ЗС* 4.38). Во всех остальных случаях, если исключить письма, слово вводится в текст, стилизованный под повествовательно-разговорный жанр эпохи, предшествующей пушкинскому времени[14]. В письмах, в личном употреблении поэта слово *брюхатая* нейтрально: на нем нет того отпечатка грубости, просторечности, который свойственен ему сейчас[15].

Сравнительный анализ отдельных синонимических рядов позволяет наблюдать не только расширение или сужение синонимического ряда, но и стилистические перегруппировки в его пределах. Это положение можно проиллюстрировать историей синонимического ряда *отменно — весьма — очень — в высшей степени*, который в активном языковом запасе современного литературного языка превратился в синонимический ряд *очень — в высшей степени — исключительно*. Количественные соотношения в употреблении этих синонимов у Пушкина следующие: *отменно* — 19 раз, *весьма* — 131, *очень* — постоянно, *в высшей степени* — 1 раз. При таких соотношениях едва ли можно говорить о нейтральном характере слова *отменно*. Ср.: Ночь над мирною Коломной Тиха *отменно* (*ДК* XIX); Дубровский был *отменно* сердит (Д 186. 13) и др. Это слово уже у Пушкина начинает приобретать тот оттенок книжности, а позднее архаичности, который позволяет не вводить его в словарь современного русского литературного языка (его нет, например, в Словаре под ред. Ушакова). Синонимическое выражение *в высшей степени* представляет собой явление несколько особого порядка. Единственный случай употребления его у Пушкина и наблюдения за употреблением слова *степень* позволяют предположить, что это сочетание оформлялось только в пушкинское время. Единственный случай употребления этого сочетания у Пушкина: Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо *в высшей степени* была одарена скромностию и осторожностию (*КД* 369.31) — не может свидетельствовать об уже определившемся значении и употреблении этого сочетания.

---

[14] Он Вислою отправился в Торн, где императрица, в то время *брюхатая* на седьмом месяце, располагалась родить (*ЗМ* 338.3); Матушка была еще мною *брюхата*, как я уже был записан в Семеновский полк (*КД* 279. 15) и др. под.

[15] Слово *беременная* в современном языке утратило книжный характер и стало нейтральным, чему способствовала некоторая его терминологичность и отсутствие живых связей с однокоренными словами, которые живо чувствуются в слове *брюхатая*.

Что касается широкоупотребительных *весьма* и *очень*, то первое было более ограничено по степени употребительности; применение его в сугубо книжных, иногда канцелярски-деловых текстах не дает оснований считать это слово нейтральным. Ср. в шутливом употреблении: И дабы впредь не смел чудесить, Поймавши истинно повесить И живота *весьма* лишить (C_2 291.18); также в стилизации книжной речи: Государь мой, ты провинился во-первых, подошед к сей молодой персоне...; сего ради имеешь ты быть *весьма* наказан, имянно должен выпить кубок большого орла (*АП* 17.28). В то же время слово *весьма* может употребляться и в сравнительно нейтральных текстах, например: У меня была в руках, и *весьма* недавно, довольно круглая сумма... (*Пс* 897.16); Жена тебе *весьма* кланяется (*Пс*. 671.32) и др.

Дальнейшая история этого синонимического ряда сводится к выпадению слова *отменно* (вследствие его архаизации), к резкому снижению употребительности и к усилению стилистических особенностей архаизирующегося слова *весьма*. В то же время в данном синонимическом ряду произошло закрепление синонима *в высшей степени* и появился синоним *исключительно*, которого не было в языке Пушкина[16].

Затронутыми вопросами далеко не исчерпывается круг проблем, разрешению которых помогут материалы Словаря языка Пушкина. Выделяя пословицы, поговорки, фразеологические сочетания, перифрастические выражения, отмечая переносные случаи употребления, Словарь предоставляет исследователю богатейший материал, характеризующий Пушкина как художника. Материалы Словаря языка Пушкина будут иметь значение не только для изучения языка самого Пушкина как писателя и как носителя литературного языка своего времени, но они будут служить и отправным, опорным пунктом при изучении языка писателей начала XIX в. и последующего времени.

Словарь языка Пушкина явится одной из необходимых предпосылок подлинно-научного изучения литературного языка XIX—XX в. Наконец, являясь первым опытом словаря языка писателя, Словарь языка Пушкина, после критического его анализа, сможет послужить образцом для составления словарей языка других писателей.

А. Д. Григорьева

---

[16] У Пушкина слово *исключительно* имело значение, близкое к этимологическому: «полностью, всецело, исключая что-нибудь другое», например: нетерпение доехать до Тифлиса *исключительно* овладело мной (ПА 452.28);... Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих *исключительно* какому-нибудь народу ($Ж_1$ 40.31).

СОДЕРЖАНИЕ

Два года движения советского языкознания по новому пути 3
Н. А. Баскаков. Развитие языков и письменности народов СССР (на материале тюркских языков). 19
Н. И. Конрад. О китайском языке 45
А. Я. Пельше. Состояние латышского языкознания и задачи языковедов республики в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» 79
И. А. Оссовецкий. Об изучении языка русского фольклора 93

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ ЗА РУБЕЖОМ

Развитие зарубежного языкознания после выхода в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»

И. М. Ошанин. Китайская Народная Республика 113
Ю. Н. Мазур. Корейская Народно-демократическая Республика 119
С. Б. Бернштейн. Болгария 122
К. Е. Майтинская. Венгрия. 128

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О статьях проф. А. В. Арциховского по поводу открытия новгородских берестяных грамот

В. И. Борковский. Драгоценные памятники древнерусской письменности 131
Ф. Ф. Кузьмин. Новгородская берестяная грамота № 9 137

ХРОНИКА И ИНФОРМАЦИЯ

В. Д. Левин и М. М. Орлов. Дискуссия о внутренних законах развития языка в Ученом Совете Института языкознания АН СССР 141
Постановление Ученого Совета Института языкознания АН СССР от 7 февраля 1952 года 148
А. Д. Григорьева. Словарь языка Пушкина 150

Редколлегия:

С. Г. Бархударов, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев (секретарь редколлегии), *Р. А. Будагов, В. В. Виноградов* (главный редактор), *А. И. Ефимов, Н. А. Кондрашов, Н. И. Конрад, В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев* (зам. главного редактора), *В. М. Филиппова, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова*

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 18/2, тел. К-4-01-28

Т-03657 Подписано к печати 7. VI 1952. Тираж 15000 экз. Зак. 315
Формат бум. 70 × 108¹/₁₆ Бум. лист. 5 Печ. л. 13,70 + 1 вклейка Уч.-изд. л. 15,8

2-я типография Издательства Академии Наук СССР, Москва, Шубинский пер., 10

ИСПРАВЛЕНИЯ

в № 3 ж. «Вопросы языкознания» за 1952 г.

Напечатано:	Следует читать:
на стр. 30, 1-я строка снизу	
«мобиливизовать» (изинфинитиа) ...	... «мобилизовать» (из инфинитива)...
на стр. 31, сноска 8	
... оңы онатландырмак ,..	... оны оңатландырмак

на стр. 102 19-ю строку сверху следует читать:

... об ином соотношении языка фольклора и языка светских памятников...